

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

**«СТЕНЫ И МОСТЫ – VI»:
ПРАКТИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В ИСТОРИИ**

Москва
2018

УДК 930
ББК 63
С79

Ответственный редактор
Г.Г. Еришова

Составитель
Е.А. Долгова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вводное слово</i>	7
Дискуссионная площадка «Как происходят революции?»: к 100-летию революции в России	11
<i>Ершова Г.Г.</i> Культурная революция как объект междисциплинарных исследований	12
<i>Миронов Б.Н.</i> Революция 1917 года как самоисполнившееся пророчество	35
<i>Романовский Н.В.</i> Эволюция историографии 1917 года: рефлексия и поиск	57
<i>Ермаков В.А.</i> Великая русская революция 1917 г. в контексте структурной теории и компаративистского анализа Теды Скочпол	67
<i>Maldonado Repetto A.</i> Talleyrand and The French Revolution	76
Круглый стол: «Психологические аспекты цивилизационных процессов»	81
<i>Стрельченко А.Б.</i> «Стены» и «мосты» нашей психики. Чем это «грозит» человечеству?	82
<i>Секция 1. История и социальные науки</i>	90
<i>Ляровский А.Б.</i> Социология и история. О реконструкции социальных сетей	90
<i>Суккина Л.Б.</i> Развитие и трансформация русской культуры XVII века: социальные аспекты	108
<i>Мухин О.Н.</i> «...Ждали вождя, вождь явился»: к проблеме взаимоотношений лидера и масс (на материале Петровской эпохи)	118
<i>Смирнов Ю.Н.</i> Использование приемов «устной истории» в региональных исследованиях середины XIX века: записи рассказов горожан Самары о прошлом	128
<i>Усольцева И.В.</i> Кризис семьи в оценке П.Ф. Каптерева: виноват ли Петр I?	137

<i>Секция 2. Историческая память</i>	
и конструирование социальной реальности	144
<i>Мазур Л.Н.</i>	
Теории социального проектирования как инструмент исторического исследования: проблемы адаптации понятийного аппарата	144
<i>Женин И.А.</i>	
Понятие «психология народов» и конструирование образа России на рубеже XIX–XX вв.	160
<i>Долгова Е.А., Слискова В.В.</i>	
Научная фантастика и научная практика: в поисках «революционной науки»	169
<i>Молодчикова Т.С.</i>	
«Места памяти» в истории Юкатана (Мексика)	180
<i>Секция 3. Междисциплинарные исследования в истории науки</i>	188
<i>Румянцева М.Ф.</i>	
Идеи и концепции психологии в «методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского	188
<i>Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.</i>	
Междисциплинарность в деятельности Санкт-Петербургского философского общества (1897–1923)	197
<i>Лукьянов Д.В.</i>	
«Утки» и «кролики» Томаса Куна: революционные изменения в науке и современный «коммуникатологический» дискурс	204
<i>Секция 4. Лингвистические методы в исторических исследованиях</i>	215
<i>Федорова Л.Л.</i>	
Практика междисциплинарных подходов в изучении древних систем письма	215
<i>Власов Н.А.</i>	
Россия в мировоззрении Отто фон Бисмарка: методология исследования	224
Круглый стол молодых ученых «Мастерская историка: как сделать науку интересной?»	231
<i>Борисова Г.А.</i>	
Проблемы подводной археологии на Юкатане	232
<i>Железова Н.П.</i>	
Среднеазиатские этнопсихологические исследования А.Р. Лурии в 1931–1932 гг.	239
<i>Хивина Д.А.</i>	
Междисциплинарный подход в изучении международных проектов по защите детства	245
<i>Сведения об авторах</i>	263

Вводное слово

Предлагаемый читателю сборник научных докладов опубликован по итогам VI Международной научной конференции «Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», проведенной в Российском государственном гуманитарном университете 25–26 мая 2017 г. Шестая по счету конференция была посвящена практике междисциплинарных исследований: участие в ее работе приняли не только историки, но и социологи, психологи, лингвисты, политологи и представители иных наук. Замысел проекта состоял в обнаружении и реализации эвристического потенциала методов и подходов междисциплинарных исследований к традиционно исторической проблематике.

Композиция издания продиктована логикой проведения конференции – оно включает материалы дискуссионной площадки «Как происходят революции?», секций «История и социальные науки», «Историческая память и конструирование социальной реальности», «Междисциплинарные исследования в истории науки», «Лингвистические методы в исторических исследованиях», а также экспериментальной площадки «Психологические аспекты цивилизационных процессов» и Круглого стола молодых ученых «Мастерская историка: как сделать науку интересной?».

Магия юбилейных цифр стала причиной того, что в работе конференции 2017 г. ее участники нередко вспоминали о столетии Русской революции, по-новому осмысляя сам феномен революции. Так, работу конференции открыл, в рамках дискуссионной площадки «Как происходят революции?», доклад *Г.Г. Ершовой* «Культурная революция как объект междисциплинарных исследований».

Затем в центре научной дискуссии оказалась книга *Б.Н. Миронова* «Российская империя: от традиции к модерну», опубликованная в трех томах издательством «Дмитрий Буланин» в 2014–2015 гг. Квинтэссенцией труда автора стал доклад «Революция 1917 года как самоисполнившееся пророчество».

В последовавшем обсуждении книги приняли участие *Н.В. Романовский, Л.Н. Мазур, Ю.Н. Смирнов* и *Л.М. Артамонова, М.А. Бабкин, И.В. Поткина, В.А. Ермаков*. В центре внимания оказались проблемы актуализации междисциплинарного подхода к изучению Русской революции, уточнения ее хронологических рамок и характера, возможности применения теории модернизации к пониманию революционных событий, проблемы социально-политической истории пореволюционной России. В данном издании опубликованы доклады участников дискуссионной площадки – статьи *Б.Н. Миронова, Н.В. Романовского, В.А. Ермакова*.

Завершила работу первого дня конференции экспериментальная площадка «Стен и мостов» – круглый стол «Психологические аспекты цивилизационных процессов». В сборнике опубликован доклад руководителя секции *А.Б. Стрельченко* «“Стены” и “мосты” нашей психики. Чем это “грозит” человечеству?»

В рамках второго дня работы конференции состоялось заседание секций «История и социальные науки», «Историческая память и конструирование социальной реальности», «Междисциплинарные исследования в истории науки» и «Лингвистические методы в исторических исследованиях».

Проблема междисциплинарных заимствований (эвристические возможности социологических, экономических, психологических моделей и объяснений, границы их применимости) обсуждалась в рамках первой секции «История и социальные науки». В докладе *Л.Б. Сукиной* речь шла о социальных аспектах развития и трансформации культурного процесса XVII в. – на примере строительства и обустройства храмов различными группами населения. Доклад *Ю.Н. Смирнова* также оказался близок социологической проблематике: он был посвящен специфике устной исторической традиции горожан Самары, записанной в XIX в. *А.Б. Лярский* на примере дневников наружного наблюдения Департамента полиции актуализировал концепцию социальных сетей – чрезвычайно распространенный в настоящее время метод анализа социальных структур. Методологический потенциал психологии применительно к конкретно-историческим исследованиям проиллюстрировали *О.Н. Мухин* и *И.В. Усольцева*: исходной точкой анализа для авторов стала эпоха петровских преобразований.

В рамках второй секции «Историческая память и конструирование социальной реальности» обсуждались сюжеты недавнего

прошлого. *Л.Н. Мазур* очертила интерпретационные возможности теории социального проектирования и понятия «социального проекта» как концепта, позволяющего переосмыслить перемены, произошедшие в российском обществе после революции. *И.А. Женин* рассказал о популярности в немецком обществе объяснительной модели «психологии народов» применительно к революционным переменам в России 1917 г. Атмосферу «революционной науки» 1920-х гг., соединяющей оптимизм экспериментаторства и живых интеллектуальных дискуссий, научно-фантастический пласт, соотносящийся с реальным миром чиновников и общественным резонансом научных исследований, обрисовали в своем докладе *Е.А. Долгова* и *В.В. Слискова*. Доклад *Т.С. Молодчиковой* был посвящен ключевому сюжету секции – «местам памяти», исследуемой автором на примере истории Юкатана (Мексика).

В секции «Междисциплинарные исследования в истории науки» обсуждались проблемы теоретического обоснования междисциплинарных и полидисциплинарных исследований. В докладе *Д.В. Лукьянова* «“Утки” и “кролики” Томаса Куна: революционные изменения в науке и современный “коммуникатологический” дискурс» была сделана попытка современного прочтения и «переключения гештальта» в восприятии знаменитой концепции американского философа с позиций формирующегося коммуникатологического дискурса. В докладах *М.Ф. Румянцевой* «Идеи и концепции психологии в “методологии истории” А.С. Лаппо-Данилевского» и *Е.Ф. Синельниковой* и *В.С. Соболева* «Междисциплинарность в деятельности Санкт-Петербургского философского общества (1897–1923)» была поставлена проблема актуализации классического наследия в современных междисциплинарных исследованиях.

В секции «Лингвистические методы в исторических исследованиях» внимание было уделено практическому воплощению идеи взаимодействия истории и лингвистики. Так, в докладе *Л.Л. Федоровой* были проиллюстрированы познавательные возможности междисциплинарных подходов в изучении древних систем письма. *Н.А. Власов* обратился к новым методам изучения биографии Отто фон Бисмарка – контент-анализу, когнитивному картированию и анализу операционного кода, а также семантическому анализу, позволяющему реконструировать систему представлений автора текстов через выявление смысла, вкладываемого им в отдельные слова и выражения.

В рамках конференции прошел круглый стол молодых ученых «Мастерская историка: как сделать науку интересной?»: в сборнике опубликованы доклады его участников – *Г.А. Борисовой* «Проблемы подводной археологии на Юкатане», *Н.П. Железовой* «Среднеазиатские этнопсихологические исследования А.Р. Лурии в 1931–1932 гг.», *Д.А. Хивиновой* «Междисциплинарные подходы в изучении международных проектов по защите детства».

Конференция послужила весомым доказательством общего стремления университета к его изначальной роли быть хранителем и лабораторией интегративного и универсального знания.

Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова

**ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА
«КАК ПРОИСХОДЯТ РЕВОЛЮЦИИ?»:
К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ**

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Галина Гавриловна Ершова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена феномену «культурной революции» в самом широком его понимании. В современном мире понятие «культурная революция» стало общепринятым и, казалось бы, всем понятным. Однако сам феномен гораздо глубже, нежели сложившиеся о нем представления. Целью данной статьи является всестороннее рассмотрение самых разных аспектов феномена «культурной революции» с целью определения его места в системе гуманитарных наук.*

***Ключевые слова:** культурная революция, октябрьская революция, смена эпох, социальные технологии, историческое развитие, исторические утопии, общественное сознание, нейролингвистическое программирование, антропосистема.*

Термин «культурная революция»

Если обратиться к возникновению термина «культурная революция», то ни у кого не возникает сомнения в том, что появление его связано с Октябрьской социалистической революцией 1917 г. В начале XX в. идея и дух «культурной революции» буквально витали в прогрессивном общественном сознании. Требуемая перемен интеллигенция апеллировала к лозунгам Французской революции, пытаясь сделать их достоянием населения Российской империи. Правда, методы воплощения идеалов «свободы, равенства и братства» предлагались разные, чаще всего достаточно утопические или пугающе разрушительные.

Как бы то ни было, в мае 2017 г. термин отметил свое столетие, поскольку появился в качестве лозунга «Да здравствует Культурная Революция!» в манифесте анархистов братьев Гординых,

опубликованном год спустя, в 1918 г. Под псевдонимом «Братья Гордины» выступали Абба и Вольф Гордины, хотя лидером в этом тандеме выступал, прежде всего, Абба Лейбович – теоретик и проповедник *пананархизма*, создатель направления анархоиндивидуализма (интериндивидуализма).

Но в научный, да и, по сути, в общекультурный оборот термин «культурная революция» официально вошел благодаря В.И. Ленину, который практически накануне своей смерти в статье 1923 г. «О кооперации» подчеркивал абсолютную важность проведения такой революции, без которой все задуманные преобразования в стране были бы обречены на провал. Тогда как большинство участников переворота, не остывшее от Гражданской войны, продолжало апеллировать к кровавому террору, воспетому Французской революцией, в центре забот умирающего вождя мирового пролетариата находилась именно «культурная революция», «культурная работа» или «культурничество»¹. То есть сам автор еще явно не успел определить терминологическую необходимость столь неожиданного для большинства подхода к построению коммунизма. Как главное свое завещание он писал: «Культурная революция – это... целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы»². И это отнюдь не случайно, так как идея о том, что *в неграмотной стране коммунизма не построишь*, повторялась организатором октябрьской революции в разных версиях и контекстах, обращаясь, прежде всего, к молодежи, на съезде в 1920 г. Важно и то, что Ленин, отказываясь от доминировавшей на протяжении всей революции критики всего «старого», объясняет молодым, что они должны сначала *овладеть* всем, чем располагала старая наука, а затем *выбрать и развить* то, что может быть полезно. И еще более резко: «*Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества*»³. Можно заметить, что весь пафос выступления Ленина на этом съезде молодежи был направлен на то, чтобы заменить лозунги «борьбы» и «разрушения» на призывы к развитию образования на основе уже сложившейся науки. Складывается впечатление, что дискурс кровавого разрушения,

воспетый Французской революцией и подхваченный в переводах на русский язык «Марсельезы» и «Интернационала», был на этапе политического переворота понятен и чрезвычайно привлекателен для бунтующей молодежи, вернувшихся с фронта солдат и маргинальных слоев. И потому самой большой для вождей Революции проблемой оказалось заменить этот примитивный, но притягательный своей простотой лозунг тотального разрушения на установки по созиданию нового будущего, где граждане равны в своих возможностях и свободны.

Таким образом, феномен «культурной революции», провозглашенный Лениным, вошел в мировую историю в качестве перестройки всех сфер общества и самого общества за счет обязательного качественного образования, использования выработанных человечеством знаний и на их основе создания нового будущего.

Феномен культурной революции в общественном сознании

Восприятие и отношение к *культурной революции* претерпели определенные изменения даже в обыденном сознании всего за сто лет существования самого термина. Долгое время этот феномен ассоциировался исключительно с периодом российской истории, начавшимся социалистической революцией 1917 г. На этом этапе речь, в основном, велась о борьбе с религией, косностью и, безусловно, о необходимости ликбеза – обеспечении всеобщей грамотности в преимущественно крестьянской отсталой стране, которой и являлась Россия. Восприятие провозглашенной на государственном уровне всеобщей просветительской, делающей человека свободным революции было глубоко позитивным и таким воспринималось в остальном мире, немало способствуя повсеместному распространению идей социализма. Это был удивительно удачный опыт формирования нового типа общечеловеческих ценностей, что привлекло к социалистическому эксперименту немало симпатий во всем мире. И, по сути, этот дискурс заставил измениться весь западный мир, вынужденный обратиться к решению социальных и гуманитарных вызовов.

Тем не менее существовали уже тогда два диаметрально противоположных – и вместе с тем оба весьма романтические – типа

оценок феномена «культурной революции». Один из них восторженно позитивный, основывающийся на утверждении, что «культурная революция» – это *созидательное начало*. И подтверждением тому сама этимология слова *cultura*, что в переводе с латинского может означать и *возделывание*, и *воспитание*, и *совершенствование*, и *развитие*. Собственно, этот аспект и пытался подчеркнуть Ленин, когда искал подходящий термин – «культурная революция», «культурная работа» и даже «культурничество».

Второй тип оценок резко негативный, отталкивающийся от отрицательного восприятия слова «революция» как переворота, ломающего и разрушающего устои прежней духовной жизни общества. И потому феномен «культурной революции» – это, прежде всего, *разрушительное начало*. Ярким представителем второго подхода был Николай Бердяев, который полагал, что культура не может быть совместима с революцией, которая всегда символизирует разрушение и расчетливо преследует политические интересы. Он писал: «русская коммунистическая революция родилась в несчастье и от несчастья, несчастья разлагающейся войны, она не от творческого избытка сил родилась. Впрочем, революция всегда предполагает несчастье, всегда предполагает сгущение тьмы прошлого»⁴. Бердяев, как многие интеллектуалы начала XX в., ностальгически воспринимал эпоху Возрождения в качестве единственного культурного и творческого типа. Видимо, тем самым отторгая жестокость английской и французской революций. При этом Реформация, по его мнению, вела к разрушению религиозно-нравственных и культурных традиций. Хотя, по сути, речь шла о единой культурной революции Европы, где Реформация выступала в качестве рационального идеологического вектора. Столь же схематична и оценка Бердяевым роли Византии в качестве позитивного фактора для диких «варваров и скифов», которые, благодаря ей, обрели связь с «эталонной» греческой культурой, по мнению определенной части русской интеллигенции. Современная демократия, выросшая из разрушения возрожденческого расцвета, по мнению Бердяева, вообще понижала качественный уровень и творческое начало культуры. Социализм же многократно усиливал столь негативную тенденцию. Видимо, за счет включения в этот процесс неэлитарных слоев общества (мещан, рабочих и крестьян), которые принципиально не признавались интеллектуалами «из бывших».

Как бы то ни было, каждый из оценивающих явление культурной революции видел свое – одни сокрушались о мире, разрушаемом «до основания», а другие делали упор на строительстве «нового мира». Тем не менее в целом, вплоть до 1960-х гг., ушедший от старой кастовой интеллектуальной элитарности мир воспринимал в целом культурную революцию как явление глубоко положительное.

Однако подобное позитивное восприятие миром культурной революции было практически начисто стерто политическими событиями в Китае в 1966–1976 гг. В те годы Мао Цзэдуном под лозунгом «культурной революции» была цинично осуществлена чистка партийной оппозиции и уничтожена национальная интеллектуальная элита в качестве носителей определенной культурно-идеологической парадигмы. Новым в этом социально-историческом процессе стало целенаправленное и массовое использование манипулируемой молодежи в истреблении «чуждых элементов», к коим причислили сложившуюся к тому моменту научную, образовательную и управленческую часть общества. Подобный китайский «инновационный» опыт расправы с неугодными был буквально подхвачен в 1975 г. в Кампучии Пол Потом с его «красными кхмерами». Тогда откровенно, под предлогом идеологической чистки, уже не просто молодежь, а подростки и дети оказались вовлечены в чудовищную травлю и убийства носителей старой идеологии, представлявших практически все социальные слои. Жертвами незрелых и потому безжалостных юнцов становились не только учителя и соседи, но и родственники и даже собственные родители.

В результате этих событий к настоящему времени термин «культурная революция» утратил свой базовый первоначальный смысл и стал означать некие частные и очень конкретные политические события Новейшей истории.

Культурные революции и их скорость в историческом процессе

Несмотря на столь, казалось бы, противоречивый поворот в истории последнего столетия, стоит вернуться к ленинскому пониманию «культурной революции», так как сам феномен представляется гораздо древнее и более универсальным, нежели при-

меры из Новейшего времени. Это явление берет свое начало практически на заре коллективной человеческой деятельности, когда предпосылки социально-экономического и научно-технологического развития обусловили и смену «общественного дискурса» (религии и идеологии) в целях реализации возникающих задач модернизации. Более того, не будет ошибкой определить культурные революции как неизбежное сопровождение всех глобальных социальных перемен, происходящих в истории человечества. И дело заключается в самой технологии реализации этих глобальных перемен. Как известно, социальные и политические революции осуществляются, как правило, усилиями небольшой группы организаторов, вовлекающих в свои «проекты» лишь ограниченную часть граждан в качестве так называемой «движущей силы», несмотря на все утверждения теоретиков об участии в переворотах «всего народа». Однако основная масса населения, особенно удаленная от очага социально-экономических трансформаций, как правило, пребывает вне понимания устремлений реформаторов и, более того, изо всех сил сопротивляется навязываемым инновациям. Это, кстати, отчетливо наблюдалось в СССР со второй половины 1980-х с объявлением так называемой перестройки и последовавших политических переворотов начала 1990-х, когда активное политическое участие принимали лишь жители Москвы и совсем немного Ленинграда. Остальные регионы оставались инертны. Референдум о единстве СССР подтвердил всеобщее намерение сохранить страну, но интересы народа в расчет приняты не были. В лучшем случае пассивные наблюдатели выбирают выжидательную позицию, чтобы вовремя приспособиться к любому исходу. Поэтому в исторической практике сразу после успешного осуществления революции социальной, политической и экономической наступает острая необходимость в революции культурной, предполагающей изменение идеологии, системы управления, модели образования, уровня технологической грамотности среди той самой основной, весьма инертной, массы населения.

Если сделать краткий экскурс по узловым точкам исторического развития человечества, то можно выделить несколько поддающихся анализу событий. Первое – это так называемая и принятая в археологии «неолитическая революция», предполагающая переход от присваивающей экономики к экономике производящей. Неолитическая революция, далеко не одновременно

по регионам Земли, меняла качество всех сфер жизни человеческих коллективов: модель поселения (оседлая), создание искусственной среды обитания (ирригация, культивация растений, одомашнивание животных, строительство), интенсификация хозяйственной модели (земледелие и животноводство), форма собственности, политическое устройство, система управления, религия / идеология, научные знания и технологии, коммуникативные модели. При этом данных о каких-либо глобальных социальных взрывах нет, хотя можно подозревать, что процессы шли не так гладко. Современному историку понятно, что неолитическая революция полностью изменила культурную парадигму обществ, вовлеченных в этот «революционный» процесс, открыв дорогу появлению первых цивилизаций. Результат неолитической революции оценивается такими показателями, как *увеличение средней продолжительности жизни и увеличение численности населения*. Этот показатель сопровождает все культурные революции. То есть, по сути, неолитическая революция стала первой культурной революцией человечества, хотя событийных данных о тех далеких процессах в источниках не сохранилось. При том, что длительность неолитической культурной революции, неравномерно охватывавшей разные регионы Земли, исчисляется несколькими тысячелетиями.

Совершенно справедливо отмечал И.П. Вейнберг, анализируя историю Востока: «Что же касается возможного “предпервого осевого времени”, то им вполне может быть время возникновения первых цивилизаций, переход от родоплеменного к древнему гражданскому обществу. О нем мы можем судить лишь по археологическим данным, но не приходится сомневаться в том, что это была эпоха напряженнейшей духовной работы, радикальной смены ценностей. То же самое можно, вероятно, сказать и об эпохе неолитической революции. При таком взгляде на историю она предстает в виде относительно коротких периодов бурного и напряженного взаимосвязанного развития, и коренных перемен, перемежающихся гораздо более длительными периодами медленной эволюции и относительного разобщения, своего рода накопления сил для нового общего рывка. Можно, таким образом, говорить о “макроистории” как едином и имеющем своеобразную волновую природу историческом процессе, охватывающем все человечество, и о “микроистории” как о конкретных проявлениях этого процесса в пространстве и времени»⁵. Собственно, речь

идет о культурной революции как общеисторическом феномене, сопровождающем каждую смену эпох, как бы они ни назывались – стадиями, эпохами, формациями и т. д.

И потому в качестве первой «мировой» культурной революции, в частности, можно интерпретировать принятие и распространение христианства, что было обусловлено социально-политическим развитием сначала в ближневосточном регионе, а затем обществами, все более удаленными от Средиземноморья.

Схематично этот процесс можно представить следующим образом. Дохристианская парадигма основывалась на иудаистской традиции – сформировавшейся от группы рабов, живших в рамках египетской культуры и вынужденных перестраивать свою организацию от племенной, ориентированной на захват земельных территорий, к относительно оседлой и городской, о чем повествует Пятикнижие. Возникновение христианства открыло для достаточно отсталого общества новую социальную модель, сформированную уже под влиянием достаточно долгого присутствия римлян и греков на территории Иудеи и Ближнего Востока. При этом не-иудеев на этой территории проживало в два раза больше, нежели иудеев. Ко времени появления христианства в регионе назрела объективная необходимость пересматривать ценности, качественно менять и нравственные, бытовые нормы, экономику, а также право. Итак, что ознаменовала христианская культурная революция на территории Иудеи и Ближнего Востока? Не будет преувеличением сказать, что она принесла кардинальные изменения, затрагивающие все сферы общественно-политического и хозяйственного устройства: под влиянием римлян и греков сложилась новая социальная, правовая, политическая модель. Естественно, что римское право, отделившее правовую систему от религиозных правил, и распространявшееся по территории Палестины (Иудеи), не могло не вступить в конфликт с архаическими нормами иудаизма. Эта ситуация в восточных провинциях Римской империи достаточно подробно и, главное, всесторонне была проанализирована И.П. Вейнбергом (с использованием материалов И.Д. Амусина) относительно перемены в мировоззрении⁶.

Отдельно можно рассматривать утверждение христианского календарно-религиозного учения в разных регионах мира с собственными изначальными условиями. И тут все формы религиозного синкретизма (включая ислам) и политических

преобразований лишь подтверждает схему продвижения мировой «культурной революции». Суть происходившего оставалась неизменной, несмотря на наличие локальных культурно-экономических условий. В частности, принятие христианской идеологии Русью в X в. ознаменовало смену не только религиозной парадигмы. Существовала объективная политическая необходимость в культурной революции, которая обеспечила развитие государственности с новой идеологией, затронув все сферы жизни общества – экономику, централизацию власти, производство, политическое противостояние, законодательство, семейные нормы, земледельческий хозяйственный календарь. Естественно, что изменилось и искусство как форма проведения идеологии. С этой точки зрения, даже, казалось бы, глубоко религиозные события XVII в. – церковный раскол и жестокое, отнюдь не христианское, притеснение старообрядцев – отражают лишь необходимость новой идеологии для выхода государства из кризиса. Требовалось срочно менять модель управления, существовавшую на тот момент, так как неэффективность старой власти привела к политическому и социально-экономическому кризису, провалам в экономике, неурожаю, остановке в развитии, понижению уровня жизни населения.

Культурная революция христианства происходила несколько быстрее «неолитической» – в целом она вписалась в тысячу лет и затем продолжала победно шествовать по миру, охватывая новые регионы с еще большей скоростью.

Новая глобальная культурная революция обычно связана с периодом Возрождения – это характерно для старых научных школ ориентироваться на внешние проявления, в первую очередь, искусство и литературу, в оценке происходящих социальных трансформаций. Как бы то ни было, начавшееся в Италии отрицание в искусстве средневековых традиций и обращение к классической древности отражало потребность европейского общества в изменении общественного устройства и отношений.

Если в Италии это было в большей степени эстетическое ощущение необходимости ухода от «темных веков» Средневековья, то реальная культурная революция начинает свой отсчет в Англии XVI в., когда появляются многие принципиально новые технологии в различных областях хозяйства. В результате происходит интенсификация сельского хозяйства, возникает машиностроение, преобразившее производство, формируется промышлен-

ность, меняется модель торговли, резко увеличивается потребление энергоносителей, развиваются транспорт и коммуникации. Жизнь перестала вписываться в старые рамки по всем показателям. Необходимо было менять систему управления и потому уже английская социальная революция XVII в., через гражданскую войну, привела к изменению модели власти, социальной структуры, пересмотру религиозной идеологии, типа собственности и финансовой системы, изменению семьи, образования и воспитания детей. Результатом стала трансформация социальной структуры общества – резкий рост городского населения, превратившегося в промышленный пролетариат. Сформировалась новая сильная социальная группа – предприниматели, управленцы, инженеры. Образовался новый социальный уровень – средний класс. Активно развивалась наука. Таким образом, происходившие изменения неизбежно сопровождалось продвижением культурной революции, создавшей технологически и политически грамотное население. Естественно, что английская культурная революция распространилась и на сопредельные, связанные экономически и политически европейские государства, потянув за собой не только промышленное развитие, но и социальные революции.

Адам Смит в XVIII в. становится характерным выразителем основных положений развивающейся культурной революции. Он рассуждает об изменении экономики, форм собственности, права, социальных отношений, философии, этических норм, просвещения, коммуникативных принципов. Принято говорить об энциклопедистах как форме мышления просветителей этого бурного периода. Однако складывается впечатление, что энциклопедизм возник, скорее всего, как насущная необходимость разносторонне отразить все области происходивших и столь необходимых преобразований. И это является фактором в пользу отнесения этого периода европейской истории к культурной революции.

Если английская культурная революция сопровождала, осмысляя, экономические и политические трансформации и меняя идеологическую модель, то остальным западноевропейским государствам оставалось следовать новой культурно-исторической модели, приспособивая ее к собственным реалиям и трансформируя все сферы собственной жизни. И тут на мировую арену выходит Французская революция XVIII в., прославившаяся своими энциклопедистами. Именно они дораба-

тывают целостную идеологическую концепцию новой реальности, названной «Веком просвещения». Просветители – Вольтер, Дидро, Монтескьё, Руссо – идеологически обосновывают смену политического устройства, системы власти, экономической системы, социальных отношений нового общества. Заявляется смена дискурса – на передний план выходит концепция свободной личности вне социальных сословий, вводится термин «гражданин». Обосновывается необходимость в смене идеологии, что находит выражение в дехристианизации, которая обретает формы деизма, атеизма, рационализма. Разрушение старой эпохи и рождение новой даже пытаются закрепить в новом календаре, который, впрочем, не приживается. Демократизируется и совершенствуется образование, развивается наука, создаются публичные культурные учреждения. Но именно французская культурная революция вбрасывает идеологический лозунг «разрушения старого мира до основания», по сути, лозунг кровавого революционного террора, что вплоть до последних десятилетий будет оставаться темой для обсуждения его целесообразности. А также станет клеймом всяких последующих в истории революционных преобразований.

Если говорить о временном периоде, культурная революция Нового времени, обеспечившая переход от Средневековья к промышленному капитализму, заняла в целом около трех веков, то есть осуществилась раза в три быстрее христианской.

Как уже отмечалось, исторические эпохи не одновременны и не одинаковы по протяженности в разных регионах. Но, тем не менее, они должны сменять одна другую в единой последовательности, двигая антропосистему в целом по пути развития и прогресса⁷. Однако в разных регионах это движение осуществляется в соответствии с конкретными условиями.

В качестве примера можно рассмотреть процесс колонизации Американского континента европейцами в XVI в. Слияние частей антропосистемы – это неизбежный процесс, который начался в глубоком палеолите по мере увеличения плотности населения и освоения территорий Земли. В любой версии происходит постоянное расширение пространства одних групп за счет вытеснения или подчинения на разных условиях других. И объективность претензий проигравших весьма относительна. Эта ситуация свойственна абсолютно всем регионам Земли и покоренное население каждой завоеванной территории в той или иной мере переживает культурную революцию.

Испания, ставшая в XV в. колонизатором Нового Света, прошла собственный путь формирования единого общества. Первые поселения на Иберийском полуострове датируются 15–10 тыс. до н. э. В 3 тыс. здесь появляются иберийские племена. А спустя две тысячи лет почти весь полуостров оказывается под кельтами. Затем в южной части основывают колонии финикийцы, а в восточной – греки. После этого территории захватывают карфагеняне. Римляне колонизируют полуостров во II в. после Второй Пунической войны и создают Римскую Испанию. Так на полуостров приходит христианская культурная революция. Но падение Римской империи в V в. открывает дорогу германским племенам. Более того, появляется Королевство вестготов. В VIII в. на Иберийские земли вторгаются мусульмане, вплоть до Реконксты, которая в 1492 г. вытесняет не только мусульман, но и иудеев. И в этом же году испанцы, как идеологически «единая нация», отождествляющая себе с «христианской вселенной», высаживаются на берега Нового Света. При этом, 500 лет спустя, представители запутанной этнической карты Иберийского полуострова готовы вступить на путь создания границ на некогда единой территории.

Примером продвижения культурной революции руками колонизаторов можно рассматривать и разные типы покорения Северной и Южной Америки. Первая, англосаксонская «экономическая» модель, характерна для США на севере континента. Она заключается в исключении культурной революции из задач общества через физическое уничтожение аборигенов и создание на неудобных территориях гетто (резерваций) для оставшихся в живых. Индейцы в массовом порядке перебирались на территорию Канады, где под французским влиянием постепенно сформировалась политика по культурной адаптации аборигенов.

Вторая модель, реализовавшаяся в странах Латинской Америки, дает нам пример проведения полноценной культурной революции. Во-первых, несмотря на все ужасы конксты, была выстроена модель сосуществования испанцев с индейским населением, сохранения традиционной общины и интеграции этого населения в общее культурное пространство колоний. В первую очередь началось вытеснение идеологии путем принуждения к принятию христианства. Запрещались традиционные религиозные практики и принудительно навязывались христианские. Существовавшая до испанцев социальная система по факту, несмотря на сохранение общин, не могла выжить при испанской

администрации, и потому от нее сохранялось лишь делегирование бывшим индейским представителям элиты управляющих должностей. Традиционная система родства подвергалась давлению и зачастую насильственно разрушалась, что навсегда закрывало возможность реконструкции старого общества. Аборигенные языки менялись, утрачивали собственное развитие и зачастую исчезали из оборота, уступая общегосударственному испанскому, формируя восприятие новой общности. Образование для новых поколений индейского населения чаще игнорировалось или давалось минимальное церковно-приходское. В качестве единственного письма для всего пространства служили только латиница, приспособляемая в некоторых случаях под передачу фонетики местных языков. Одежда менялась по схеме европейских «приличий». Причем индейские мужчины, ориентированные на интеграцию в пространство колонизаторов, охотно меняли свой традиционный костюм на испанский (средневековый). Парадоксальным образом этот костюм в настоящее время приобрел статус «традиционного индейского». Женщины, исключенные из процесса интеграции, не могли и до сих пор зачастую не переходят на европейскую одежду, из которой в обиход вошли только туфли на каблуках. Те из индейцев, кто перебрался в город, оборвал связи с общиной и принял городскую культурную модель, особенно женщины, зачастую считаются отверженными, именуясь «ладино». В целом, несмотря на все усилия навязанной культурной революции, полного интегрирования аборигенов в общества Латинской Америки так и не произошло. В настоящее время со стороны индейских общин идет активный поиск новой идеологической парадигмы, но старыми способами – через принятие новой религии, отличной от дискредитировавшего себя за пятьсот лет католицизма. Поэтому возникает огромное количество протестантских сект – так называемые независимые «гаражные церкви». В Гватемале много индейских общин перешли в православие вслед за священниками, которым верят.

Исторические утопии

Многочисленные исторические утопии, возникавшие в разных странах, так или иначе, воплощали попытку реконструкции некой легендарной системы организации общества. Главной

отличительной чертой всех этих утопических образцов была убежденность в некогда существовавшем «обществе благоденствия», основанном на «справедливом правлении», «социальном порядке» и «свободном труде». То есть идеологи утопий призывали искать будущее в реконструкции прошлого. Ситуация изменилась лишь в XX в., с появлением социальной научной фантастики, наподобие утопических романов «Красная Звезда» или «Инженер Мэнни» А. Богданова. До этого же одной из наиболее плодотворных легенд для поисков будущего выступала ветхозаветная версия истории иудеев.

Многочисленные проекты идеального мира, в котором и по форме, и по содержанию все должно было быть прекрасно, начались достаточно давно – и в виде литературных образов, и в искусстве, в частности, в архитектуре, и в реальной жизни. Не случайно Томмазо Кампанелла создал свой «Город Солнца» в контексте научной или, точнее, культурной революции Возрождения, обращавшегося к идеализированной классике прошлого. И тогда же появились архитектурные ренессансные проекты «идеальных городов» для реализации утопических идей по созданию нового общества. Антонио Аверулино, известный как Филарете, одним из первых написал «Трактат об Архитектуре» в виде романа, посвященного строительству идеального города, именуемого Сфорцинда. В качестве иллюстраций к роману автор приложил планы и рисунки звездообразного поселения с его постройками⁸.

Одним из самых успешных реализованных социальных экспериментов можно считать так называемые «Государства иезуитов», созданные в Южной Америке (Парагвае, Боливии, Аргентине, Бразилии) в XVII–XVIII вв. представителями католического ордена Игнасио Лойолы для защиты индейцев гуарани от набегов работорговцев. В этих поселениях использовались и возрожденческие разработки «идеального» поселения – все было предельно рационально. Иезуиты выстраивали социальную структуру общин, реализовывали принцип «от каждого по талантам и возможностям – каждому по необходимости». Воспитывали и обучали детей, учитывая их склонности, чтобы достичь максимальной отдачи от заинтересованного труда. Отдельное место занимало развитие искусства и творчества. Одежда, орудия труда, предметы быта выдавались бесплатно. Экономический эффект от такой организации жизни и труда индейцев превышал доходы испанской колонии, что отчасти и спровоцировало изгнание иезуитов

и последовавшее разорение поселений. Неслучайно иезуитские редукции даже получили название «социальной утопии в сельве» и «первых коммунистических государств».

Еще один утопический эксперимент возник в начале XX в. в России. И здесь стоит обратиться не только к идеям одного из основателей сионистского движения А. Гордона, но и вернуться к имени создателя термина «культурная революция». Изначально Абба Гордин присоединился к движению еврейской ветви анархизма, начав соединять классический анархизм с ветхозаветным иудаизмом. Первыми «подопытными» этой программы стала, начиная с 1904 г., еврейская молодежь, которая отправлялась на «израильскую землю» для создания коммунистических сельскохозяйственных коммун – кибуцев, которые нередко носили имя Карла Маркса. Гордин в канун Революции перешел к идее «пананархизма», ориентированного на маргинальную часть российского общества, представляя свою позицию как «анархо-универсализм». Он создал «Всероссийскую секцию анархистов-универсалистов», а затем «Организацию анархистов-универсалистов (интериндивидуалистов)». Идеология анархо-универсализма предполагала всеобщую и немедленную анархию как идеологическую и политическую установку любого человека независимо от его социального положения, национальных, возрастных, духовных и культурных различий. Естественно, что возникали и иные ответвления анархизма: анархо-индивидуализм, при котором каждый имеет право управлять собой, а «всякое правительство суть тирания»; космоэкономизм, суть которого сводилась к идее «все отнять и объединить»; а также космополитизм, планировавший «все отменить»: власть, территории, национальные владения, отечество.

Еврейские сельскохозяйственные коммуны – кибуцы, возникшие, казалось бы, как реализация утопической мечты, по сути, стали предлогом для массовой миграции еврейской молодежи в Палестину. Экономически кибуцы не создали ничего принципиально нового (в отличие от иезуитских редуций) и, выполнив свою историческую роль в захвате палестинских земель, утратили актуальность после возникновения государства Израиль.

Теоретические аспекты культурной революции

У культурной революции много очевидных аспектов – социальный, политический, исторический, культурный и т. д. Кроме того, следует отметить и психические механизмы, предопределяющие возникновение феномена культурной революции. Один из них связан с инстинктом «следования за лидером», присущим животным сообществам и обусловленным инстинктом самосохранения. Стадо или стая животных бессознательно устремляется вслед за вожаком, который, ощутив опасность, спасается бегством или же противостоит агрессии. Это может быть любая группа, которая повторяет действия постоянного вожака или первого, кто предпринял некое действие в условиях опасности или стресса. Подражание лидеру в человеческом коллективе касается не только спонтанных поступков, но и, казалось бы, вполне осознанной деятельности. А также лежит в основе любого обучения, начиная с самых ранних этапов онтогенеза – мимики, движений, звуковых сигналов и речи. Любопытно в этом смысле групповое поведение младших школьников, когда на поставленный вопрос все ученики поочередно начинают поднимать руки и с буквальной точностью повторять версию первого ответившего.

Следующий механизм имеет уже человеческое происхождение и обусловлен возникновением речи. Ю.В. Кнорозов, которого особенно интересовали эти вопросы, в своей программной статье «К вопросу о классификации сигнализации» тезисно выстроил схему формирования сигнала, который заставляет коллектив действовать для достижения единой цели. Причем в основе сигнала лежит механическое действие, осуществляемое мускулами, что лишней раз свидетельствует о биологических основах всей деятельности человека.

«Сигнализация в ассоциации животных обеспечивает координацию действий членов ассоциации. У млекопитающих животных ассоциация (объединение) имеет различный состав, структуру и степень организации.

Ассоциация людей не является дальнейшим развитием или высшей формой объединения животных, а представляет собой следующий тип дифференцированной системы, т. е. объединение объединений. Составляющей единицей ассоциации у людей (не совпадающей с обществом) является не особь, а коллектив. В связи с этим сигнализация в человеческой ассоциации

относится к высшему типу по сравнению с сигнализацией в объединениях животных и приобретает качественно иные свойства и функции... Индуктор обычно один. Адресат часто множественный, т. е. сигнал адресован группе членов ассоциации. ...Между членами ассоциации, совместно выполняющими операцию, устанавливается связь, т. е. коррелятивная зависимость действий одного члена ассоциации от действий другого, при определенных условиях связь может стать функциональной, а именно когда действие одного члена ассоциации вызывает строго определенное действие другого»⁹.

Л.П. Гримак, продолжая исследования В.М. Бехтерева, существенно углубил понимание связи деятельности человеческого коллектива и с состоянием гипноза, которое присуще человеку и во многом предопределяет его деятельность. Гипноз Л.П. Гримак оценивал как базовое и первичное психическое явление, тогда как бодрствование – как «функционально незавершенное и вторичное»¹⁰. Он писал: «Положение о том, что внушаемость и гипноз являются порождением стадного инстинкта древнего человека, здесь нами полностью принимается, но с противоположным знаком: стадный инстинкт инициирован фундаментальной программой нервной системы – оперативным системным гипнозом, посредством которого реализуются все инстинктивные программы. В данном случае проявляется фундаментальный биологический закон: увеличение числа контактируемых между собой особей безусловнорефлекторным образом повышает их внушаемость и гипнабельность в целях более легкой управляемости образовавшимся множеством. Поэтому в группе индивидуумы произвольным образом входят в более глубокую степень транса, чем та, которая присуща каждому из них в отдельности»¹¹. Выводы, к которым пришел автор, говорят о том, что «так называемое бодрствование» является ничем иным как «своеобразной фазой гипноза», и потому возникает опасность «высокой уязвимости психики человека по отношению к процессам внушения»¹². И еще в 1998 г., когда была впервые опубликована эта статья, автор предупреждал о той опасности, которую представляет использование в Интернете «суггестивных психотехник, ориентированных не только на модификацию сознания, но и подсознания», а также «стремительное развитие промышленных технологий, которое существенно опережает совершенствование функциональных систем человека»¹³. «В этих условиях “старая модель” психики человека

с закрепившейся в филогенезе высокой внушаемостью в век развитых информационных сетей становится “locus minoris resistentiae” (“местом наименьшего сопротивления”) по отношению к разномодальным отрицательным информационным воздействиям, наделенным необычайно агрессивным свойством¹⁴. Двадцать лет назад (!) психиатр предупреждал о повышающейся опасности и росте изоциренности средств психического программирования, из-за чего «соответственно возрастает интенсивность трансовых состояний, в которых постоянно находится народонаселение целых стран и континентов»¹⁵.

Пример подобного гипнотического транса в спровоцированной усилениями всего нескольких провокаторов Интернет-сетями коллективной истерии по поводу пожара в Кемерово отчетливо наблюдался совсем недавно, в марте 2018 г. Это оказался действенный способ для того чтобы собрать некую управляемую массу (и даже частично вывести ее на улицу) в целях потенциальной организации так называемых «народных волнений».

Цели культурных революций, знаменующих смену эпох

Целью всех культурных революций, знаменующих смену эпох, является изменение всех областей жизни общества:

1. управление и региональное самоуправление;
2. экономика;
3. хозяйственный уклад;
4. законодательство;
5. религия / идеология;
6. социальное позиционирование и статус личности;
7. форма собственности;
8. поселенческая модель: кочевое / оседлое, город / деревня;
9. традиционный уклад / семья;
10. образовательная модель;
11. язык и/или письмо;
12. средства коммуникации.

Казалось бы, среди перечисленного недостает «науки» – но это совершенно отдельный феномен, неподвластный культурным революциям, если только нет установки на окончательное разрушение социума. Научные знания и технологии – это та область

существования социосистемы, где изменения предполагают только развитие на основе старого, какие бы революции ни происходили. «Прошлой науки» (по аналогии с прошлой властью, прошлой системой управления, прошлой идеологией) ни бывает. Наука, если она развивается, то только на основе обобщения, доработки и систематизации прошлых знаний. Работы Е.А. Долговой показали, как культурной революцией предусматривалось сохранение старых кадров и при этом создавались новые направления¹⁶. Чего нельзя сказать о российской науке 1990-х годов.

Образовательная модель – это тот институт, через который осуществляются все остальные преобразования, заведомо ориентируясь на доступ к личности и новые поколения, которые вырастают в новой идеологии. Неслучайно Новый Завет пишется в продолжение Ветхого Завета, при всей кажущейся культурной чуждости и принципиальной несочетаемости их содержания. Нового Завета без Ветхого возникнуть не может по определению. И вновь, возвращаясь к выступлению Ленина на съезде коммунистической молодежи, становится очевидным весь пафос его призывов овладеть всеми знаниями, созданными человечеством и на их основе строить новое знание и новое общество.

Культурная революция современности?

Вторая половина XX в. стала временем, когда методы и технологии культурной революции стали использоваться для организации переворотов в целях реализации задач по подчинению несогласных единой идеологии глобализации, которая усиленно навязывается миру в качестве якобы «культурной революции». Естественно, что возникает вопрос: что такое идеология глобализации – очередная культурная революция или технология подмены и борьбы с реальной культурной революцией, знаменующей смену эпох? Причем одновременно с идеологией глобализации миру навязывается и «толерантная нетерпимость», что успешно позволяет организовывать «тихие» и не очень тихие государственные перевороты¹⁷.

Как известно, история человечества, в любой из форм ее представления, кроме хронологической, предполагает наличие качественных изменений в области форм производства, экономики, науки и технологий, социального устройства, системы власти. Кроме того, в характеристики активно включается такой компо-

мент, как религия, заменяемая на последних этапах исторического процесса идеологией. Исходя из данных параметров и их обобщений, постоянно дискутируется вопрос о систематизации и деноминации известных исторических этапов. Это были «стадии», «формации», «системы», «эпохи», и, наконец, непритязательные «периоды». После долгой и страстной критики предыдущих градаций дело дошло до размытых эвфемизмов, наподобие предложенного А. Кумарасвами и Д. Беллом¹⁸ «постиндустриального» общества, где вновь, как ни парадоксально, в центре определения оказывается дружно и гордо отринутый всеми марксизм с его «способом производства». Тем же путем последовали и концепты «информационного» или «постэкономического» общества. Затем всплыл пафосный «модерн» и еще более бессмысленный «постмодерн» в качестве исторического периода с заведомо условными границами и еще более условными критериями описания. По сути, началось чрезвычайно эклектичное и условно-системное смешение подходов в изучении и описании исторического процесса, начиная с А. Тойнби, П. Друкера, вплоть до Ж. Лиотара и Ж. Бодрийяра и т. д. Развитие постмодернистского сюжета продолжалось в русле арифметического наращивания градации: «третья волна», «четвертая формация» и т. п. Затем вдруг вернулись к марксистским началам, но уже в версии «научно-информационного этапа принципа производства» и мечтая о «пост-человеческом» этапе цивилизации. На этом социально-историческая мысль не остановилась – всплывший «пост-постмодерн» декларировал, по сути, бессмысленность исторического подхода.

Однако во всем этом методологическом наборе, обрисовался в качестве главного один неслучайный аспект, выделенный В.Л. Иноземцевым. Суть замечания сводится к констатации того, что «постмодерн имеет глобальный масштаб»¹⁹. Хотя автор и рассуждает об упадке моделей национального государства, а также об отказе от евроцентризма, важно то, что он, как экономист, связывает этот процесс с так называемым процессом глобализации, объявленном в середине XIX в. все тем же К. Марксом, ощутившим потенциал слияния международных финансовых структур для будущего развития мира с момента появления «мирового рынка»²⁰.

В настоящее время со всей очевидностью наблюдается, как объединившийся в политический клуб мировой капитал развивает и манипулирует *идеологией глобализации*, или *идеологией глобализма*, проявления которой приобретают все более

агрессивный и пугающий характер. Л.Н. Васильева определяет идеологию глобализации как «социальный фантом», отмечая, что *«это система иррациональных представлений, которая сознательно внедряется эрзац-элитой в массовое сознание и предназначена оправдать злокачественные критерии социальной дифференциации, а также доказать практическую пригодность нежизнеспособных политических и экономических моделей к реальности»*²¹.

Формально идеологии глобализма не существует. Однако она реализуется через «неформальные» институты, в первую очередь, например, появившуюся в 1975 г. Группу Семи (G7), она же «Большая Восьмерка», являющуюся международным клубом и неофициальным форумом руководителей США, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Японии и Канады, с участием Евросоюза. Эта группа определяет и задает тон идеологии мирового глобализма, как комментируют все справочные издания, *«фиксирует намерения сторон придерживаться согласованной линии или дает рекомендации другим участникам международной жизни применять определенные подходы в решении тех или иных вопросов»*²². Так официально определяется деятельность клуба. И при этом клуб остается вне международных договоров, основываясь лишь на интересах того самого, объединенного еще при Марксе, международного капитала, создавшего мировое финансовое лобби. Попытка России интегрироваться в этот клуб провалилась, как только самая крупная в мировом территориальном и энергетическом пространстве страна выступила с позиции собственных, суверенных интересов. Группа Семи, претендуя на мировое управление, была вынуждена создать расширенную структуру для максимального охвата стран и экономик мира в целях реализации своих «рекомендаций». После нескольких попыток в 1999 г. этим механизмом стала Группа 20 (клуб правительств и глав Центробанков стран с наиболее развитой экономикой с привлечением МВФ, ООН, ВТО), которой делегировалось лишь решение экономических установок.

Отталкиваясь от термина «глобализации», предполагающего некую унификацию всех сфер деятельности в мировом пространстве, мировой экономике, унификацию новых вненациональных навязанных ценностей, и потому наличие некоего «всеобщего» управляющего органа, который якобы определяет тактику и стратегию развития человечества, мы возвращаемся к аналогичным проектам прошлого, также нацеленным на экспансию и распоря-

жение мировыми ресурсами. Подобные проекты мирового господства возникали в аналогичных условиях смены эпох и, как правило, в финале претерпевали поражение, фиксируя, тем не менее, отличное от предыдущего состояние антропосистемы.

Но самое любопытное, что эти «исторические проекты» (колониальные захваты, Наполеоновские войны, Вторая мировая война), сопровождавшие культурные революции, отнюдь не оказывались их выражением, а, напротив, пытались затормозить трансформацию общества привычным способом – через экстенсивное развитие, путем захвата чужих территориальных, человеческих и энергоресурсов.

Выводы

Культурные революции – это неизбежное сопровождение эпохальных перемен в истории человечества и, собственно, механизм реализации этих трансформаций. Цели культурной революции ориентированы на переориентирование общества в условиях смены власти, политических и экономических изменений, социальных трансформаций, а также возможную экспансию в любых ее видах (военную, экономическую, территориальную). В исторической практике одновременно или после революции социальной, политической и экономической присутствует необходимость революции культурной – то есть изменения идеологии, образования, технологической грамотности среди основной массы населения в целях соответствия происходящим изменениям.

С точки зрения технологий следует рассматривать феномен культурной революции как своеобразное массовое нейролингвистическое программирование, при котором сочетаются гипнотические состояния, всестороннее обучение (в особенности пользованию коммуникативными технологиями), формирование целевых установок. С точки зрения истории, культурная революция – это явление, обеспечивающее качественное развитие антропосистемы.

Даже краткий обзор аспектов проблемы показал, что культурная революция – сложный феномен развития антропосистемы, который должен стать объектом мультидисциплинарных исследований, куда привлекаются различные методы и дисциплины, такие как история, системные гуманитарные исследования, политология, социология, экономика, культурология, психиатрия, психология.

¹ Ленин В.И. О кооперации. ПСС, 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 372, 376, 377.

² Там же. С. 372.

³ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. ПСС. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 304.

⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 152.

⁵ Вейнберг И.П. Восточные провинции Римской империи. // История Востока. М., 1997. Т. 1. С. 587–579.

⁶ Там же. С. 562–578.

⁷ Еришова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

⁸ Гутнов А.Э., Глазычев В.Л. Мир архитектуры: Лицо города. М., 1990.

⁹ Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 326.

¹⁰ Гримак Л.П. Бодрствование как активная фаза гипноза // Стены и Мосты. Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М., 2012. С. 337.

¹¹ Там же. С. 334.

¹² Там же. С. 339.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 339–340.

¹⁶ Долгова Е.А. Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930-х гг.: статусы, привилегии, партийность // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 1. С. 19.

¹⁷ Тему технологий культурных революций в искусственной организации «революций» и переворотов планируется рассмотреть отдельно.

¹⁸ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

¹⁹ Иноземцев В.Л. Постмодерн // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 3. С. 297.

²⁰ Аттали Ж. Карл Маркс. Мировой дух. М., 2008. С. 192.

²¹ Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. М., 2014. С. 153.

²² Большая 8 // Академик. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/815921> (дата обращения: 04.04.2018).

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА КАК САМОИСПОЛНИВШЕЕСЯ ПРОРОЧЕСТВО

Борис Николаевич Миронов

Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** По объективным показателям экономическая ситуация в России до свержения монархии выглядела не хуже, в некоторых аспектах предпочтительнее, чем в других воюющих странах. В 1914–1916 гг. реальные доходы крестьян повышались благодаря удовлетворительным урожаям, снижению (ввиду инфляции) реального бремени налогов, уменьшению затрат на алкоголь, массовой продаже лошадей на нужды армии и получению пособий от государства за мобилизованных. Реальная зарплата промышленных рабочих незначительно повысилась. Ощутимо проиграли лишь работники умственного труда, чьи реальные доходы стали понижаться с началом войны. Обеспечение продовольствием населения находилось на удовлетворительном уровне.*

После свержения монархии положение всех социальных групп стало ухудшаться. Ультимативные требования рабочих немедленно и существенно повысить заработную плату и улучшить условия их труда заставили правительство запустить в круглосуточном режиме денежный станок. Безудержная эмиссия привела к огромной инфляции. В результате реальные доходы населения стали снижаться. Заработная плата рабочих к 1920 г. упала в 3 раза ниже довоенного уровня, жалованье у работников умственного труда – в 9 раз. Положение крестьянства также ухудшилось, но в меньшей степени.

***Ключевые слова:** Российская революция 1917 г., причины и последствия революции, относительная депривация, борьба между элитами за власть, информационная война, положение страны в 1914–1920 гг.*

Современная российская историография Российской революции 1917 года богата концепциями. Мы находим сторонников марксистской (формационной), модернизационной, институциональной, психосоциальной, структурной, политической,

мальтузианской и экономической концепций, в зависимости от того, какой или какие факторы признаются относительно более важным. Предлагаются и другие объяснения революции 1917 г.: циклическое (В.В. Ильин и др.)¹, психологические в разных вариантах — психиатрическое, психоаналитическое и социально-фрейдистское (П.А. Сорокин)², пассионарное (в духе теории этногенеза Л.В. Гумилева) и синергетическое — Хаос против Космоса, гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи (В.Д. Соловей)³. Популярны также, условно говоря, культурологические объяснения — извращение российского мессианизма и коллизии византийского, монгольского и европейского начал русской истории (В.К. Кантор)⁴, «манихейский тип русской цивилизации» и эволюция ментальности (И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко)⁵, оскудение и превращение в формальность православной веры (В.М. Лавров), разрушение православного мировоззрения, и мировосприятия, забвение национальных корней, отказ от всемирной миссии православной российской империи нести веру *urbī et orbī* (А.Н. Боханов)⁶. Американский историк М. Маля сводит различные интерпретации русской революции в три модели — либеральную (основные представители — П.Н. Милуков, Х. Ситон-Уатсон, Л. Шапиро и М. Флоринский), консервативную, или циклическую (основные представители — К.Бринтон и Н. Тимашев) и марксистскую⁷; английский историк П. Дьюк обнаружил девять аналитических подходов⁸.

Из предложенных концепций наиболее влиятельные — формационная и модернизационная. Странники первой концепции настаивают на тотальном системном характере кризиса позднеимперской России и неизбежности революционного взрыва. Первая мировая война лишь отсрочила революцию. Странники второй концепции считают, что Российская империя в целом довольно успешно продвигалась по пути модернизации своей экономики и общественных отношений, и это поступательное развитие было прервано Первой мировой войной и революцией. При более удачном стечении обстоятельств революцию можно было бы избежать.

В советской историографии формационная концепция революции являлась нормативной, модернизационная — маргинальной. В постсоветской историографии между сторонниками концепций разгорелись споры⁹. Эти концепции сформулированы таким образом, что позволяют провести их эмпирическую проверку. В статье сделана попытка их верификации.

О предпосылках революции: миф о системном кризисе позднеимперской России

На мой же взгляд, российский социум после Великих реформ достаточно успешно развивался во всех отношениях. Если иметь в виду экономику, то можно говорить о *настоящем экономическом чуде*. Экономика стала рыночной: экономические решения принимались индивидуально (бизнесменами, торговцами, сельскохозяйственными производителями), цены устанавливались в результате стандартных рыночных механизмов. С 1861 г. темпы экономического развития стали повышаться и с 1880-х гг. стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3%. За 1861–1913 гг. валовой национальный доход (ВНД) за 52 года увеличился в 3,8 раза, а на душу населения – в 1,6 раза, в результате доля России в мировом национальном доходе в 1913 г. достигла 7,4%. И это несмотря на огромный естественный прирост населения, – 2 млн человек ежегодно, благодаря чему население империи увеличилось в 2,4 раза, с 74 до 175 млн.

Развивались все отрасли народного хозяйства, хотя и в разной степени. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. В 1887–1913 гг. темп промышленного роста составил 6,7%, благодаря чему к 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3 до 5,3%. Однако и сельское хозяйство прогрессировало среднеевропейскими темпами. Россия имела самые высокие темпы строительства железных дорог, быстро обогнав по протяженности железнодорожную сеть Франции, Англии, Германии. Сельское хозяйство развивалось средними европейскими темпами. В 1913 г. по сбору основных зерновых страна занимала второе, после США, место в мире и обеспечивала треть мирового экспорта хлебов. Она являлась мировым лидером и в экспорте масла¹⁰. В конце XIX – начале XX в. империя являлась одной из наиболее динамично развивавшихся держав мира. Прав был известный русский журналист А.С. Суворин (1834–1912), когда в 1911 г. с сожалением заметил В.В. Розанову: «Все мы жалуемся каждый день, что ничего нам не удастся, во всем мы отстали... За мою жизнь, вот 50 лет, как я оглядываюсь сознательно, Россия до такой степени страшно выросла, увеличилась в землях и во всем, что едва веришь. Россия – страшно растет, а мы только этого не замечаем *за хмуростью* своей и “ежедневностью” (курсив мой – Б. М.)»¹¹.

Весьма точно определена и причина – «за хмуростью», т. е. по причине сурового и мрачного взгляда на жизнь.

Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило повышение уровня жизни населения (на 86% крестьянства). В пореформенное время в империи наблюдалась положительная динамика по всем показателям¹²:

1) средняя продолжительность жизни увеличилась с 27 до 36 лет – на 9 лет,

2) грамотность населения с 17% до 40% – на 23 пункта,

3) среднее число лет обучения одного человека в возрасте 10 лет и старше за счет всех видов образования с 0,36 до 1,1 года,

4) валовой внутренний продукт на душу населения (ВВП) с 971 до 1488 долларов США в 1990 г. по паритету покупательной способности рубля,

5) индекс человеческого развития (ИЧР) с 1861–1870 гг. по 1911–1913 гг. с 0,107 до 0,187 – в 1,75 раза,

6) реальная зарплата сельскохозяйственных рабочих возросла в 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза,

7) число рабочих дней в году у крестьян уменьшилось на 26% (со 135 до 107), у пролетариев число рабочих часов – на 15% (с 2952 до 2570),

8) средний рост взрослых мужчин увеличился на 5 см – со 164 до 169 см, а женщин – на 4 см – со 153 до 157 см., средний вес мужчин увеличился с 59 до 65 кг, индекс массы тела, показывающий уровень питания, – с 22 до 23, при норме 18,5–25,

9) за 1885–1913 гг. производство потребительских товаров и оборот внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах выросли в 1,7 раза,

10) за 1886–1913 гг. количество зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, увеличилось на треть,

11) за 1862–1910 гг. крестьяне купили 27 млн. гектар земли – 270 тыс. кв. км земли – больше территория территории Великобритании или половины Франции, заплатив за нее огромные деньги – 971 млн. руб.,

12) в 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 гг. по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей – в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика с учетом инфляции – в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны с учетом инфляции – в 145 раз; в 1913 г. вкладчиками

являлись около 4,3 млн семей или 26 млн человек – 21% жителей Европейской России.

13) имущественное неравенство в начале XX в. в России в целом находилось на существенно более низком, сравнительно с западными странами, уровне: децильный коэффициент неравенства (отношение среднего дохода 10% самых высокодоходных к среднему доходу 10% наименее обеспеченных граждан) составлял примерно 6,3¹³.

Повышение уровня жизни не означало, что большинство россиян к 1914 г. стали богатыми или хотя бы зажиточными. Накануне Первой мировой войны все народы Европы, включая Россию, жили скромно. Однако позитивный тренд создавал перспективу добиться в не столь отдаленном будущем высокого уровня жизни и культуры, сопоставимого с тем, который имели граждане самых развитых стран.

Трудно предположить, что в самодержавном государстве два чуда – чудо высоких темпов развития и чудо роста благосостояния – могли произойти вопреки воле верховной власти и его правительства и без их активного участия. Действительно, *тезис о неспособности монархии проводить реформы* и о кризисе, вследствие этого, политической и юридической надстройки, которая якобы тормозила развитие материальных производительных сил общества, не имеет эмпирической основы. В пореформенной России дважды были проведены системные структурные реформы – при Александре II и Николае II. О так называемых Великих реформах хорошо известно, и они оцениваются в целом положительно, а николаевские реформы изображаются как несостоятельные. Кратко рассмотрим основные реформы Николая II¹⁴.

К числу важнейших следует отнести *политическую реформу*, создавшую в России народное представительство в 1905–1906 гг. и даровавшую народу гражданские права. Как бы ее ни оценивать, в стране установилась и прижилась конституционная монархия в форме дуалистической монархии, поскольку законодательная власть принадлежала двум субъектам – Государственной думе и императору. Благодаря Великим и николаевским политическим реформам общество эволюционировало от самодержавия к конституционной монархии, возникла свободная пресса, общественное мнение, политические партии, общественные организации. В 1913 г. в империи действовало более 50 тыс. добровольных

ассоциаций: благотворительных, религиозных, студенческих, профсоюзных, экономических. Налицо были все элементы гражданского общества. Создан механизм принятия политических решений, в котором участвовали представители общества

Второй по значимости явилась *Столытинская аграрная реформа*, проведенная в 1907–1916 гг. по инициативе верховной власти и вопреки желанию большей части общественности, которую без преувеличения можно назвать вторым раскрепощением. Результаты реформы неоднозначно оцениваются в литературе. Но трудно спорить с тем, что она способствовала естественному процессу распада сельской общины, распространению более эффективного хуторского и отрубного хозяйств, утверждению в деревне частной собственности на землю, развитию рыночных отношений, увеличению площади крестьянских земель за счет покупки ее с помощью Крестьянского банка, переселению крестьянства из Европейской России в Сибирь и сопровождалась огромными полезными и насущными землеустроительными работами. Что касается свободного разрешения выхода из общины, то реформу поддержали около 30% крестьян, и этого было достаточно для начала переустройства деревни в соответствии с принципами фермерской рыночной экономики. В случае завершения реформы появлялись реальные шансы на возникновение в деревне среднего класса в лице экономически независимого крестьянина-собственника.

При Николае II была проведена также *рабочая реформа*, которая включала: 1) учреждение в 1899 г. Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия при Департаменте торговли и мануфактур Министерства финансов, имевшее целью регулирование отношений между рабочими и предпринимателями. 2) Принятие в 1897 г. Закона о нормировании рабочего времени (максимальная продолжительность днем – 11,5 ч., ночью и накануне праздников – 10 ч. 3) Учреждение в 1901 г. пенсий для рабочих, потерявших трудоспособность на казенных предприятиях. 4) Введение в 1903–1912 гг. посредством серии законов государственного страхования рабочих и членов их семей от несчастных случаев на производстве за счет предпринимателей; причем, как и в случае с аграрной реформой, независимо от оппозиционного и революционного движения. 5) Разрешение рабочим Указом от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» создавать профессиональные союзы.

Получила продолжение *земская реформа*, начатая в 1864 г. Ряд законов 1895–1900 гг. увеличил земский бюджет за счет казны. В 1911 г. в число земских губерний вошли 6 губерний Западного и Юго-Западного края, входивших в черту еврейской оседлости, где проживало много евреев и поляков. Благодаря ему представители национальных меньшинств, проживавшие в крае на общих основаниях, включались в российскую жизнь.

При Николае II завершилась *судебная реформа*. В 1896–1899 гг. Судебные уставы Александра II были распространены на Вологодскую и Архангельскую губернии, Сибирь, Туркестан, Степную и Закаспийскую области, благодаря чему они стали действовать на всей территории Российской империи. В 1912 г. судебные полномочия были изъяты у земских начальников и переданы мировым судам в сельской местности. В 1903 г. подготовлено и утверждено новое Уголовное уложение, которое вводилось в действие постепенно, в зависимости от реформирования местного суда. Приняла законченные современные формы административная юстиция под флагом упрочения законности, единства и независимости суда. Император содействовал постепенной гуманизации пенитенциарной системы: в 1900 г. он отменил ссылку в Сибирь, в 1901 г. – телесные наказания для ссыльных, в 1905 г. даровал политическую амнистию и упразднил Шлиссельбургскую тюрьму, в 1906 г. облегчил положение сосланных на Сахалин и упразднил ссылку на этот остров.

Наконец, проведена *образовательная реформа*. В 1908 г. был взят курс на постепенное введение всеобщего обязательного бесплатного начального образования, и с этой целью по закону кредиты на народное образование ежегодно увеличивались. В результате в 1857–1907 гг. грамотность росла по 0,4 пункта в год, в 1907–1917 гг. – по 0,8 пункта в год¹⁵.

Большинство либеральных по сути николаевских реформ осуществлялись по инициативе и под контролем Николая II в законодательном или административном порядке, проводились системно и последовательно, иногда преодолевая сопротивление представительного учреждения. В советской историографии царские реформы осуждались за половинчатость, постепенность и растянутость во времени. Однако в современной науке считается, что успешное реформирование предполагает системность, постепенность, последовательность, использование в ходе модернизации стратегии последовательных промежуточных институтов,

которая сочетает преимущества «выращивания» и «конструирования» новых институтов и предоставляет возможность управления темпом институционального строительства¹⁶. Т. е. именно так, как проводились царские реформы в пореформенный период.

Таким образом, в пореформенный период положение «низов» улучшалось, а «верхи» в целом справлялись с управлением империей, проводя системные структурные реформы, обеспечивавшие прогрессивное развитие общества.

Положение в стране в годы Первой мировой войны

Анализ имеющихся данных¹⁷ показывает, что положение в стране до февральских событий 1917 г. во всех отношениях было достаточно удовлетворительным, а тяжелым оно стало после свержения монархии, катастрофическим – после октябрьского восстания.

На мой взгляд, *не война породила кризис и революцию, а революция породила кризис*. До 1916 г. (включительно) экономика успешно адаптировалась к потребностям военного времени (табл. 1).

Таблица 1

Состояние экономики и уровень жизни в 1913–1920 гг.
(на территории СССР в границах 1922 г.); 1913 г. = 100

	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Валовое промышленное производство	100	101	114	122	77	35	26	18
Число рабочих	100	103	102	113	116	96	78	114
Рабочий день, часов	10	–	–	9,9	8,9	8,5	8,3	8,6
Фактическая работа в год, дней	257	–	–	258	238	219	183	228
Валовой сбор основных культур	100*	91	104	81	61	48	46	26
Поголовье скота	100	94	–	129	124	96	88	86

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Перевезено грузов	100	97	123	148	83	27	11	11
Перевезено пассажиров	100	98	105	127	125	–	–	62
Реальная зарплата промышленных рабочих	100	105	109	108	85	42	33	33
Реальная зарплата служащих, занятых в промышленности	100	99	91	78	38	4**	–	12****
Остатки денежных вкладов в сберегательных кассах****	100	106	117	163	273	–	–	–
Число вкладчиков в сберегательных кассах****	100	106	110	120	146	–	–	–

Источники: Миронов Б.Н. Динамика российской промышленности и транспорта в 1913–1920 гг. // Экономическая история. 2017. № 3. С. 9–30; Миронов Б.Н. Достижения и провалы российской экономики в годы Первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 62. Вып. 3. 2017. С. 463–480; Mironov B.N. The Workers Question and Revolutionary Gamesmanship in 1917 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 18. No. 2 (Spring 2017). P. 401–415.

* 1909–1913 гг. ** Январь–июнь 1918 г. ***1921 г. **** На 1 января.

Объем промышленного производства на территории империи без Польши и Финляндии за 1914–1916 гг. вырос на 22%, производительность труда – на 8%. Сборы сельскохозяйственных культур, как и до войны, находились под сильным влиянием погоды. В 1914–1916 гг. они уменьшались и в 1916 гг. сократились на 19% сравнительно с 1909–1913 гг. по причине снижения урожайности, что было обусловлено погодой, а не войной. В общероссийском масштабе при падении сборов на 19% внутренний спрос на хлеб полностью удовлетворялся, так как в 1914 г. были запрещены винокурение и экспорт зерновых, потреблявших в 1909–1913 гг. 24% чистого сбора зерновых. поголовье скота за 1914–1916 гг. увеличилось на 29%. Железнодорожный транспорт удовлетвори-

тельно справлялся с возросшими нагрузками. В 1916 г. сравнительно с 1914 г. было перевезено грузов на 52% больше, пассажиров – на 30%; коммерческая скорость движения товарных поездов в целом по сети увеличилась с 14 до 16 верст в час.

Свержение монархии принципиально изменило экономическую ситуацию, а после октябрьского переворота она катастрофически быстро ухудшалась. Объем промышленного производства в 1917 г. упал на 43%, в 1918 г. – еще на 21% и в 1920 г. составил лишь 21% от уровня 1913 г. Валовые сборы основных полевых культур в 1917 г. упали на 25% сравнительно с 1916 г., в 1918–1919 гг. были в 2,2 раза ниже, в 1920 г. – в 4 раза ниже, чем до войны. поголовье скота пошло на убыль также с 1917 г. и к концу 1920 г. уменьшилось на треть сравнительно с 1916 г. Перевозка грузов по железным дорогам за один только 1917 г. рухнула в 1,8 раза, скорость поездов снизилась в 1,2 раза. В 1920 г. грузооборот упал в 9 раз сравнительно с 1913 г.

Уровень жизни населения изменялся синхронно с состоянием экономики. В 1914–1916 гг. реальные доходы крестьян повышались благодаря удовлетворительным урожаям, снижению (ввиду инфляции) реального бремени налогов, уменьшению затрат на алкоголь, массовой продаже лошадей на нужды армии и получению пособий от государства за мобилизованных¹⁸.

Согласно различным оценкам, реальная зарплата промышленных рабочих в 1914–1916 гг. незначительно повысилась. После февраля 1917 г. номинальная зарплата под влиянием часто ультимативных требований рабочих стала расти, по словам С.Н. Прокоповича, министра торговли, промышленности и продовольствия Временного правительства, «бешеным темпом, без всякой связи с производительностью труда и валовой выручкой промышленных предприятий. <...> В то время, как производительность падала, а анархия росла, длина рабочего дня была сокращена до 8 часов, сдельные работы отменены, благодаря чему резко понизилась интенсивность труда». Увеличились прогулы по «уважительным» причинам – на митинги и демонстрации. Продолжительность рабочего дня и года уменьшилась; сдельщина заменена повременной оплатой. Чтобы удовлетворить требования рабочих немедленного и значительного повышения заработной платы, Временное правительство запустило денежный станок. Безудержная эмиссия привела к огромной инфляции. В результате реальная зарплата рабочих стала снижаться

и в 1920 г. упала в 3 раза ниже довоенного уровня, жалование у работников умственного труда – в 9 раз.

Депозиты в банках в течение войны, вплоть до разрушения банковской системы большевиками, номинально возрастали у всех категорий населения примерно в одинаковой степени. Сам по себе факт роста числа вкладчиков и величины сбережений даже номинально свидетельствует о росте доходов у значительной части населения. С 1 января 1913 г. по 1 января 1917 г. число сберегательных касс при Государственном банке России, в которых львиная доля населения хранила свои сбережения, увеличилось в 1,7 раза, книжек – в 1,5 раза, сумма вкладов – в 2,7 раза. Число вкладчиков достигло 12,7 млн.

Масштаб девиантного поведения обычно принимается за показатель общественного благополучия. В 1914–1916 гг. преступность снизилась на 29%, самоубийства – почти в 2 раза. В 1919–1921 гг. уровень преступности был в 2,4 раза выше, чем в 1911–1913 гг., и примерно в 3,6 раза больше, чем в 1914–1916 гг.¹⁹ В 1914–1917 гг. коэффициент самоубийств снизился сравнительно с 1913 г. примерно в 2 раза, а с 1918 г. стал расти и в 1922 г. превысил довоенный уровень²⁰.

Все познается в сравнении. По объективным показателям экономическая ситуация в России до свержения монархии выглядела не хуже, в некоторых аспектах предпочтительнее, чем в других воюющих странах, кроме Великобритании. Среднегодовой валовой внутренний продукт на душу населения в постоянных ценах в 1914–1916 гг. сравнительно с 1913 г. был ниже в Австрии на 21%, в Германии, Франции и США – на 5% и только в Великобритании на 5% выше. В России чистый национальный доход, динамика которого очень близка к динамике ВВП, был на 2% ниже (табл. 2). Учитывая приблизительность оценок, это означает, что только в Великобритании экономическое положение было лучше, чем в России.

Во всех воюющих странах положение с продовольствием было хуже, чем в России, особенно в Германии и Австро-Венгрии. Немецкое правительство ввело карточную систему в январе 1915 г. сначала на хлеб и к концу 1916 г. на все важнейшие продукты и во всей стране. В России летом 1916 г. в некоторых губерниях было введено нормирование сахара и хлеба, причем по нормам большим, чем в Германии. Например, в Петрограде в феврале 1917 г. хлеба выдавалось в день на человека 615 г – в 3,6 раза

больше, чем в Германии. Лишь с декабря 1917 г. в обеих столицах большинство продуктов питания стало распределяться по карточкам²¹.

Таблица 2

Валовой внутренний продукт на душу населения
в сопоставимых ценах в России и западных странах
в 1913–1920 гг.; 1913 г. = 100

	1913	1914–1916	1917	1918	1919	1920	1921
Россия*	100	98	77	47	41	41	37
Австрия	100	79	75	74	65	70	76
Германия	100	95	81	82	71	77	84
Великобритания	100	105	110	111	99	92	90
Италия	100	81	97	95	91	93	90
Франция	100	95	85	69	81	93	88
США	100	95	99	107	107	105	100

Источники: Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 г. М., 2013. С. 15, 18; Maddison A. World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2008 AD // Groningen Growth and Development Centre [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.ggd.net/Maddison/> (дата просмотра: 5.04.2017).

* Чистый национальный доход на душу населения.

С 1914 г. до 1 января 1917 г. государственный долг России увеличился в 3,8 раза – с 8,8 млрд. руб. до 33,6 млрд. руб., что равнялось семикратному доходу государственного бюджета 1917 г. Однако только за один год, к концу 1917 г., под влиянием революции государственный долг увеличился до 60 млрд. руб. или на 26,4 млрд. руб. – больше, чем за 1914–1916 гг. За годы войны в США государственный долг вырос в 21 раз (с 1188 млн до 25 485 млн долларов – с 0,4 до 2,7 годовых доходов бюджета), в Великобритании – почти в 11 раз (с 706 млн до 7481 млн фунтов стерлингов или до 8,4 годовых доходов государственного бюджета 1918 г.), во Франции – в 6 раз (с 34 200 млн до 214 100 млн франков – до 28 годовых доходов государственного бюджета 1918 г.)²². До 1917 г. финансовая ситуация во всех воюющих странах была похожей, и только в России, после свержения монархии, стала хуже.

Приведенные данные, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что не было непреодолимых, кроме как с помощью революции, объективных предпосылок для революции ни в довоенный период, ни во время войны. Не чрезвычайные трудности породили революцию, а революция породила чрезвычайные трудности.

Характерно, что революция в Петрограде началась 23 февраля, в международный день работниц, с флэш-моба. Вот как описывает его градоначальник А.П. Балк в своем дневнике. «В 10 часов утра стал получать по телефону сведения об оживленном движении на Литейном и Троицком мостах, а также по Литейной ул. и Невскому проспекту. Движение это необычное – *умышленное* (курсив мой. – Б. М.). Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская дума. В публике много дам, еще больше баб, учащейся молодежи и сравнительно с прежними выступлениями мало рабочих. <...> Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: хлеба, хлеба... И так продолжалось весь день всюду. Толпа как бы стояла: “хлеба, хлеба”. Причем лица оживленные, веселые и, по видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста. <...> Причина народного движения – непонятна. Ни Департамент полиции, ни Охранное отделение на мои запросы не могли указать мотивы выступления. <...> Не исключалась случайность. Хорошая погода тоже сыграла роль (солнце, полное безветрие, легкий морозец. – Б. М.). Голода не было. Достать можно было все. К хвостам привыкли. Хлеб, вкусный и питательный, выдавался по полтора фунта (614 г. – Б. М.), рабочим и войскам – по два (819 г. – Б. М.). У многих была припасена мука, сухари. <...> Вопрос о наступающем голоде был раздут самой же публикой, к сожалению, не без участия интеллигенции, и получилась общая паника, вынесенная кем-то на улицу, а затем хождение и вопли: “хлеба, хлеба [!]”; очевидно, всем нравилось: было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие, вполне лояльные люди, а в особенности молодежь, бессознательно подготовляли кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни...»²³.

Февраль нанес сокрушительный удар по экономике, уровню жизни, эффективности управления, дал дорогу анархии, развалил армию, спровоцировал революционные бесчинства и психоз. Вследствие поспешных демократических преобразований всех

царских учреждений и многочисленных кадровых перестановок была парализована или затруднена работа государственных и частных учреждений, промышленных предприятий, транспорта, коммунальных служб, судов и органов охраны правопорядка и наступил тотальный институциональный кризис. Тяжелейшая ситуация, сложившаяся в стране за восемь месяцев правления Временного правительства, привела к новому взрыву революционных страстей и породила октябрьское восстание – слишком уж очевидным оказалось несоответствие между действительностью и ожиданиями от свержения монархии. Приход к власти большевиков повлек за собой позорный выход из войны и спровоцировал Гражданскую войну. Однако большевикам железной рукой удалось восстановить общественный порядок. И вот парадокс – случилось именно то, чего желал конституционный демократ и либерал П.Н. Милюков: «Чтобы справиться со всеми этими явлениями ненормального времени, нужна была действительно военная диктатура, в какую и превратилось мало-помалу управление таких демократических стран, как Англия и Франция. У нас, наоборот, эти же самые явления создали для власти и закона обстановку полного бессилия». Поскольку Временное правительство полагалось на демократические методы государственного управления, привлекая широкие «общественные силы» для решения государственных задач, оно проиграло и уступило место большевикам.

Активные участники революции впоследствии признали ошибки в своих политических прогнозах, свою недалекость и некомпетентность Временного правительства. Один из лидеров кадетской партии В.А. Маклаков в 1921 г. в письме Б.А. Бахметеву, назначенному послом Временного правительства в США и сохранившим пост после большевистского переворота, так как администрация США не признала советскую власть, сурово, безжалостно, но объективно, на мой взгляд, осудил поведение общественности и Временного правительства: «До революции мы имели правительство, которое очевидно было не на высоте положения; в противовес этому мы вообразили, что мы управляли бы лучше, если бы не насилие власти. Когда защитники правительства говорили нам знаменитую фразу, что “всякий народ заслуживает своего правительства”, мы утверждали, что пример России доказывает лживость этой теории; сколько на эту тему было сказано хороших речей в думе и пожато аплодисментов. Революция должна бы, казалось, рассеять наше самомнение. Революция

была экзаменом и того, что мы называем общественностью, и самого народа. И говорю не о результатах (события могут быть сильнее людей), а о поведении, о свойствах, которые эта революция обнаружила. Я наблюдал революцию больше, чем Вы, и скажу Вам: *общественность и народ оказались хуже своего старого правительства* (курсив мой – Б. М.).

Общественность была ниже правительства не только по опыту и умению, но по пониманию положения, по мужеству и патриотизму. Основная черта общественности была трусость, не за Россию, а за себя, за свою безопасность и свое положение. В общественности не было увлечения своими идеалами, не было веры, а было малодушие, из-за которого она не смела ничего отстаивать и ничему противиться. Было и упоение властью, популярностью и положением. Таковы были почти все наши герои. Они делали все вопреки себе, вопреки собственным словам и пониманию. Я упрекаю в трусости и старый правящий класс, который сдал свою позицию без боя. Но у него было оправдание. Во время внешней войны он не хотел войны гражданской. Он мог считать, как Николай II, что их время прошло, что новые люди сделают лучше их; они могли сдать им посты не из трусости, а из патриотизма. Но новые люди? Те, которые приняли власть для спасения России, которые взяли ее сами, за которыми стояла в это время Россия. Те, которые должны были защищать не себя, не свои привилегии, которыми должно было пожертвовать, а защищать самое бытие России? Они тоже все бросали, все уступали, объясняя тем, что невозможно идти против общего течения. И это в то время, когда и с фронта, и из глубины России все просили об одном, чтобы правительство, имея в руках аппарат власти, его применило. Милюков стал на минуту героем, когда как будто показал твердость, хотя и в ненужном вопросе. Но это было ненадолго. Все позиции сдавались потому, что в них плохо верили, потому что у деятелей не нашлось ни гражданского, ни простого физического мужества. Я не забуду картину этой трусости. Помню Родзянко, который трепетал при первых слухах о готовящемся восстании; Милюкова, который всегда ходил в сопровождении телохранителей; Керенского, которому мерещились заговоры и т. д.»²⁴.

К вопросу о причинах революции

Почему, несмотря на неоспоримые экономические успехи страны и повышение жизненного уровня населения, в пореформенное время наблюдался рост оппозиции режиму со стороны либерально-демократической общественности, развитие рабочего, крестьянского и всякого рода протестных движений, которые в конечном итоге привели сначала к революции 1905 года, а затем и к революции 1917 года? Я уже пытался подробно ответить на этот вопрос²⁵. Передаю суть.

1. Рост протестных движений в пореформенное время отражал не понижение уровня жизни, не кризис государства – в смысле его неспособности управлять страной, а явился результатом прогрессивных социальных изменений в обществе, последствием предоставленной свободы огромной массе прежде бесправных людей, результатом развития рыночной экономики и невероятно прежде роста потребностей и ожиданий. Общество испытало так называемую *травму социальных изменений*. Именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться. Подобное происходит во всех обществах, испытывающих ускоренную модернизацию.

2. Наблюдалась так называемая *относительная депривация* – психологическая неудовлетворенность достигнутым повышением уровня жизни, разрыв между тем, что есть, и тем, что хочется и должно быть с точки зрения людей. Уровень жизни повышался, но рост потребностей постоянно его обгонял. Все хотели больше того, что реально возможно было иметь при тогдашних экономических и финансовых ресурсах, культуре и производительности труда. Повышенные ожидания замечены среди крестьян, рабочих, духовенства, но в наибольшей степени у «белых воротничков», чьи доходы были в 2–5 раза выше, чем у рабочих. Когда люди считают себя несправедливо обделенными в отношении материальных благ и социального статуса, они стремятся восстановить, как им кажется, попранную справедливость любыми быстрыми средствами, включая демонстрации, террор, мятежи, погромы, восстания, революции. Когда относительная депривация – ее называют также коллективной завистью – охватывает целые социальные

группы – она становится причиной яростной агрессии против властей, элит и законов.

3. Борьба за власть между разными группами элит. Наиболее активная часть интеллигенции, часто называемая общественностью, была уверена, что вполне созрела для активного участия в государственном управлении и может гораздо успешнее управлять обществом. Как утверждал либерально мыслящий ученый Ф.И. Вернадский: «Русские граждане, взрослые мыслящие мужи, способные к государственному строительству», хотели легально заниматься политикой²⁶. Об этом свидетельствует «Записка», опубликованная в январе 1905 г., после Кровавого воскресения, подписанная 1762 преподавателями российских университетов – практически всем преподавательским корпусом. В ней высказывалось требование привлечь выборных представителей к участию в законодательной власти и контроле над коронной администрацией²⁷.

4. Война сыграла важную роль в революционных событиях, но не в материальном или экономическом, а скорее в психологическом, моральном и патриотическом отношениях. Исторические социологи обнаружили важный факт: сдвиги в положении правящего класса пропорциональны военному успеху или поражению (так называемая модель войны-легитимности Р. Ханнемана). Победа сопровождается ростом патриотизма в стране, повышением престижа и легитимности правящего класса и государства, поражение, наоборот, – их падением. Требуется, как правило, победа или поражение в трех поочередных войнах, чтобы легитимность государства и правящего класса существенно изменилась²⁸. Для монархической страны это всегда более актуально. В России император олицетворял государство и правящий класс, поэтому несколько серьезных поражений в двух войнах подряд в течение лишь 13 лет, 1904–1917 гг., сильно ударили по престижу не только государства, правящей элиты, но и самого монарха. Неудачная война расшатывала власть, дисциплину и общественный порядок, позволяла выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с трудом, удерживались в определенных границах. Война также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях и агитировать в пользу революции. Война стала также демографической катастрофой: она сорвала со своих мест миллионы людей, превратив империю «в океан беженцев», борющихся за выживание с более устроенной частью населения²⁹.

Уровень жизни до 1917 г. поддерживался на довоенном уровне. Но не хлебом единым жив человек. На войну были мобилизованы 15 млн здоровых мужчин. Если семья в среднем насчитывала 6 человек, значит, в тылу осталось 75 млн их жен и детей, отцов и матерей, сотни тысяч невест, которые с нетерпением ожидали их возвращения домой. Вместо этого они получили 1290 тыс. похоронок, 3250 тыс. писем и извещений о ранении, пропаже без вести, пленении³⁰. Естественно, народ устал от войны, которая велась где-то далеко от дома, на чужой территории и ради не очень понятных целей. Терял надежду, веру, мужество и патриотизм. Эти предреволюционные настроения точно передает историк николаевского царствования и современник описываемых событий С.С. Ольденбург (1888–1940): «Осенью 1916 г. в России царила смутная тревога. Главной, быть может, решающей чертой положения была **усталость от войны**, стихийно разлившаяся в широких массах. Страх перед голодом, скорбь об огромных потерях, безнадежное ощущение “войне не видно конца”, – все это создавало у людей, далеких от всякой политики, растущее раздражение против власти, которая эту войну вела. <...> Россия была больна войной. Все воюющие страны в разной степени переживали эту болезнь. <...> Никакая пропаганда не могла преодолеть этой усталости от войны. Побороть ее – на известный срок – могла только железная дисциплина, только строгая цензура. Только царская власть, только твердая власть могла сдержать, затормозить это явление распада. Но русское общество, вместо того чтобы осознать причины неудачи, прониклось убеждением, будто все дело – в недостатках власти»³¹.

5. Однако все материальные и нематериальные трудности Первой мировой войны с начала до февраля 1917 г. не шли ни какое сравнение с трудностями Гражданской войны 1918–1929 гг., или Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которые удалось преодолеть и победить. Элита сумела вдохновить или мотивировать народ, поднять бодрость духа и уверенность в своих силах, мобилизовать и организовать победу. Но в Первую мировую войну оппозиционная элита не проявила мудрости и воспользовалась ослаблением верховной власти, чтобы ее свергнуть и самой прийти к управлению, не обладая для этого необходимой компетенцией и не предвидя всех роковых последствий такого шага. Некоторые лидеры призывали даже превратить империалистическую войну в войну гражданскую, т. е. в войну братоубийственную.

Можно согласиться с теми, кто полагает, что революция и вызванная ею Гражданская война лежат на совести противников победоносного завершения Первой мировой войны.

В борьбе за власть использовались все средства, в том числе террор и пиар. Блестящая PR-активность противников монархии, а после февраля 1917 г. – противников Временного правительства, стала важнейшим из факторов революции. Конкурирующие за власть стороны прилагали много усилий на то, чтобы повлиять на массовое сознание соответственно своим задачам с помощью политического PR. Политическая жизнь России начала XX века дает тысячи примеров использования PR как властями, так и оппозицией. В целом оппозиция оказалась искусней и успешней и выиграла информационную войну. С помощью четкого и продуманного общения с властями, посредством поддержания связей со всеми социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением, оппозиция создала в стране атмосферу экономического и политического кризиса, подготовила почву для революции, смогла завоевать сердца и умы людей, вывела народ на улицы в решающий момент, воспользовавшись недовольством, вызванным войной.

Особо следует остановиться на PR-активности противников монархии, а после февраля – противников Временного правительства. Объективные трудности модернизации преувеличивались оппозицией, искусно разжигалась ненависть к существующему режиму и правящей династии, которую во время Первой мировой войны голословно обвиняли в государственной измене. В массовое сознание внедрялись идеи о неререформируемости режима и вследствие этого о неизбежности и благодетельности революции. Ее торопили, верили в ее очищающую силу. «Буря, скоро грянет буря», – писал буреизвестник революции Максим Горький, и передовая Россия, декламируя эти стихи, жаждала революции, возлагала на нее огромные надежды и, сознательно и – что очень важно – бессознательно, ради нее трудилась. Призывы и реальные попытки превратить империалистическую войну в войну гражданскую и братоубийственную и сам факт свержения монархии в условиях войны являлись актами предательства национальных интересов.

В социологии и психологии хорошо известен феномен, получивший название теоремы Томаса в честь ее создателя – социолога Уильяма Томаса (1863–1947): «Если человек думает, что его

представление о какой-то ситуации соответствует действительности, то он ведет себя так, как того требует его представление, и последствия его поведения вполне реальны. Отсюда следует, что ментальные комплексы, независимо от того, насколько они соответствуют реальности, предопределяют как восприятие действительности, так и действия людей. В ментальном поле культуры разнообразные комплексы представлений и установок взаимосогласуются таким образом, чтобы люди, исходящие из них в своем мышлении и поведении, могли создавать и поддерживать необходимые для жизни условия. При этом между ментальными комплексами возникают связи, которые отчасти отражают реальные соотношения между явлениями действительности, а отчасти представляют собою вымышленные зависимости между ними, существующие лишь в человеческом воображении». Другими словами, если ситуация описывается как реальная, то она реальна по своим последствиям, потому что оценка ситуации порождает модели поведения, способствующие развитию ситуации в соответствии с ее трактовкой. Отсюда феномен самоисполняющихся пророчеств: пророчества сбываются потому, что у людей вырабатываются новые образцы поведения, стимулирующие реализацию пророчества.

Таким образом, даже ошибочные представления о действительности, овладевающие массами, стимулируют процесс возникновения самоисполняющихся сценариев, так как становятся движущей силой развития общества в соответствии с этим сценарием. В теореме Томаса мне слышится идея, высказанная 173 года назад (в 1844 г.) Марксом: «Идея становится материальной силой, когда овладевает массами».

Необходимо извлечь урок, который состоит в следующем: если мы будем объективно-оптимистически оценивать свое прошлое и настоящее, верить, что оптимистический сценарий развития нашей страны – реальный, то именно этот сценарий и станет для нас реальным. И наоборот.

¹ Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Контрреформы в России: Циклы модернизации процесса. М., 1996. 400 с.

² Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

³ Соловей В.Д. Смысл, логика и форма русских революций. М., 2007. С. 20.

⁴ *Кантор В.* Русская классика, или Бытие России. М., 2005. С. 35–41, 53–54.

⁵ *Пелипенко А.А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. 2-е изд. М., 2011; *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.

⁶ Февральская революция 1917 года в российской истории: «Круглый стол». Отечественная история. 2007. № 5. С. 4, 6–7, 9, 12–13, 15–16.

⁷ *Малия М.* К пониманию русской революции. London, 1985. С. 9–30.

⁸ *Дьюкс П.* Девять точек зрения на Российскую революцию // Россия, 1917: Взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 14–15.

⁹ *Миронов Б.Н.* Страсти по революции. М., 2013.

¹⁰ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 13–85; *Тэри Э.* Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Paris, 1986. 158 с.

¹¹ *Розанов В.В.* Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. М., 1992. С. 18.

¹² *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2012. С. 515–557.

¹³ *Миронов Б.Н.* Там же. С. 607–608; *Миронов Б.Н.* Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 96–104; № 11. С. 121–129.

¹⁴ *Бразоль Б.Л.* Царствование императора Николая II 1894–1917 в цифрах и фактах. Минск, 1991; *Кинг Г., Вильсон П.* Романовы. Судьба царской династии. М., 2005; *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. СПб., 2007. С. 45–60; *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 2. С. 717–733; *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

¹⁵ *Миронов Б.Н.* Грамотность в России в 1797–1917 гг.: Получение новой исторической информации с помощью методов ретроспективного прогнозирования // История СССР. 1985. № 4. С. 137–153.

¹⁶ *Полтерович В.М.* Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

¹⁷ В своем анализе я буду опираться преимущественно на статистические источники официального происхождения.

¹⁸ *Прокопович С.Н.* Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 51.

¹⁹ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. За пять лет работы ЦСУ. Труды ЦСУ. Т. 18. М.: Тип. МКХ, 1924. С. 66–70.

²⁰ *Тарновский Е.Н.* Сведения о самоубийствах в Западной Европе и в РСФСР за последнее десятилетие // Проблемы преступности. М.; Л., 1926. Вып. 1. С. 192–193.

²¹ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения... С. 577–578.

²² *Воронов Ю.П.* Финансовое банкротство предреволюционной России // Альманах «Восток». 2004. Вып. 2(14) // URL: http://www.situation.ru/app/j_art_318.htm (дата обращения: 4.04.2017); Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. С. 316; *Mitchell B.R.* European Historical Statistics, 1750–1970. N.Y., 1976. P. 719, 721, 726; Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970: in 2 pts. WashingtonDC, 1975. Pt. 2. P. 1117–1119.

²³ Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка. Публикация В.Г. Бортневского и В.Ю. Черняева. Вступ. ст. и комм. В.Ю. Черняева // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 26–28.

²⁴ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Макалов. Переписка. 1919–1951 гг.: в 3 т. М., 2001–2002. Т. 1. С. 474–475.

²⁵ *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения...; *Миронов Б.Н.* Российская империя... Т. 3.

²⁶ *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой: Воспоминания сестры. N.Y., 1953. С. 73.

²⁷ *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 76–77. См. также: *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения... С. 498–504.

²⁸ *Hanneman R.A., Collins R., Mordt G.* Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialistic Capitalism // Sociological Methodology. 1995. Vol. 25. P. 1–46.

²⁹ *Курицев А.Н.* Беженство // Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного коллоквиума). СПб., 1999. С. 131; *Полян П.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 27; *Gatrell P.A.* Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 2005.

³⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 19

³¹ *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. С. 593, 596.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ 1917 ГОДА: РЕФЛЕКСИЯ И ПОИСК

Николай Валентинович Романовский

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье обсуждается историография революций (революции) 1917 г. в России. Основами ее в России, СССР и за рубежом стали «История русской революции» Троцкого и раздел о 1917 г. из сталинского Краткого курса истории ВКП(б). Послевоенную советскую школу истории революции сформировал И. Минц. Сейчас в освещении русской революции мало белых пятен (их ликвидация – заслуга В. Булдакова, Б. Миронова и др.), конфликт с зарубежной (прежней «буржуазной») историографией уступил место консенсусу в ключевых вопросах. Но осмысление ее места в истории страны и мира, междисциплинарные аспекты, роль в динамике человеческой истории и истории нашей страны лишь начато.*

***Ключевые слова:** революции 1917 г., советская и зарубежная историография, постсоветская историография, отечественная история, мировая история.*

Эволюция историографии (науки написания истории) революционного 1917 года знает острую политизацию, конфликты в подходах к сути событий, стремление связывать изучение революции с общечеловеческими устремлениями. Историографию эту создавали сторонники и оппоненты революции, профессионалы- историки, социологи, политологи, обществоведы, мемуаристы. Пройден ряд этапов; на первом из них современники-очевидцы 1917 г. осмысливали перемены в России, формировали их оценки. Заняло это примерно 15–17 лет – до середины 1930-х. Историография «русской революции» этих лет включает а) группу трудов, пестрых по уровню научности и общественно-политическим установкам, выросшую в среде победителей 1917 г.;

б) труды противников революции – столь же пестрые и разноплановые; в) книги и статьи сторонних и включенных наблюдателей, хроникеров, свидетелей-мемуаристов – очевидцев 1917–1921 гг., в том числе зарубежных, благо спрос на такую литературу был; г) описания событий 1917 г. на местах, в национальных регионах России, где в центре внимания – локальные события, их акторы. Здесь корни современных националистических трактовок хода и исхода событий 1917 и последующих годов; д) анализ влияния событий этих лет в России на страны и регионы нашей планеты. «История русской революции» Л.Д. Троцкого, увидевшая свет в начале 1930-х гг. – выдающийся пример литературы подобного рода, одновременно воспоминания и фундаментальный вклад в науку. Книга переводилась на многие языки, став базовой для зарубежных историков русских революций. В России она увидела свет в 1997 г. К нашему времени обозначившие себя в 1920–1930-е годы группы течений в историографии 1917 г. продолжают подпитывать представления современных ученых и комментаторов о мире и месте в нем событий 1917 г.

В советской историографии (после Второй мировой войны в нее была интегрирована историческая наука стран социалистического лагеря) с середины 1930-х гг. утвердилась насаждавшаяся диктатом картина, зафиксированная в главе 6 книги «История ВКП(б). Краткий курс», тщательно отредактированной Сталиным. Эта версия практически без изменений пережила развенчание Сталина и воспроизводилась в переизданиях «Истории КПСС» и готовившихся в унисон с ней работ по истории СССР – от школьных учебников до академических многотомников – ради идеологического воздействия на массовое сознание¹. Отклонения от канона жестко пресекались. Такое случалось – особенно в освещении роли групп в партии и слоев крестьянства, событий в национальных районах страны.

Труды очевидцев ценны своими свидетельствами. Они многочисленны и до настоящего времени по настоящему не введены в научный оборот – многое печаталось в эмигрантских, малотиражных университетских изданиях. Есть в этой группе воспоминания людей, отходивших от революционного движения, от Коминтерна и советской компартии времен Сталина. Правда, перед зарубежной литературой не стояла задача обоснования законоподобного движения к цели. В центре внимания находились акторы, субъекты 1917 г. – Ленин, Сталин, Троцкий, Пле-

ханов, Мартов, партии большевиков, эсеров, анархисты, меньшевики, национальные сюжеты. К примеру, в 1948 г. американский экс-коммунист Б. Вольф (B. Wolfe, 1896–1977) выпустил книгу «Трое, сделавшие революцию» (Ленин, Сталин, Троцкий)²,

Складывавшийся после Второй мировой войны контекст межгосударственных отношений на планете требовал от соперников СССР изучать нашу страну, ее историю. Советология как продукт холодной войны стимулировала и исторические исследования, использование финансовых и институциональных средств – университетов США, Англии, Германии, Канады, Франции, Японии. Представители университетской профессуры Г. Киссинджер и З. Бжезинский – символы данного явления. В трудах этой когорты описателей 1917 г. налицо объективность, соблюдение канонов (и использование достижений) науки – исторической, социологической, политической и т. д. Утверждение в 1960–1980-е гг. таких подходов в зарубежной буржуазной историографии сводило различия с историографией советской (абстрагируясь от соблюдения последней неизбежных в условиях времени установок и от имманентного антикоммунизма западных авторов) к деталям в интерпретации фактов и событий 1917 г.

Характер советской историографии 1917 г. определялся инструментальной ее ролью: поддержание в глазах массового читателя в стране и за рубежом, среди друзей СССР заданного образа страны, режима, ограничениями на все, что не работает на эту цель. Считалось обязательным связывать концепции революции 1917 г. с утверждением мифа о победе социализма, о руководящей роли партии Ленина-Сталина в стране, во властных структурах, в обществе. Все события полагалось показывать через призму становления и упрочения этой руководящей роли (при жизни Сталина – его роли) в революционном движении, в советском обществе. Дело доходило до того, что изложение истории революции в отдаленных уголках страны обязательно включало в себя повествование, к примеру, об Апрельских тезисах Ленина, росте массовой поддержки партии большевиков в Петрограде, месте Сталина в вооруженном восстании, сюжеты о враждебной деятельности в 1917 г. лиц, в 1930-е годы репрессированных. Тот же подход доминировал в освещении процессов, явлений и событий истории, предшествовавших 1917 г. и развернувшихся после этой даты. Все, что было, подавалось (должно было подаваться, даже если речь шла о проблемах, едва связанных с 1917 г.) как

неумолимо предустановленное движение к свержению самодержавия и победе социалистической революции, к победе большевиков в гражданской войне, как начало триумфа социализма в СССР. В подаче и истории второй половины XIX – начала XX вв. непременно требовалось доказывать близость социалистической революции: формирование рабочего класса, пролетарских масс, их авангарда – большевистской партии, ее успехи, вступление России в стадию империализма, предпосылки социалистической экономики и т. д. Все, что было после – подавалось как закономерный результат социалистической революции, движение к социализму и коммунизму. В 1941 г. война и годы восстановления поток этой литературы прервали, чтобы возобновиться к 1960-м. Многие историки понимали ограниченность такого подхода, но, вынужденные следовать канону, старались добывать научное знание там, куда не доставал диктат.

Статус революции 1917 г. был институционализирован в 1960-е годы Советом по истории Великого Октября общесоюзного и международного (большинство социалистических стран) формата. Его создал академик, Герой социалистического труда, лауреат Ленинской премии (за трехтомную историю Великого Октября) И.И. Минц. Ему выпала роль демонстрировать, что создание после Второй мировой войны социалистических стран – закономерное продолжение Великой Октябрьской социалистической революции, главного события XX в., что современная эпоха – согласно документам КПСС (в их создании историки типа Минца принимали участие) – переход человечества к социализму и коммунизму.

И.И. Минц знал, что такое наука, но держался директив партии. Он прошел Гражданскую войну, коммунистический университет, его окружения коснулись в полной мере репрессии 1937–1938 гг. В марте 1949 г. его (среди прочих) в постановлении ученого синклита Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) подвели под обвинение во «враждебной деятельности в интересах империалистического лагеря» (РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 255) – заготовка для судебного приговора, ГУЛАГа, а то и «высшей меры наказания». Минц много работал с документами, был внимателен к «вражеским» публикациям за рубежом, к идейным противникам на поле исторической науки, поддерживал тех, кто пытался в полемике с оппонентами сказать и что-то новое – в рамках общих концепций. В устной передаче он

в 1974 г. экспертизу фильма Элема Климова «Агония» (по повести В. Пикуля) резюмировал примерно так: если это выпустить на экран, Распутина нужно объявить творцом революций 1917 г.

В формировании постсоветского этапа истории 1917 г. и последовавшей Гражданской войны решающую роль сыграло то, что к концу 1990-х основные аспекты Октября были изучены досконально, география описания событий стала всесоюзной, немногие оставшиеся слабо освещенными (в публикациях) проблемы (противники большевиков, революционные события на местах, в национальных районах) – были более или менее известны и удовлетворительно решались. К примеру, недавно мне попалась изданная нынешними украинскими националистами история революции и Гражданской войны в этой стране – ничего по части фактов, что я бы не прочитал в советское время, я там не нашел.

К завершению советского этапа истории страны в основных чертах сформировался своего рода консенсус в освещении базовых проблем этой революции. К 1990-м годам и зарубежная историография революций 1917 г. стала трудноотличимой от советской. Этому не приходится удивляться, так как «весь мир» узнавал подробности этой революции по книге Троцкого. Наука есть наука – это знание, поиск истинного знания. Кстати, в зарубежной исторической мысли «русская революция» объединяет в себе две революции 1917 г. и гражданскую войну (иностранная военная интервенция выпадает как составная часть первой мировой войны и ее последствий) – то есть возникает образ полосы потрясений и смуты, острых конфликтов разной интенсивности, где власть досталась большевикам. Подобие такой картины просматривается в советской историографии гражданской войны: ее истоки лежат, по меньшей мере, в февральской 1917 г. революции и последовавших за ней социальных коллизиях этого и последующих годов.

Естественно, конструкция истории 1917 г. «по Минцу» обрушилась, когда закачались несущие устои строя – социализм, руководящая роль партии в стране. С крахом СССР история Октябрьской революции перестала быть подпоркой институтов строя, обретя соразмерную роль аналитического инструмента раскрытия фактов и опыта тех месяцев и лет. Завершались начатые исследования, быстро и (что примечательно) безболезненно исчезали «черные дыры» (их оставалось немного, да и те были

хорошо известны и тематически периферийны), оставшиеся после полосы запретов. Ушла в небытие критика фальсификаторов истории Великого Октября.

Характеризуя схожесть взглядов отечественных и зарубежных историков на революции 1917 г., выделяю:

1. наличие уходящих в историю страны и мира предпосылок революционного взрыва 1917 г.;

2. важность фактора субъектности в революции – на индивидуальном и групповом уровнях вождей революции, партий и их лидеров; анализ их сильных сторон и ошибок. Выдающаяся роль Ленина в победе большевиков³ не оспаривается;

3. роль организационного фактора – «оружия организации». Партия большевиков по этому параметру не была идеалом, но оказалась эффективней соперников;

4. поддержку революции – в меньшей мере большевиков – значимой массой населения страны, ее политических сил;

5. ошибки (вполне обусловленные) практически всех соперничавших с большевиками политических партий, групп, личностей – существенный фактор октябрьского переворота;

6. идеологию революции, квазирелигиозное (А. Блок: «вперед – Иисус Христос»), утопическое упование на революционное действие и социалистическое целеполагание.

Перелом в судьбах СССР 1991 г. сделал очевидным совпадение позиций позднесоветской и «буржуазной», «немарксистской» историографий истории России 1917 г. На постсоветском пространстве издано множество научно значимых исследований зарубежных авторов по истории русских революций, биографий их лидеров и т. д. Они ничем не отличались от трудов отечественных историков. Историография Октября вернулась в лоно исторической науки.

Из истории 1917 г. уходят последние белые пятна, обогатив общую картину истории этого периода. Несмотря на отсутствие государственной поддержки, историческая панорама 1917 г. в постсоветское время стала несравнимо богаче, в ней нет мифов⁴; восполнена часть табуированных тем советского времени. Пробелы в исследованиях процессов и событий 1917 г. устранялись усилиями ученых, среди которых выделяется В.П. Булдаков, освещавший вопросы, перед которыми остановилось «предприятие» академика И.И. Минца. Раскрыта подлинная картина «старой» императорской России, которая уходила в эти годы

в небытие – усилиями, прежде всего, Б.М. Миронова, представившего на материале истории России 1700-х – начала 1900-х гг. социальную историю Российской империи, в советские времена подгонявшуюся под клише неустойчивого приближения пролетарской революции под руководством коммунистической партии большевиков. Б.Н. Миронов дал возможность российскому читателю-гражданину составить для себя достоверную картину России, «которую мы потеряли».

Перемены последних лет качественно преобразовали представления о революционных процессах 1917 г. как исходной точке начинавшейся сложной и противоречивой советской истории. Красно-белая дихотомия дополнена зеленым цветом – символом неприсоединения ни к красным, ни к белым (уход в леса), движений мусульман тогдашней России. Внимание к специфике революционных событий в регионах страны со значимой этнической компонентой – поле поисков и разработок с многообещающими предпосылками, которые прольют свет на исходные точки движения к современной России.

Здесь мы подходим к одному из главных уроков в сегодняшнем осмыслении «русской революции», лежащему за пределами истории 1917 года. Урок этот – необходимость нового понимания советской истории как базы истории и современности постсоветской России, ее роли и места в мире, переоценки места СССР, современной России, стран СНГ, бывшего социалистического содружества в мировой истории.

Природа и социология революций в XX – начале XXI в. сохраняют актуальность, новый эмпирический материал ее обильно подпитывает. Новые революции повторяют, с одной стороны, паттерны 1917 г.: модернизация и сползание в кризис, прочность, сплоченность общества и государства при «старом режиме», таящие потенциал революционного взрыва. Лишенная к 1917 г. социальной интеграции внешне незыблемая Российская империя, отпраздновав 300-летие дома Романовых и пережив всплеск патриотизма начала мировой войны, рухнула, открыв дорогу к власти радикальным группам политического спектра страны. Предпосылки обрушения империи видели многие, но никто не предпринимал требуемых и возможных действий. Революция назревала и стала закономерной, как в 1990-е падение СССР. Слабые солидарность и интеграция царской России повторены в большинстве революционных «кейсов» последних десятилетий.

Уроки революции извлекли разве что в немногих социальных государствах.

Наука знает образцы применимого к истории СССР, сегодняшней России и миру научного знания о революции и эволюции, реформах и революции, их человеческом измерении и последствиях. Начало им положил П.А. Сорокин в трудах 1920-х гг. Базовые уроки революций требуют фундаментальных междисциплинарных изысканий: связи социального взрыва с внешней политикой, с войнами и людскими потерями, социально-демографические последствия для народонаселения страны и мира, цивилизационные аспекты революций и др. Имманентность революции, реформы, конструируемые современными средствами, хаос – пусть управляемый, застой, псевдореволюции (цветные), «перестройка» как революция сверху, «культурные революции», эволюция, контрреволюция – вот репертуар решений проблем конкретных обществ. Представляется, что для России в ее современном состоянии оптимален был бы сценарий революции культурной, требующий предварительной разработки инструментов, выверенных социальных технологий искомым преобразований.

В стране, где для большинства населения «хата с краю», почти не двинулась с места по сравнению с советскими временами разработка проблем роли субъекта революционного действия, субъектного аспекта реализации преобразований, в исторической динамике общественных перемен 1917 г. игравшей решающую роль. Обнаженная 1917 годом метафизика веры в свободу и справедливость указывает на важность постижения динамики, поворотов, загадок общественного сознания, тем более что сейчас решение этого круга проблем одновременно облегчено и затруднено обилием цифровой информации в социальных сетях.

Судьба революции 1917 г. это история современного СССР-России. Уникальная, почти предельная исследованность событий самого 1917 г. ярко контрастирует с отсутствием осмысления места и роли Октябрьской революции (как символа СССР) в общем ходе истории страны, с робостью в осмыслении этого круга вопросов. Новое прочтение становления советской страны способно менять, начиная с акцентов школьных учебников, канву интерпретации истории Гражданской войны, 1920–1930-х гг., Великой Отечественной войны и последующей истории страны, ее народа (-ов). Возможны иное понимание политики, экономики, культуры, национального строительства в СССР, новые

акценты оценок состояния страны к 22 июня 1941 г., начала Великой Отечественной войны и ее результатов, послевоенных восстановления, развития, преобразований. Дискурс, осознание, переосмысление нашим обществом и его подлинными элитами истории XX в., достижение консенсуса оценок и мнений в среде здравомыслящего большинства могут вызвать перемены в массовом сознании, в усвоенных уроках прошлого, осмыслении настоящего и будущего.

В социальных науках опыт 1917 г. и развития российского (советского) общества и государства могут дать новое знание о том, что за рубежом определяют как индустриальное общество, общество модерна, а также новые оценки опыта, судеб и перспектив социализма. Опыт февраля–октября 1917 г. содержит эмпирический материал для обогащения ряда концепций «среднего уровня»: «глобализация по-советски» долгое время представляла собой альтернативу капитализму; концепция риска пронизывает решение о взятии власти большевиками 25 октября 1917 г., последствия чего понимал Ленин, но не сменившие его лидеры страны, желавшие осчастливить народ и человечество социализмом и коммунизмом; концепция социально-культурной травмы революций 1917 г. и Гражданской войны – исходная основа некоторых (если не многих) аспектов понимания панорамы даже современной России, не говоря уже о истории СССР; перформанс, как исполнительское мастерство (в нашем случае в политике), весьма релевантен массе материала о поведении ключевых фигур российской политической сцены революционного 1917 года и т. д.

Чему учат практиков-политиков уроки истории, содержащиеся в историографии революционного 1917 года? Вот четыре ключевых соображения. Манипулирование историей (лидеры СССР здесь дают всем сто очков вперед) ведет к самоослепению и катастрофе страны. Игнорирование прошлого, как показал опыт советской историографии новой истории Украины, чревато катаклизмами с непредсказуемыми последствиями. Не оправдывает себя пренебрежение уроками минувшего, что, кажется, происходит после 1991 г. в отношении новейшей истории России. Осмысление траектории движения общества, страны, государства, народа на каждый данный момент помогает выстраивать реалистическую политику, преодолевать массовую апатию россиян, избегая шарашаний, рискованных зигзагов и экспериментов на людях.

¹ Ту же мифотворческую роль в кинематографии играл фильм М. Ромма (1837 г.) «Ленин в Октябре».

² Б. Вольф в Корейской войне 1950–1953 гг. исполнял роль эксперта по коммунизму в экспедиционном корпусе США.

³ Современникам этот фактор был очевиден: он эхом отозвался в 1918 г. покушениями на Ленина, Урицкого, Володарского, а в январе 1919 г. убийством К. Либкнехта и Р. Люксембург в Германии. Как потом ни пытался Коминтерн капитализировать предпосылки социального конфликта и массового недовольства – в Германии советская революция не состоялась.

⁴ Не касаясь мифотворчества «публичных деятелей», прибегающих к субъективистским, отвергнутым наукой концепциям.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНОЙ ТЕОРИИ И КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА ТЕДЫ СКОЧПОЛ

Вадим Андреевич Ермаков

Московский финансово-
юридический университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье проводится анализ взглядов Теды Скочпол на русскую революцию 1917 г. Внимание сосредоточено на характеристике не только причин, процессов и результатов событий 1917 г. в России, но также выявляются основные положения концепции и применяемого метода, объясняющих логику революционных трансформаций в целом.*

***Ключевые слова:** государство, крестьянство, международные отношения, причина, политическая система, русская революция, структура.*

Современное научно-исследовательское сообщество в период 100-летнего юбилея Великой русской революции находится в поиске новых подходов и интерпретаций события, сыгравшего существенную роль в российской и глобальной истории. Проблемное поле задач касается не только эмпирического уровня анализа фактов. Не менее важную роль имеет теоретический уровень объяснения, позволяющий задать новые концептуальные рамки эпохального события. Следует отметить, что в настоящее время макросоциология подошла к созданию теории революции четвертого поколения и в этой связи концепция Теды Скочпол относится к «третьему поколению» исследователей революционных трансформаций, особенностью которых является структурный подход и «государственно-центричная модель»¹ процесса.

Предметом представляемой статьи является рассмотрение основных положений теории и компаративистского метода, применяемого Скочпол для сравнительного анализа революций во Франции 1789 г., в России 1917 г. и Китае 1911 г. Фокус объяснений будет сосредоточен на русской революции, имеющей, с одной стороны, типологически-абстрактные характеристики, свойственные

трем революциям, с другой стороны, специфически конкретные свойства, соотносимые с фактами. Поставленная цель предусматривает выявление общих методологических принципов исследования социально-революционных трансформаций, а также анализ конкретных причин, фактов и результатов революции в России.

Исходным пунктом для понимания данной формы социальной трансформации в целом и русской революции в частности имеет определение, разработанное в работе «Государства и социальные революции». К настоящему времени оно стало уже классическим: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества, которые сопровождаются и частично осуществляются посредством классовых восстаний масс снизу»². Таким образом, отмечая динамичность, интенсивность и глубину социальных изменений в период революции, автор основополагающую роль отводит в нем классовым структурам, а его источник находит в социальных движениях снизу. Корреляция между структурной трансформацией и социальным конфликтом, а также параллельными социальными и политическими изменениями дает возможность интерпретировать конкретные революционные процессы как тип изменений, обусловленный, прежде всего, структурными противоречиями как внутри социально-политической системы, так и между различными политическими системами на международном уровне.

После изложенного базового определения революции следует перейти к основным положениям теории и методологическим инструментам, используемым в работе. Фундаментальный вопрос, поставленный ее исследованием, состоит в способе объяснения революции, позволяющем выявить причины и определить следствия, соответствующие историческим фактам. Начиная с критики предшествующих теорий и выводя на их основе общую модель подобных концептуальных схем, она обосновывает свой подход, основанный на структурной перспективе и компаративистском анализе. В нем особое внимание следует уделить международному фактору, а также внутренним и внешним процессам, вызвавшим распад политических систем. Наиболее оптимальным методом анализа революций, по ее мнению, является сравнительно-исторический или компаративистский: «...сравнительно-исторический анализ представляет собой наиболее уместный способ разработать такие объяснения революций, которые одновременно и исторически обоснованы, и выходят за рамки единственных

в своем роде случаев, давая возможность обобщения»³. Основной целью исследования является объяснение логики революционных трансформаций, исходящей из анализа трех случаев с положительным результатом. Для этого Скочпол разрабатывает три методологических принципа анализа. Во-первых, структурный подход в изучении причин и следствий. Во-вторых, учет международного фактора и глобальных исторических процессов. В-третьих, под государством понимается автономная структура, организуемая контроль и принуждение в обществе.

Почему Скочпол выбирает и объединяет русскую революцию с французской и китайской? В монографии выборка обоснована следующим образом: «...исходной посылкой этой работы является то, что Франция, Россия и Китай продемонстрировали важные схожие черты старых порядков, а также революционных процессов и их результатов – более чем достаточно, чтобы рассмотреть их в качестве одного образца, требующего последовательного причинно-следственного объяснения»⁴. Помимо этого, общими признаками объединения являются аграрный характер государств и протобюрократический автократизм политических систем, отсутствие колониальной зависимости и конкуренция с более развитыми странами. Совпадение внешнего кризиса с внутренними особенностями государственных структур породило целый ряд схожих следствий: низкая функциональность и неэффективность государственного аппарата в условиях кризиса; высокий уровень социальных конфликтов, где главной движущей силой было крестьянство; сосредоточение власти в руках революционных политических лидеров. Не менее существенными для объединения становятся и результаты революционных трансформаций, среди которых необходимо, прежде всего, указать на усиление государственной структуры, что отразилось не только в эффективности механизма государственного управления, но и имело потенциал для увеличения влияния государства на международной арене. «Результатом революции в каждом случае выступало централизованное, бюрократическое и национальное государство с массовым политическим участием и с возросшим великодержавным потенциалом на международной арене»⁵. Приступая к более детальному анализу условий, особенностей и результатов русской революции, необходимо отметить, что он будет следовать следующей схеме. Сначала будут рассмотрены причины, вызвавшие объективно обусловленную революционную ситуацию, заложенную в исторических особенностях развития

страны и структурных характеристиках государства. Затем, анализ сосредоточится на кризисе политической системы абсолютизма. Далее будет рассмотрена роль крестьянства в революционном движении. В конце представятся результаты революционных трансформаций в России.

Скочпол отмечает, что исследование революции в России сразу должно учитывать некоторые особенности: «...в царской России революционные кризисы развивались только под непосредственным воздействием военных поражений»⁶. Также к числу таких особенностей следует отнести то, что Российская империя находилась в состоянии модернизации и регулярных реформ, что позволяло ей выдерживать конкуренцию с передовыми европейскими государствами.

Занимаясь проблемой выявления генетических причин революции в России, связанных, по ее мнению, с историческим развитием России, она полагает, что они носят геополитический характер и имеют начало в Крымской войне 1854–1855 гг.: «...цепь событий, которые привели имперскую Россию от доминирования в Европе после революций 1848 г. к дезинтеграции и революции 1917 г., начались именно с бесславного поражения империи в ограниченной по масштабам Крымской войне 1854–1855 гг.»⁷ Эффект Крымской войны фундаментально потряс основы самодержавия, и имел долгосрочные последствия как для внешней политики, так и для внутренней. Если во внешней политике столкновение с ведущими европейскими державами за контроль над Черным морем и его проливами, а также конкуренция за господство над территориями распадающейся Османской империи привело к ослаблению влияния на Ближнем Востоке и Черном море, то во внутренней политике произошла демонстрация уязвимых сторон социально-экономических основ самодержавия. Развивать имперскую политику с отсталой крепостнической экономикой означало для России проиграть в геополитической конкуренции.

Следующий фактор, сыгравший существенную роль в подготовке революции – индустриализация. В этой связи возникает вопрос: каким образом индустриализация способствовала революционному процессу? Скочпол отвечает на него следующим образом: «Тем не менее, в силу своих достижений и ограничений, быстрая индустриализация в России на рубеже XX в. создала условия для двух революций – одной, в итоге неудавшейся, в 1905 г., и другой, успешной, в 1917 г. Отчасти индустриализация

сделала это, создав новые классы и усугубив социальную напряженность»⁸. Исходя из этого возможно сделать вывод о том, что форсированная индустриализация активно создавала и концентрировала в центральных регионах страны промышленный пролетариат, который затем принял активное участие в событиях 1917 г. Помимо пролетариата, конфликтный потенциал в городских центрах усиливала радикальная интеллигенция, студенчество и мигрировавшее в города крестьянство.

Скочпол стремится сделать акцент в своем анализе на более существенных, по ее мнению, международных последствиях российской индустриализации. Инвестиции Запада в российскую промышленность увеличили зависимость экономики России от Европы и связали монархию политическими обязательствами с Англией и Францией, а нарушенный баланс сил в европейской политике в связи с объединением Германии подталкивал Россию к военному конфликту. Именно он стал очередной проверкой на прочность и эффективность всей самодержавной системы управления как внутри страны, так и за ее пределами. Глобальная военная конкуренция и силовая политика с лидерами международных отношений при отстающей экономике стали причиной распада империи. «Первая мировая война оказалась необходимой причиной (равно как и поводом) для революционного кризиса, который погубил имперскую Россию... Россия не могла ни оставаться в стороне, ни выйти по своей воли из идущей войны... Неизбежными последствиями этого для императорского режима стали военные поражения и экономический и административный хаос. Они в свою очередь породили революционный кризис»⁹.

К внутренним причинам революции Скочпол относит аграрную структуру и крестьянские восстания. Она считает существенным роль аграрного фактора и крестьянского вопроса в революции. Его неразрешенность обуславливала широкое участие крестьянства в революции 1917 г. Сам крестьянский фактор в целом распадается на серию дополнительных, которые делают их сходными с теми, которые имели место во Франции: структура крестьянской общины, рентное землевладение помещиков, ослабление репрессивного аппарата и социального контроля за крестьянством. Их совокупность создавала необходимые условия для накопления конфликтного потенциала. Определяющим событием в возникновении революции стало, по мнению исследовательницы, отмена крепостного права, являвшегося

основой самодержавия: «Как же иронично было то, что сама отмена крепостничества создала условия для аграрной революции, которая вырвала с корнем дореволюционный социальный порядок в 1917 г.»¹⁰ Краткосрочное и своевременное решение большевиками аграрного вопроса оказалось более результативным и «то, чего русские крестьяне больше всего хотели от революции и что они немедленно получили, было владение землей и имеющимися средствами обработки»¹¹.

Завершающей частью сравнительно-исторического исследования революций во Франции, России и Китае в работе является анализ результатов социальных трансформаций. Фокус статьи, несмотря на представленную в книге компаративистскую перспективу, сосредоточится на Великой русской революции 1917 г. Именно она имела, по мнению автора, ключевую характеристику, состоящую в уровне радикализма трансформаций, в отличие от остальных. «Ни одна современная социальная революция не была настолько радикальной, как русская»¹². Существенный компонент анализа – исследование процессов и итогов, связанных с созданием государственной структуры нового типа и ее характеристик. Именно возникновение и организация подобной структуры и сам процесс государственного строительства – основной предмет рассмотрения. «Во всех трех революционных ситуациях политические лидеры и режимы... возникли для восстановления общенационального порядка, консолидации социально-экономических трансформаций, вызванных классовыми сдвигами снизу, и усиления мощи и самостоятельности страны по сравнению с конкурентами на международной арене»¹³. Это основной показатель успеха трех революций, по мнению автора. Изменения, произошедшие в политических структурах государства, стали катализатором социально-экономических изменений. Усиление государственного механизма в различных сегментах социальной системы создало мегагосударственную структуру. Определяющую роль в этом как в России, так и в Китае сыграли партийные организации, построившие на новой социально-экономической базе однопартийные государства. «Безусловно, самой поразительной чертой нового режима было господство партийно-государственного комплекса, несоизмеримо более крупного, динамичного и могущественного, чем был царский режим»¹⁴.

Что же представлял собой «партийно-государственный комплекс», как и посредством чего он создавался? Здесь также существ-

вует целый спектр факторов, повлиявших на создание подобной системы. Ее подробное рассмотрение не представляется возможным ввиду ограниченности объема статьи; тем не менее пунктирно они будут затронуты по порядку, учитывая логику выводов монографии и приведения аргументов. Во-первых, с самого начала внимание уделяется политическому лидерству, поскольку политических лидеров необходимо рассматривать как акторов, претендующих на власть. Особенностью политических лидеров в России и других странах было их маргинальное положение по отношению к правящим элитам монархического строя. «Политические лидеры во всех наших социальных революциях происходили именно из рядов образованных маргинальных элит, ориентированных на государственную службу»¹⁵. Они, получив доступ к государственной власти, создали новые административные, военные организации, а также политические институты, ставшие основой нового режима. Во-вторых, затрагивается роль идеологии и отмечается, что не следует преувеличивать роль этого фактора в объяснении результатов революционных трансформаций. Главная функция идеологии, по ее мнению, это интеграция и мобилизация сторонников самых различных социальных групп. Ключевой характеристикой идеологии марксизма-ленинизма, так же как и якобинства, стал ее универсализм. Не менее важно то, что они были светскими и даже тоталитарными системами взглядов, позиционирующими новые системы ценностей. Практика использования идеологий в государственном строительстве, как в России, так и во Франции, имела не только ограниченность применения, но часто вела к прямо противоположным результатам. Здесь, прежде всего, стоит сказать о роли государства в новых политических системах в условиях декларируемого социализма и проектируемого коммунизма. Если в марксистско-ленинской теории государство рассматривалось как переходный и временный институт от социализма к коммунизму, то в реальности в течение всего советского периода государство стало доминирующим в социальной системе и приобрело тоталитарные характеристики. В-третьих, представляет существенный интерес роль крестьянства и аграрного сектора в структуре нового порядка. Характеризуя политику большевиков в отношении деревни, необходимо сказать, что «само партийное государство было структурировано таким образом, что любые значительные попытки политического влияния на крестьянство с необходимостью принимали форму мер, навязываемых деревням извне,

а не реорганизации, продвигаемой изнутри»¹⁶. Проблема состояла в том, что преобразования в деревне часто велись методами гражданской войны. Это усиливало сопротивление крестьянства и не давало того результата, на который рассчитывали большевики. И наконец, в-четвертых, следует сказать о сталинской модернизации и индустриализации, окончательно завершившей революционные трансформации 1917 г. Наиболее значимым ее результатом была ориентация в экономическом развитии не на аграрный, а на промышленный сектор, особенно на тяжелую индустрию, унаследованную еще от царской России. «Сталинский подход означал, что в ходе дальнейшего экономического развития России все ставки будут сделаны на развитие контролируемой государством тяжелой промышленности»¹⁷. Политический контроль, охвативший сельское хозяйство и промышленность, создал в итоге государственно регулирующую плановую экономику. Такого типа экономика стала социально-экономической основой государства нового типа с однопартийной политической системой.

Излагая общие характеристики советской системы, Скорпел отмечает, что, несмотря на провозглашаемое идеологией социально-экономическое равенство, она была далека, особенно после 1928 г., от эгалитарных форм распределения. Существовавшие «неэгалитарные формы иерархического контроля и социально-экономических вознаграждений»¹⁸ создавало из чиновников государственного аппарата привилегированную группу. Дополнительной характеристикой новой системы стало активное использование насилия и террора как методов государственного управления, а также регулярные чистки кадров партийного аппарата, санкционируемые сталинским руководством и идеологическими установками. Созданная в итоге система тотального политического контроля, где значительную роль играли спецслужбы, помогла Сталину «установить и поддерживать свою личную диктатуру»¹⁹.

Финальный вывод, сделанный в работе «Государства и социальные революции» о результате социальной трансформации 1917 г. в России, состоит в том, что формально государственная структура носила более эгалитарный характер, чем самодержавная. В действительности же существовала авторитарная, принуждающая и иерархически ранжированная система. «В целом советская система, выкристаллизовавшаяся после 1928 г., была одновременно формально более эгалитарной и политически инклюзивной, а также более ранжированной, по своей сути

авторитарной и принуждающей, чем дореволюционная абсолютистская и аристократическая система»²⁰.

Для Скочпол русская революция 1917 г. не является специальным предметом теоретического анализа, скорее она относится к выборке и определенному типу революций, в которых возможно проследить серию повторяющихся факторов и аналогичных характеристик. Сравнивая ее с другими, она делает акцент, как и в остальных случаях, на позитивности и успешности результатов, в качестве которых она считает укрепление централизации и бюрократического аппарата национального государства, а также рост его престижа и авторитета в международных отношениях. Эффект усиления государственного аппарата и накопления потенциала для развития был достигнут как повышением уровня централизации, так и массовой мобилизацией граждан. Существенную роль имело более широкое участие граждан в деятельности различных политических институтов.

¹ *Голдстоун Дж.* К теории революций четвертого поколения // Логос. 2006. № 5(56). С. 58–59.

² *Скоппол Т.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. P. 4.

³ *Ibid.* P. 28–29.

⁴ *Скоппол Т.* Государства и социальные революции: Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017. С. 93.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 160.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. С. 178–179.

⁹ Там же. С. 184–186.

¹⁰ Там же. С. 242.

¹¹ Там же. С. 255.

¹² Там же. С. 271.

¹³ Там же. С. 299–300.

¹⁴ Там же. С. 405.

¹⁵ Там же. С. 306.

¹⁶ Там же. С. 403.

¹⁷ Там же. С. 404.

¹⁸ Там же. С. 412.

¹⁹ Там же. С. 414.

²⁰ Там же.

TALLEYRAND AND THE FRENCH REVOLUTION

Adrian Maldonado Repetto

Centro de epigrafía maya “Yuri Knorosov”
Mérida, México

***Abstract:** Through the life of the French diplomat we present the contradictions of an era expressed by the sensibility of Talleyrand, who survived the political turmoil in governments that eventually depended on him. In a certain way, Talleyrand is what remains in a system, regardless of the historical change and despite the radicalism of a period like the French revolution or the monarchy of Napoleon. The collapse of this last period places Talleyrand in an ambiguous position being his figure often considered whether as a political opportunist or as a protector of the sovereignty of France.*

***Keywords:** Social contradictions, Revolution, Cultural change.*

Most historians and researchers, related to cultural studies, are well acquainted with the old idea of the inner contradictions of capitalism, presented by Marx, Engels and even in the twentieth century developed further by Althusser and even others like Deleuze and Guattari.

Considering this position, we propose the possibility that within a culture, as a set of rules, each and every culture would have their own set of contradictions, not in the French structural sense of it, but mainly as a point of inflexion and change. This of course would mean that the social productive tension, in different time periods, regarding a civilization, would express these contradictions, within their social system and their model of knowledge and order.

But what if, such a common idea, nowadays in historical research, would apply not only to a culture, to a society and to its specific history, but also to particular individuals? Such is the purpose of this essay, to present Charles Maurice de Talleyrand-Perigord, and Prince of Benevento, precisely as the incarnation of the inner contradictions of the French revolution through the Directory, the consulate, the empire of Napoleon and even further after Louis XVIII.

This idea in the broad sense of a theory related to history, and societies, mean that it could be possible to identify certain characters and profiles, that tend to manifest or summarize the contradictions of an era. Interesting enough is, as with Talleyrand, that sometimes these contradictions can be expressed in a successful manner, while in other cases end up being a social tragedy.

The beginning, personal traits

Talleyrand's biography seems to begin without any particular difference regarding to other noblemen born during the XVIII century. Even in his own words there wasn't anything special about his childhood, abandoned to the servants until eventually his grandmother took charge of him while his parents were embroiled in politics and the life of Versailles¹.

For a young man to pursue his ambitions, as late as the XIX century in European countries, the most usual accepted manner was through the Army or the Church. Due to an accident during his childhood that affected Talleyrand's leg, he was considered a cripple or even lame, by the term; therefore, by the criteria of his father it was then decided, for him, to enter the Church.

Some psychological aspects might be mentioned here. From her grandmother and the influence that she exerted in the province, Talleyrand seemed to apprehend the idea of persuasion and a certain notion of power. From these changes during his childhood and adolescence, also we witness his capability of change and adaptation to circumstances. Another remarkable feature of him, mentioned during his life, was his power to please, sometimes in a catlike manner (one of his many nicknames) being smooth and tender, and sometimes as a prince, prodigal and very observant of all kind of details. Considering his perks in a personal manner, he manifested a certain taste for political conspiracies, which should not be understood in a lineal Machiavellian manner, but more akin to a need for change, in what was then considered a decadent French society.

The different opinions of friends and acquaintances of Talleyrand give us a broad idea of his personality. Amongst these opinions there is one such thing that appears over and over, most of them though hating him at some point, could not resist his charm, and eventually their prejudices against him disappeared, or were seen in a different manner.

Mirabeau, for instance, said once of him ‘The Abbé de Périgord... would sell his soul for money; and he would be right, for he would be exchanging dung for gold’ after which, he eventually became again one of his best friends. In the same line of thought, Madame de Remusat tried to hate him and as she wrote then “I dared to say to him one day, ‘how can you bear to live and to act without receiving any emotion from what is happening, nor from your actions?’ ‘Ah, how young you are, and how much a woman’... he replied, and then he began to make fun of me as of everything else. His raillery hurt me but made me smile and I was angry with myself for being amused by his jokes and for allowing my vanity at being able to appreciate his wit to lessen my dislike for the coldness of his heart. Indeed, I did not yet know him, and it was only later, when I lost that feeling of shyness which overcomes everyone who meets him for the first time, that I was able to observe *the curious mixture of which his character is composed*”. Also, the well known Madame De Stael, said of him that he was like one of those tailored dolls with metal legs which no matter how hard they fell they always did it standing on their feet. Napoleon’s opinions on Talleyrand tended to express a love-hate relationship, remarking that at his final days he regretted turning his back on him, or so the legend says².

These comments give us an idea of the complexity of Talleyrand’s personality, often criticized, especially on his late years, for his ever changing and ever pleasing position. In all fairness, we have to consider that he survived the monarchy of Luis XVI, the French revolution, the regime of terror, the aftermath of the exiles, the return to France, the Directory, Napoleon’s rise and fall, the new monarchy of Luis XVIII, and the regime of Charles X, helping to appoint later Louis Phillippe I as the king. This by all means wasn’t a small task, and above it we should consider how Talleyrand represents the inner mechanism of an ever changing set of regimes. From 1789 to 1848 what we witness in France is a constant political experiment, often oscillating from models of monarchy to constitutional bourgeois ideas to organize the government, and in both of them, Talleyrand seemed to reflect a certain sense of continuity in such a system.

Louis XVI, the national assembly and the French Revolution through Talleyrand’s eyes.

To explain our position, that is to present Talleyrand as an individual that incarnated the contradictions of his society, we will present merely some limited historical fragments in order to have proper examples of it.

We should also remind our readers, briefly, that the Enlightenment era, opened a whole new range of spaces for discussions and politics, such as the halls of well known ladies, and families, that eventually became the real axis of politics for a more free and open dialog. A shift on politics could be traced and seen first in these halls, and only much later would manifest openly in the political public places such as Versailles. Precisely the words and meaning of “popularity” and “popular” were born during this period³.

The importance of the precedent of the Enlightenment era should not be taken lightly. Talleyrand wrote on it:

“If historians strive to discover the men to whom they can give the honour or attribute the blame of having caused or directed, or modified the French Revolution, they will be wasting their time. It had no authors, nor leaders, nor guides. The seed was sown by writers who, in a bold and enlightened age, wishing to attack prejudice, overthrew the principles of religion and of social life, and by incompetent Ministers, who increased the embarrassment of the treasury and the discontent of the people”⁴.

Talleyrand was proposed as a bishop first, but was denied with the opportunity until the agony and death of his father, only then he was appointed by the king, Louis XVI, almost in terms of a political favor. As a bishop he introduced and supported some interesting reforms such as a practical ways to stabilize property.

In appearance Talleyrand was a pleaser, always submitted to the circle in power, whether that be a new monarch or a group of chosen ones (such as, later, the members of the Directory), but his strategy tended to change things from the inside, in a radical way and in a very subtle manner.

A few months before the Bastille episode that began the French revolution, the economy of France and its structure was so fragile that the States-General meeting was opened in Versailles. To give the reader a proper idea of it, one has to consider that such a measure wasn't ordered since 1614. During this episode it's important to realize how weak the monarchy was already, due to the fact that even the vote of the Clergy, the nobility and the so called Third Estate wasn't properly organized. For instance, there wasn't even a proper arrangement about the vote of all of these orders. Should the king have had instructed them all of it before, would it have changed the course of the events? Nevertheless, the result was chaotic and the king tried to intervene way too late until other leaders exerted their limited power. At this

point, it has been said that Talleyrand himself tried to influence the brother of the king to persuade them to dissolve the Estates, but the clock was ticking and therefore, a few days after the political turmoil, began the emigration and exile of the nobility.

Talleyrand's strategy regarding the first wave of emigration was different, as if he was awaiting to see, close enough, the development of the nightmare. Not only he didn't emigrate immediately but he collaborated actively with the first attempts to reorganize the French government. He even participated in the legislation of the nationalization of certain properties (such as those related to the Church and Clergy). A bishop, a womanizer, a gambler, a speculator and now a reformer, akin to the *ethos* of the era, Chateaubriand, with his utter-contempt for him, described Talleyrand as if he was always surrounded by rogues and low moral individuals, but in terms of the realpolitik he was merely being pragmatic.

For the sake of brevity, we should remind our readers then, that Talleyrand was able somehow to understand and read the signs of change and time, in his own words, the art of statesmanship was only to foresee the inevitable and expedite its occurrence.

Our last scene will be with Talleyrand on Danton's bureau waiting for many hours to receive his passport. He could have been considered a traitor by both sides of noblemen and also by the new regime of terror, but Talleyrand being the person he was, embraced the contradictions and used them to his advantage, cynic and ambitious he would remain a true patriot, in a certain particular way, to restore France's glory later then, even further ahead o Bonaparte and a decrepit monarchy.

¹ *Orieux J.* Talleyrand, el hombre que sobrevivió a la Revolución. Buenos Aires, 1989.

² *Cooper D.* Talleyrand. N.Y., 2001. P. 28, 136.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

**КРУТЛЫЙ СТОЛ:
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»**

«СТЕНЫ» И «МОСТЫ» НАШЕЙ ПСИХИКИ. ЧЕМ ЭТО «ГРОЗИТ» ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ?

Андрей Борисович Стрельченко

Общероссийская профессиональная
психотерапевтическая лига,
г. Москва

***Аннотация.** В статье «“Стены” и “мосты” нашей психики. Чем это “грозит” человечеству?» автор использует метафору «стен и мостов» как отражение некоторых психических механизмов, обеспечивающих поведенческие реакции человека. В статье делается попытка обозначить эти механизмы и показать, как это сказывается на жизни современного человека и может сказаться в будущем. Поведенческие реакции человека рассматриваются с позиции адаптации человека к жизни в социуме.*

***Ключевые слова:** пространственно-временной континуум, поведенческие стереотипы, сверхсознание, адаптация, социокультурные установки.*

В общественном сознании преимущественно либеральной интеллигенции существует достаточно устойчивый стереотип разрушения любых стен и наведения любых мостов на пути к «вселенскому счастью». Однако так ли все однозначно с этими нашими «стенами» и «мостами»? Стоит ли безоглядно разрушать все «стены» и всегда ли есть смысл наводить «мосты»?

На мой взгляд, метафора «стены и мосты» очень ярко отражает некоторые психические механизмы, обеспечивающие поведенческие реакции человека. Представляется целесообразным попытаться обозначить эти механизмы и показать, как это сказывается на нашей жизни и может сказаться в будущем.

Раз речь идет о поведенческих реакциях человека, значит, прежде всего, мы будем рассматривать работу этих психических механизмов в приложении к социуму – к той среде, в которой человек функционирует.

Но сначала – небольшое лирическое отступление.

Теплым погожим днем на летней веранде, столь любимой не только нами, но и всеми другими окрестными представителями

живой природы, мое внимание привлекли муравьи. Они были едва различимы и очень деловиты. Они сновали вдоль едва заметного для меня и грандиозного для них четырехсантиметрового парапета.

Странно, но при всей их общеизвестной поисковой активности, они даже не пытались забраться на Стену и посмотреть, что же там за ней...

Наше поведение в «людском муравейнике» мегаполиса не сильно отличается от поведения муравьев на моей веранде. Мы деловито перемещаемся по строго определенным маршрутам в строго определенном временном графике.

Причем эти маршруты и графики формируем мы сами. То есть мы сознательно устанавливаем «стены» в пространстве и во времени, и двигаемся вдоль этих «стен» по жизни.

И горе тому (или чему), кто (или что) разрушит эти наши стены! Горе и ему, и нам самим. Потому как это вызывает у нас фрустрацию со всеми вытекающими из нее последствиями.

Недавно я видел ролик, в котором журналист продемонстрировал, насколько сограждане склонны к состраданию. В людном месте он симитировал внезапно возникшее недомогание...

Наверное, о результатах этого эксперимента вы догадываетесь... Сами-то всегда помогаете ближнему в подобных ситуациях?

Я – нет. Стыжусь этого! Сопереживаю! Но не всегда помогаю. И не потому, что мне все равно – потому что знаю, что если начну помогать – задержусь – выбьюсь из своих пространственно-временных «стен».

Тема «стен» и «мостов» – это тема пространства и времени. Пространство и время являются неотъемлемыми компонентами человеческого миропорядка. Они сосуществуют вместе, но не пересекаются между собой. Каждая из этих составляющих мироздания имеет свою природу и систему координат.

Что интересно, мы сами создали эти системы координат – то есть возвели «стены», потому что это удобно. Мы живем в этих системах координат и пытаемся совместить их, сконцентрировав на себе. Когда это получается, мы испытываем удовлетворение, достигая желаемого.

В обыденном сознании это называется «оказаться в нужное время в нужном месте» – там, где мы – внимание! – успешно навели пространственно-временной «мост». У этой точки пересечения – у этого «моста» – много определений: катарсис, откровение,

«точка сборки» и т. д. И это все – состояния выхода нашего сознания (точнее – сверхсознания, по Ю.Б. Гиппенрейтер) за некие границы-стены¹.

Сознательно выстраивая у себя в голове «стены», мы формируем стереотипы. Стереотипы нам очень нужны. Они помогают нам автоматизировать наши поведенческие реакции. Это так называемые неосознаваемые механизмы сознательных действий². Они разгружают нашу голову от рутинных операций.

Разгружают голову... Для чего?

Что заполняет освободившееся пространство? Идущие из еще более далеких глубин подсознания слабодифференцируемые импульсы, определяемые Фрейдом как либидо? Или надсознательные творческие идеи, открытия, высокие чувства?

А, может быть, это шанс «перекинуть мостик»?

Такого рода стереотипы формируются у нас с рождения и до последних дней жизни. Л.С. Выготский прекрасно показал это в своей культурно-исторической теории развития³.

Эти стереотипы-стены помогли человечеству пройти путь от пещерного существования к освоению космоса. Эти границы-стены позволили стаду наших вольно пасущихся доисторических предков стать сначала племенем, потом семьей, общиной, государством, нацией.

Цивилизационные процессы на определенном этапе всегда сопровождаются установлением определенных психологических границ-стен. Они жизненно необходимы и в живой природе – чтобы «чужак» не забредал. Из этих стереотипов-стен в сознании каждого человека строится «здание» его представления о мире, стране, народе, семье, о самом себе.

«Стены» помогают нам сохранять «картину мира». Они как багет для картины. Один багет может испортить впечатление о шедевре. Другой, наоборот, может из невзрачной картинки сделать произведение искусства. Важно, чтобы и обрамление – границы («стены»), и содержимое, находящееся в этих границах, гармонировали между собой.

...

Как-то ко мне на прием пришел молодой человек с жалобами на трудности в поддержании длительных отношений с девушками, конфликтные отношения на работе с руководством, желанием «воспитать волю».

Выяснилось, что этот молодой человек не имеет каких-либо устойчивых предпочтений, зависим от воли других людей, не может четко определиться в своих желаниях и жизненных целях.

При проведении диагностики с использованием методов символдрамы показательным было то, что в сюжете «Поляна» он не мог определить ее границ. В его представлении поляна была бескрайней, ее границы не определялись. И это его сильно тревожило.

С этим сюжетом мы работали не один сеанс. И удовлетворивший его результат был получен только тогда, когда он «обнес свою поляну стеной». И уже одно это привело, по его словам, к некой «упорядоченности в голове».

Личность человека для нормального его функционирования должна иметь четкие границы себя.

Парадокс заключается в том, что мы не можем четко осознать границы своей личности.

Кто мне может сказать, где начинаются и где заканчиваются границы его чувства юмора? А насколько широко распростерла свои крылья совесть? А какую площадь в квадратных километрах занимает нравственность? А сколько весит в граммах моя воля?

Система мер и весов не применима к этим субъективным понятиям. Но многие люди способны с ювелирной точностью определить границы своей личности. По совершенно четким субъективным ощущениям, которые не поддаются словесному описанию.

Наверное, по отношению к таким людям можно использовать понятие Олпорта «зрелая личность»⁴.

Напомню черты зрелой личности по Гордону Олпорту:

1. Зрелый человек имеет широкие границы Я.
2. Зрелый человек способен к теплым, сердечным социальным отношениям.
3. Зрелый человек демонстрирует эмоциональную неозабоченность и самоприятие.
4. Зрелый человек демонстрирует реалистичное восприятие, опыт и притязания.
5. Зрелый человек демонстрирует способность к самопознанию и чувство юмора.
6. Зрелый человек обладает цельной жизненной философией.

Во всех этих шести позициях речь идет о «стенах» и «мостах» в нашей психике.

Теперь о мостах.

Вы когда-нибудь видели мост, стоящий посреди поля? Просто так. Ничего не соединяя?

Признаюсь, у меня был такой опыт. У себя за городом я попытался водрузить на переходной дорожке специально купленный мостик, который ничего не соединял. Но после одного выразительного взгляда жены понял, насколько никчемен этот мой экзерсис символизма.

Мосты нам нужны для того, чтобы соединять то, что имеет границы. Будь это берега или то, что до какого-то момента может существовать независимо друг от друга. То есть без «стен» нет «мостов». А без «мостов» функциональность ограниченного «стеной» пространства резко снижается. Эти сущности взаимозависимы друг от друга.

Примеры ущербности функционирования одной сущности без другой можно найти на всех уровнях, начиная от организма заканчивая большими сообществами, народами.

Специалистам известны операции на головном мозге по рассечению мозолистого тела – «моста», соединяющего полушария мозга. Такие пациенты в повседневной жизни не производят впечатления ущербных в силу включения дополнительных адаптационных механизмов. Однако лауреат Нобелевской премии Р. Сперри показал, что функция полушарий (особенно левого) в отсутствии связи с правым неполноценна⁵.

Ярким примером нарушения «стено-мостового» взаимодействия на уровне личности является загадочный аутизм.

Примером того, к чему приводит искусственное «сожжение мостов», соединяющих человеческие сообщества, является трагедия в секте «Народный храм», происшедшая в 1978 году в Гайане, когда погибло более 900 сектантов, в том числе более 200 детей⁶.

Или двухвековая самоизоляция Японии, приведшая страну к серьезному отставанию в развитии.

Разрушение «стен» тоже может иметь пагубные последствия. Особенно когда происходит оно безоглядно. А тем более, если эти стены играют роль неких скрепов в индивидуальном и общественном сознании.

Позвольте мне на этих примерах остановиться и постараться ответить на первый исконно русский вопрос: «Кто виноват?» – т. е. перейти к обсуждению механизмов формирования «стен» и «мостов» в нашей психике, а также причин разрушения жизненно важных «стен» и наведения лишних «мостов».

Для того чтобы говорить о психологических механизмах, требуется дать определение «стенам» и «мостам» нашей психики.

Под психологическими «стенами» я понимаю систему социокультурных установок человека, предназначенных для наиболее эффективной адаптации в обществе. В эту систему социокультурных установок входит все, что представлено на верхних пяти уровнях пирамиды потребностей Маслоу⁷.

Как всякий личностный социокультурный феномен, наши психологические «стены» своими корнями уходят в глубинные неосознаваемые слои психики. И в то же время отражают все влияния социума на человека в процессе его онтогенетического развития.

Эта система имеет достаточно устойчивый характер. Более того, нарушение этой устойчивости чревато для человека личностными расстройствами. Скорее всего, она имеет иерархическое строение, но этот вопрос еще требует изучения.

Под психологическими «мостами» я понимаю процесс трансформации элементов системы социокультурных установок человека.

Как видно из этих определений, наши психологические «стены» и «мосты» имеют разную не только функцию, но и природу. Аналогом подобного сочетания с точки зрения их несоизмеримости является пространство и время. Продолжая использовать модели пространства и времени, следует заметить, что психологические «стены» способны выделять нужные им части и в пространстве, и во времени.

Вспомним, как мы говорим себе: «Это не моя территория», «Это не моя зона ответственности». Или: «Мое время вышло», «Я сегодня буду “хорошим мальчиком”».

Психологические «мосты» в пространственно-временном континууме играют подчиненную «стенам» роль. Они создают пространственные или временные (в зависимости от того, пространственными или временными являются сами «стены») связи между отгороженными участками. Эти связи обычно приводят к трансформации установок и пересмотру границ дозволяемого ранее. Старая «стена» рушится, новая появляется. Механизм формирования «стен» и «мостов» связан с мотивацией.

Переходим ко второму исконно русскому вопросу – «Что делать?». С этим вопросом, как всегда, сложнее. Однако и здесь не все так безнадежно.

Основным признаком сегодняшнего бытия нашей цивилизации является изменчивость. Пользуясь метафорой «стен» и «мостов», этот процесс можно описать как неустойчивость «стен» и низкая функциональность «мостов».

Разрушение «стен» в истории личности и цивилизаций – процесс крайне болезненный, но неостанавливаемый и необходимый. Без этого просто нет развития. Нельзя, конечно, все время жить стереотипами вчерашнего дня – вот мы их и ломаем, чтобы заменить на новые, сегодняшние. Запускается процесс с разрушения «стен» «в головах».

Роль личности в истории никто не отменял. Поэтому этот процесс уже имеет цивилизационный характер. Что, в свою очередь, в качестве обратной связи приводит к разрушению психологических «стен» в широких народных массах. То есть наблюдается некий круговорот: от частного – к общему и от общего – к частному. Причем этот круговорот имеет отчетливую спиралевидную форму. Ломка «стен» и прокладывание «мостов», особенно в рамках цивилизационных процессов – удел гениев, безумцев, «хотящих странного».

Не всем и не всегда удается адаптироваться к новому. Да и болевой порог у всех разный. И с этим можно и нужно работать. Работать с субъектом, с личностью, с человеком. Примеры такой работы есть. Их много. Остановлюсь только на одном. В нем, на мой взгляд, наиболее ярко можно отразить метафору «стен» и «мостов» в их пространственно-временном континууме.

Этот пример связан с психотерапевтической методикой Ирины Алексеевны Чегловой, которая называется «Театр Архетипов»⁸. Суть этой методики состоит в оценке модели поведения человека и, при необходимости, ее коррекции. Работа с методикой осуществляется по архетипам Принца, Воина, Короля, Мага и Шута в их мужской и женской ипостасях.

В контексте обсуждаемой нами темы важно, что психологическими «стенами» для клиентов являются их поведенческие стереотипы. У клиентов они часто бывают неадекватны (речь идет о невротической неадекватности, а не о психотической), а «разрушить стену» самому бывает трудно и небезопасно. Кроме того, такого рода неадекватность поведения связана с нарушением структуры личности за счет недостаточности внутриличностных связей. Такой человек не может «навести мосты» между своими ролевыми моделями.

В ходе работы, с помощью тщательно психотерапевтически выверенных процедур, клиенту удается не только освоить новые пространства ролей – построить новые «стены», но и сформировать внутриличностные связи между ними – «навести мосты».

Интересно, что проводится методика при активном использовании энергий пространственно-временного континуума.

Ну, и последний вопрос «вселенского» масштаба: «Чем это “грозит” человечеству?».

Да ничем!

Человечество развивается по восходящей спирали. Это касается не только научно-технического, но и социально-культурного прогресса. С каждым витком этой спирали человечество становится гуманнее.

Формирование психологических «стен» и «мостов» имеет и наследственную, и социальную природу. Поэтому, пока существует род людской, существуют и они. Важно только правильно воспитать человека, да помогать ему по жизни, в том числе и психологически. Тогда и «мосты» будут радовать, и «стены» будут помогать.

¹ Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. М., 2002. 334 с.

² Маклаков А.Г. Общая психология: Учеб. пособие для вузов. СПб., 2016. 583 с.

³ Выготский Л.С. Развитие личности и развитие ребенка // Психология личности. Тексты: Хрестоматия под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1982. С. 93–97.

⁴ Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002. 930 с.

⁵ Sperry R. Some effects of disconnecting the cerebral hemispheres // Biosci. Repts. 1982. Vol. 2. № 5. P. 265–276.

⁶ Джонстаун (Гайана) // Википедия. [Электронный ресурс] URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%83%D0%BD_\(%D0%93%D0%B0%D0%B9%D0%B0%D0%BD%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B6%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%83%D0%BD_(%D0%93%D0%B0%D0%B9%D0%B0%D0%BD%D0%B0)) (дата обращения: 12.04.2017).

⁷ Maslow A.H. Motivation and Personality. N.Y., 1954. 441 p.

⁸ Чезлова И.А. Театр архетипов в психотерапии, тренингах и системном консультировании (учебное пособие). М., 2011.

СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ. О РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ¹

Александр Борисович Лярский

Высшая школа печати
и медиатехнологий СПбГУПТД,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье рассматриваются дневники наружного наблюдения полиции как исторический источник по истории городской антропологии и истории социальных сетей петербуржца начала XX века. Дневники наружного наблюдения могут быть представлены как проекция возрастных, профессиональных и общественных интересов человека на карту конкретного города. Кроме того, дневники наружного наблюдения могут помочь реконструкции тех социальных сетей, с которыми мог быть связан горожанин начала XX века. Выборка сформирована на основании методики контрастных случаев. В социальных сетях начала XX века существенными остаются гендерная и возрастная дифференциация. При этом в тех слоях, которые представляются нам маргинальными, происходит размывание привычных границ – артистки и революционерки чаще общаются с мужчинами, чем с женщинами, что нетипично для социальных сетей начала XX века. Таким образом, современность формируется сначала в повседневности малых групп.*

***Ключевые слова:** социальные сети, урбанистика, тайная полиция, Петербург начала XX века, революционное движение, Кнунянц.*

Концепция социальных сетей – чрезвычайно распространенный в настоящее время метод анализа социальных структур. Используется этот концепт по-разному, говорить о его едином теоретическом оформлении нельзя, речь идет скорее об особом взгляде на социальную реальность. С помощью понятия «социальная сеть» акцентируется горизонтальный характер социальных связей и устанавливается его приоритет перед вертикальными описаниями сообщества. Также в концепте «социальная

сеть» заложена чрезвычайно плодотворная стратегия микроанализа человеческого поведения, построенная на частоте и силе социальных контактов между акторами. При этом под акторами в социальной сети могут пониматься не только люди, но и предметы, социальные организации и группы, точки физического пространства и т. д. Так исследователю становятся видны те или иные подробности частной жизни, особенности повседневности, часто не отрефлексированные и самим человеком.

Это чрезвычайно полезная стратегия, однако то, что под силу социологу ввиду одновременного существования с объектом исследования, историку не под силу. Возможно, в некоторых случаях социальная сеть может быть реконструирована на основе мемуаров и переписки, однако реконструкция часто выходит фрагментарной и умозрительной. По выражению М. Хильдермейера, «Тонкие структуры и процессы образования сетей познаваемы, естественно, лишь в той мере, в какой они получили формализованное выражение, или каким-то образом прослеживаемы по документальным источникам. Простые разговоры за чаем... в лучшем случае упоминаются в мемуарах, но не годятся для предметных исследований»². В какой-то мере проблему можно разрешить с помощью известного, но недостаточно разработанного источника – дневников наружного наблюдения департамента полиции.

История службы наружного наблюдения в департаменте полиции известна и хорошо исследована³. Наружное наблюдение постоянно применялось в полиции дореволюционной России, но его формализация, более профессиональная постановка дела, выработка правил и должностных инструкций – все это приходится на конец 19 – начало 20 века. Однако в данном случае интерес представляет не сама по себе служба наружного наблюдения, и не итоги ее работы, связанные с разоблачением тех или иных революционных ячеек, а документы, которые были, так сказать, промежуточным результатом работы – дневники наружного наблюдения.

Что они из себя представляли? В 1902, 1905 и 1907 годах разрабатывались должностные инструкции, регламентировавшие и детализировавшие деятельность филеров. Согласно наиболее подробно разработанным документам 1907 года, «все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом записываются филерами в вечерние рапортчики. В дальнейшем сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же

организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенный период времени...»⁴. О том, какие именно данные фиксировались в процессе слежки, можно узнать из подробной «Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения»:

«§ 10. Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей / знакомства / и сношений. Вследствие этого недостаточно вводить одно данное лицо, а надо выяснить лиц, с которыми оно видится, и чьи квартиры посещает, а также и связи последних...

§ 37. Все места, куда заходил наблюдаемый, нужно твердо запоминать и, при первом удобном случае, – записывать: – время пребывания, прихода и выхода, улицу, № дома, парадное; если на последнем есть карточка, то запомнить ее и записать...

§ 40. В сведениях должно указывать на те места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники и т. под.), если это уже ранее выяснено...

§ 42. При посещении наблюдаемым какого-либо дома, желательно установить квартиру, в которую он зашел, что сразу удается сравнительно редко, почему, на первых порах филер ограничивается тем, что узнает, какие №№ квартир в том парадном, куда зашел наблюдаемый, и кто там живет (по дверным карточкам) ...

§ 51. При встрече наблюдаемого с другими лицами, нужно запоминать их приметы (лицо, костюм), обращать внимание на характер встречи (условный, случайный, сердечный, товарищеский, формальный и пр.), продолжительность разговора, передачу чего-либо и проч., и все это потом записать, а также записать в какой час встретились, в каком месте, сколько времени говорили»⁵.

В результате такого подробного наблюдения составлялись соответствующие рапортчики и дневники наружного наблюдения, которые представляют из себя тексты следующего рода: Невский «вышел из дома 11 ч. 30 м. дня и на углу Пушкинской ул. и Невского прос. купил газету и пошел на Знаменскую площадь к памятнику Александра III-го где сидел 10 м. и читал газету, встал пошел на Невский пр. дом № 81 в подъезд где меблированные комнаты “Белград” где пробыл 20 м. Вышел и пошел на Знаменскую ул. дом 6 в магазин ювелир “Марков” скоро вышел и пошел Лиговская ул. дом № 19 в подъезд где контора и редакция журнала Геркулес пробыл 10 м. Вышел и на Жуковской ул. сел в извозчика и поехал на Владимирский проспект дом № 16 во

двор где столовая Глория и управление 1-го Московского участка где побыл 15 м. Вышел и пошел Пушкинская ул. д. № 4 московский мучной лабаз где пробыл 5 м. Вышел и имел присибе (так в тексте. – А. Л.) небольшой сверток и пошел Пушкинская ул. дом 10 в магазин чая и фрукты скоро вышел и вернулся домой»⁶

Подобных дневников наружного наблюдения сохранилось около 20 тысяч только по Москве и Петербургу, причем достоверность этих дневников считается исключительно высокой⁷.

В основном эти дневники использовались историками для биографических изысканий, как например, процитированный выше дневник слежки за Александром Грином (Невским), или дневник наружного наблюдения за В.В. Маяковским⁸. Однако целостного анализа этих дневников как массового источника по истории городской повседневности конец XIX – начало XX века не проводилось, что неудивительно при их большом количестве, особенностях регистрации в архиве и специфическом характере полученной информации.

Информации действительно много, но она и избыточна, и однообразна. Кажется, что без контекста в ней совсем нет смысла. Понять по дневнику наружного наблюдения, что перед нами писатель Александр Грин или поэт Маяковский, практически невозможно. Внутренний мир человека остается за пределами взгляда наблюдателя. Причины и поводы к этим передвижениям также остаются за рамками дневника. Перед исследователем просто перемещение объекта в городском пространстве. Такие элементы повседневности, как домашний быт, отношения между людьми, интимная сфера, сфера чувств, да и просто взаимодействия внутри жилых помещений – все это также, разумеется, недоступно внешнему наблюдению.

Но если посмотреть на источник под иным углом зрения, то у него обнаружатся несомненные достоинства, обусловленные именно его неиндивидуальностью и обезличенностью. Объект перемещается между значимыми для него точками городского пространства. Перед нами внешний, «материальный» каркас жизни горожанина и одновременно карта его социального мира. Многие регулярно повторяемые действия доступны через этот источник для систематизации и последующей интерпретации. Речь идет о повседневных практиках, которые не часто отмечаются самим деятелем – люди редко описывают в воспоминаниях и дневниках, какие магазины они посещали, считая это

самоочевидным и недостойным внимания. Но именно повседневные практики в значительной мере составляют тот пласт частной жизни, который наиболее трудно поддается восстановлению, а без него полная картина обычной жизни плохо поддается реконструкции. Кроме того, понятно, что дневники наружного наблюдения фиксируют не только повседневные практики перемещения в городском пространстве – они фиксируют основные точки на карте социального пространства – это время, люди и места встреч. Таким образом, перед нами источник, который может быть применен к разнообразным исследованиям. С одной стороны, с его помощью могут изучаться проблемы исторической городской антропологии – например, дневники наружного наблюдения могут быть представлены как проекция возрастных, профессиональных и общественных интересов человека на карту конкретного города. Кроме того, дневники наружного наблюдения могут помочь реконструкции тех социальных сетей, с которыми мог быть связан горожанин начала 20 века. Описанию различных аспектов возможного применения дневников наружного наблюдения как источника информации о городском населении и городских социальных сетях начала XX века и будет посвящена статья.

Обработать в одиночку 20 тысяч дневников невозможно, поэтому я провел исследование, максимально отражающее возможное многообразие ситуаций на ограниченном поле, воспользовавшись методикой крайних случаев. Прежде всего, я решил ограничиться только петербургскими дневниками – их, в силу известных причин, сохранилось гораздо меньше, чем московских – около 4 тысяч, но дело не только в этом. Дело в систематизации – если опись московских дневников представляет собой сплошной список фамилий, то петербургский каталог систематизирован также и по кличкам, которые позволяют провести определенную выборку. Согласно инструкции, «кликчу нужно давать краткую... Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо»⁹. З.И. Перегудова отмечала, что одна из встреченных ею старых революционерок вполне оправдывала данную филерами кличку¹⁰. Не менее достоверными и точными кажутся иные клички известных людей, если сравнивать их с имеющимися изображениями: так у Бердяева была кличка «Лохматый», у Милюкова – «Грязный», а у Распутина – «Темный».

Таким образом, на клички можно ориентироваться, поскольку они отражают некоторые соответствующие наблюдаемой филером реальности явления. И, ориентируясь на клички, можно выбирать дневники наблюдений за жителями Петербурга, следуя интересующим исследователя критериям. Меня интересовали возрастные, социальные и профессиональные критерии. Для описания возрастных переменных использовались, прежде всего, дневники наблюдения за людьми с такими кличками, как «Ученик», «Гимназист», «Школьник», «Студент». Для описания социальных переменных использовались либо дневники людей с указанием на профессию («Аптекарь», «Рабочий»; также иногда профессия уточнялась в самой описи), либо с указанием на благосостояние («Бобровый», «Котиковый» – по названию воротников на шубах и пальто). Для сравнения в выборку взяты и молодые представители рабочего класса. Разумеется, привлекались и дневники наблюдения за людьми, о которых многое известно и которые вели вполне буржуазный, легальный образ жизни – прежде всего, это члены кадетской партии (П.Н. Милюков, Е.И. Кедрин). Еще один критерий выборки связан с тем, что необходимо разграничить революционера от не революционера. Ответить на многие вопросы нельзя иначе, как сравнив дневники наблюдения за признанными и разоблаченными революционерами с дневниками тех, кто или вел легальный образ жизни, либо с теми, кто попал под наблюдение случайно. Действительно, под наблюдение, в соответствии с инструкцией, часто попадали люди, только заподозренные в оппозиционных настроениях или замеченные в любых, хотя бы и случайных связях с революционерами – например, те, кто ехал с наблюдаемым в одном поезде, или те, кто встретился с наблюдаемым по работе – за всеми ними также должна была вестись слежка. Кроме того, под наблюдение время от времени попадали те, кто уже давно отошел от оппозиции, но имел какие-то связи с революционным движением в прошлом. Так что довольно часто следили за обычными горожанами, хотя, безусловно, внимания филеров чаще всего удостоивались те, кто в той или иной степени был причастен к революционному движению. Поэтому в выборку попало несколько нелегальных революционеров: прежде всего это Зинаида Коноплянникова (будущая убийца генерала Минца)¹¹ и Фаранзема Кнунянц (младшая сестра одного из активных кавказских революционеров, Богдана Кнунянца, она была арестована по подозрению в участии в группе

«Вооруженное восстание»)¹². Всего было исследовано 30 дневников за 1905 – 1916 годы, что, в силу описанных критериев отбора, представляет собой серьезную основу для качественного анализа.

Очевидно, что в случае с использованием этого источника многие параметры, важные для концепции социальных сетей, не могут быть учтены, а следовательно, и выражены математически. В силу особенностей этих материалов мы часто имеем дело с фрагментами сетей, развернутыми в небольшой временной протяженности. Мы часто не можем понять, как охарактеризовать ту или иную социальную связь – в качестве сильной или слабой, какова плотность социальных контактов. Качественная характеристика описанных в дневниках наружного наблюдения социальных связей не может быть реконструирована достаточно точно, а количественная – достаточно полно. Большинство реконструируемых по дневникам наружного наблюдения сетей относятся к так называемым «эгосетям», и их графическое изображение имеет характер «звезды», где от одного центра расходится множество лучей, олицетворяющих социальные связи, причем концы этих лучей не связаны между собой. Это значит, что многие характеристики, выраженные количественно, будут идентичными для самых разных людей с чрезвычайно непохожей ситуацией. Кроме того, «для эгоцентричной сети всегда существовала проблема границы»¹³. Поэтому в основу анализа должен быть положен, прежде всего, анализ так называемых атрибутов – доступных для наблюдения социальных характеристик акторов, таких как возраст, социальное положение, национальные и гендерные характеристики.

Однако не только социологические построения могут позволить нам глубже понимать исторические процессы, но и наоборот – исторические подходы могут помочь значительно углубить понимание социальных сетей. Например, время описывается часто как искажающий фактор – люди часто не помнят, с кем и для чего они встречались¹⁴. Однако историческое исследование демонстрирует, что темпоральные структуры – важнейший актор в социальной сети. Кроме того, не стоит забывать, что в нашем случае в сети социальных контактов наблюдаемого присутствует филер – представитель силовых структур, актуализирующих и учитывающих как раз темпоральную связь. В этом случае у социальной сети появляется новое – временное измерение. В этом измерении социальная сеть видится не системой постоянно действующих социальных взаимосвязей, а скорее неким мерцающим

сообществом – связи то актуализируются, то затухают, но никогда не исчезают бесследно.

Это верно для полиции – давно не участвующего в революционной деятельности архитектора берут под наблюдение «для выяснения личности ожидающегося из-за границы анархиста Васьки»¹⁵. Это верно для революционеров – одна из самых понятных нам сетей – это сеть контактов террористки Коноплянниковой: ее прячут и передают из рук в руки люди с оппозиционным прошлым, живущие на момент наблюдения вполне легальной жизнью: писатель, а в прошлом народоволец В.Я. Васильев-Богучарский, писательница, внучка П. Лаврова О.Э. Розенфельд, будущий член ЦК кадетской партии Тыркова А.В., причем координировал эти передвижения писатель, толстовец и эсер А.М. Хирьяков. Эти связи могут переходить через эпохи и актуализироваться уже в советское время, оказываясь роковыми. Так, в 1915 году под наблюдение полиции попал печатник Николай Сергеевич Колмаков¹⁶. Он оказался вовлечен в процесс организации типографии в Чубаровом переулке, той самой, в которой меньшевиком, а впоследствии межрайонцем Л.М. Караханом должны были печататься нелегальные социал-демократические издания. Но Николай Колмаков вряд ли был в курсе партийных дел – он закупал машины, отвечал за ремонт помещения, нанимал работников. По крайней мере, после ареста Л.М. Карахана печатника Колмакова не тронули. Можно предположить, что именно с этим человеком временная включенность в социальную сеть сыграла злую шутку и в будущем актуализированная связь погубила его. В 1937 году как шпион был расстрелян Л. Карахан. Что стало с Николаем Колмаковым, точно неизвестно, но мы знаем, что взятый полицией на заметку Колмаков был печатник и «мещанин города Томска». Как указано в списке жертв политического террора на сайте общества «Мемориал», в 1937 году по обвинению в меньшевизме был расстрелян житель города Томска, работник типографии «Красная Заря» Николай Сергеевич Колмаков¹⁷. И если перед нами один и тот же человек, то это может служить прекрасной иллюстрацией сложной и, к сожалению, исчезающей темпоральной характеристики социальной сети.

Определенные наблюдения можно сделать также и в плане исследования социального городского пространства. Если среди социологов еще иногда дискутируются вопросы о том, включать в социальные сети учреждения или фиксировать только людей,

то для полиции начала XX века такой вопрос не существовал – фиксировались все контакты объекта. Типичная схема передвижения современного нам горожанина – дом – работа – дом прослеживается неоднократно. Взятый под наблюдение чертежник новостроящегося завода «Железо-цемент» Кондрашкин Д.Я. (24 года) за неделю слежки посетил только две точки – дом, в котором он проживал, и завод, в постройке которого он участвовал. Типичный день слежки за ним выглядел примерно так: филеры всегда приходили позже, чем он уходил – около 10 они начинали следить за домом, около половины первого объект приходил обедать, уходил на работу и возвращался примерно в половине седьмого; после из дому не выходил. И так продолжалось всю неделю слежки¹⁸. С этой точки зрения совершенно не отличается от чертежника Кондрашкина лидер кадетской партии П.Н. Милюков – например, в 1913 году за ним следили две недели в октябре и неделю в ноябре. Из всех зафиксированных полицией контактов определенно человеком является только один персонаж – его полицейский надзиратель называет любовницей Милюкова. Все остальное – это учреждения, причем пальму первенства держит политическая жизнь – девять раз посещена Дума, два раза – редакция газеты «Речь»¹⁹. То же касается и горного инженера Ивана Алексеевича Корзухина, который перемещался между домом, горным департаментом и редакцией «Вестника финансов» все десять дней наблюдения за ним²⁰.

Вряд ли такое распределение перемещений по городскому пространству может нас удивить – чем более социализирован человек, чем больше он вписан в структуру институтов и организаций, тем более эти перемещения однообразны и утилитарны. Все необходимые такому горожанину встречи происходят внутри организаций и институтов – т. е. его социальные контакты сосредотачиваются внутри группы лиц с такими же социальными характеристиками, так же, как и он, существующих в «институционализованном» городском пространстве.

По-иному складывается карта социальных и пространственных перемещений либо у людей отдельных профессий, либо у иных возрастных категорий, либо у нелегальных оппозиционеров.

Самая обширная территория перемещений по городу из всех тридцати случаев – у архитектора Константиновича²¹. За ним следили три месяца в 1914 году. Поскольку в Петербурге он жил давно, то уже сложилась сеть личных контактов в месте прожива-

ния, также сложилась обусловленная профессией сеть заказчиков и поставщиков. В итоге у этого успешного архитектора самые протяженные траектории перемещений – от Царского Села (где он руководил строительством церкви) до Удельного парка. Константинович живет на Большом проспекте Васильевского острова, там же находятся знакомые ему продовольственные магазины, парикмахерские и ломбарды, там живут его друзья, но заказчики могут жить и в районе Летнего сада и Фонтанки, а исполнители – и на самых дальних окраинах. Таким образом, можно выявить устойчивый центр его городского существования, связанный с личными потребностями и лично важными связями, а также и периферию архитектора – сферу профессиональных контактов, рассыпанных по самым разным районам (причем заказчики проживают в более фешенебельных районах, чем он сам, а исполнители – в более пролетарских, если судить по данным о ценах на жилье в Петербурге начала XX века). Если взять для сравнения дневники наблюдения за революционерами, то можно обнаружить определенные отличия. У последних такого центра нет, хотя по количеству и интенсивности контактов революционеры-подпольщики архитектору не уступят. Но контакты избранных нами революционерок – Кнунянц и Коноплянниковой – рассредоточены и как бы вытянуты вдоль границ центральной части города. Размещение этих людей точно коррелирует с ценой на жилье – в основном они живут в районах так называемой средней ценовой категории. Возможно, отсутствие «личного центра» объясняется тем, что обе они приезжие и жили в городе недолго.

Причем особенно заметно, что в отличие от хорошо социализированных профессионалов, приезжие революционерки опираются не на учреждения, а на людей, что в каком-то смысле вполне согласуется с понятием нелегальной работы. Это прочная опора на сеть личных связей, причем не обязательно партийных – у Кнунянц были довольно обширные связи в армянской диаспоре города Санкт-Петербурга (пятеро из тринадцати зафиксированных контактов носят армянские фамилии и арестована вместе с Кнунянц из них была только одна знакомая и то случайно).

Социальная дифференциация также может быть прослежена по дневникам наружного наблюдения, поскольку соответствие объекта своему слою было очевидно для филера; к примеру, в дневнике наблюдения за архитектором Константиновичем есть любопытный эпизод: «объект» встретился с неизвестным.

В полном соответствии с инструкцией один из филеров проследил за этим неизвестным. Им оказался художник по фамилии Ткаченко. Этот художник зашел в один из домов по Сергиевской улице, а в какую квартиру – выяснить не удалось. И когда полицейскому надзирателю последовал соответствующий запрос (а согласно инструкции, именно полицейский надзиратель должен был предоставить филеру сведения о квартирах, в которые мог зайти объект), надзиратель сначала не понял, что от него хотят, и решил, что нужно найти в поднадзорном ему доме человека, соответствующего приметам. По мнению надзирателя, в его доме этим приметам мог соответствовать некий Уден Адольф Георг, массажист 54 лет, лютеранин и шведский подданный – его приглашают для массажа в различные дома. Но потом, когда надзирателю разъяснили, что нужен не человек, соответствующий приметам художника, а тот, к кому художник мог пойти, то полицейский надзиратель доложил: художник мог пойти только к присяжному поверенному Вячеславу Новицкому. Таким образом, с точки зрения полиции, художник мог быть похож на массажиста, но приходить к массажисту в гости или по делу он не мог²². Интеллигент общается с интеллигентом – это кажется филеру очевидным, поэтому можно встретить такую фразу: к кому прошла «интеллигентная барышня, определить невозможно, поскольку дом населен в основном интеллигентной публикой»²³. Интересно, что речь идет на самом деле не только о представлениях филера. Анализ дневников наблюдения показывает, что общение действительно, по большей части, ограничено своей социальной средой: рабочие крайне редко встречаются с интеллигенцией, и наоборот, и это происходит только в тех случаях, когда речь идет о дневниках наблюдения за теми, кто явно был замешан в революционной деятельности.

Реальный горожанин начала XX века живет в маленьких и замкнутых мирах, очень похожих на наши; эти маленькие миры особенно заметны при знакомстве с дневниками наружного наблюдения. Филер в своем отчете убирает важную составляющую городской жизни – населенность улиц, огромное количество визуальных и аудиоконтактов. Отчет полиции как бы выключает постоянный социальный шум, который окружает горожанина; объект и его филер плывут в пустоте и тишине и именно это обстоятельство позволяет проявиться маленьким социальным мирам настоящего городского существования.

Прежде всего бросается в глаза возрастное расслоение городской среды. Так, взятый под наблюдение учащийся Королев за два с половиной месяца встретился более 20 раз со своими ровесниками и всего 3–4 раза с людьми старше себя или с людьми, чей возраст не определен²⁴. Конечно, он, возможно, встречался с родителями или квартирантами своих однокашников, когда приходил к ним в гости, но целью визитов (по крайней мере, по мнению филеров), были встречи с ровесниками. Этому могла способствовать сама возрастная структура петербургского населения: согласно данным переписей, население в возрасте до 20 лет составляло около 38 % населения столицы в 1910 году²⁵. Поэтому для молодого человека люди его возраста могли быть вообще постоянной средой обитания. Так, в 1913 году под наблюдение попадает 19-летний учащийся политехнических курсов Тимон Кашлик. Он проживал в квартире на Воронежской улице, и вместе с ним там жили еще 14 человек, средний возраст которых был 23,5 года, причем девять из пятнадцати были возраста от 19 до 2 лет²⁶. Однако перед нами не просто город с молодым приезжим населением. Наблюдение за представителями более старшего возрастного слоя показывает, что речь идет все-таки о проявлении определенной социально-возрастной дифференциации. За архитектором Константиновичем наблюдали в 1914 году с января по начало марта. Прослежено было 17 контактов. Средний возраст – 39,5 лет, при том, что младшему из тех, с кем встречался архитектор, было 34, самому старшему – 67, а самому объекту наблюдения было 40 лет²⁷.

Так и двадцатидвухлетняя Любовь Викторовна Колосовская, домашняя учительница, за которой следили несколько недель в 1906 и 1907 гг., встречалась с людьми 23–24 лет²⁸, а видный кадет Е.И. Кедрин, которому в 1907 г. было 56 лет, встречался по партийной работе со многими людьми («5 марта ...на Потемкинскую д. 7, там был 2. 20. Вышел с целой партией интеллигентов и полунинтеллигентов человек 15...»²⁹), однако его специальные, не партийные встречи ограничивались кругом людей, из которых самой младшей была его любовница 41 года.

Старшие занимают более авторитетные и властные позиции, что заставляет обращаться к ним с теми или иными просьбами. Упомянутый выше 19-летний студент Тимон Кашлик, проживающий в квартире с молодыми чернорабочими, специально встречается только с одной из своих ровесниц – с прислугой 19 лет, с которой он, по утверждению полицейского надзирателя, время

от времени «вместе гулял». Остальные его зафиксированные встречи – это встречи с людьми значительно старше его, причем в основном речь идет о сотрудниках учреждений и редакторах газет. Так, он встретился с Шимановским – редактором «Сельского вестника», 35 лет, с Константином Хряпиным 44 лет, сотрудником «Петербургской газеты», взяли его под наблюдение, когда он выходил из редакции меньшевистской газеты «Луч». Кроме того, в подавляющем большинстве случаев квартировладельцы значительно старше своих квартирнанимателей. Примеров можно приводить много: так, в трехкомнатной квартире при семье 43-летнего квартировладельца живут 29-летний и 23-летний съемщики³⁰, или квартирная хозяйка 49 лет сдает комнаты 4 нанимателям, самому старшему из которых 29, двоим – 23 года, а младшая – крестьянка 20 лет³¹. Это не всегда обязательно так – есть случаи, когда квартиру содержит 29-летняя мещанка, а из 13 ее жильцов пятеро были значительно старше ее – от 39 до 53 лет³², однако основное правило таково – старшее поколение занимает более привилегированное положение в городской среде и младшее вынуждено к этому приспособливаться.

Представители разных возрастных групп в начале XX века могут демонстрировать разные практики брачной жизни. Упомянутый выше Е. Кедрин (56 лет) состоял в связи, которую мы назвали бы гражданским и дислокальным браком, но в то время речь шла об отношениях, которые было принято скрывать – жили влюбленные в разных квартирах, хотя и недалеко друг от друга³³. И среди тех, кто помладше, неоформленные церковным браком отношения были распространены; единственное отличие заключалось в том, что в начале 20 века представители младшего поколения могли уже не стесняться совместного проживания. О частоте таких связей судить достаточно сложно, но когда, допустим, в 1908 году в очередной раз надо было предположить, в какую из квартир мог отправиться «объект», на выбор было предложено полицейским надзирателем два варианта – в обеих квартирах проживала молодежь и в каждой была пара, живущая в гражданском браке: в квартире № 16 – 29-летний мещанин и 23-летняя «жена статского советника», а в квартире № 22 – 20-летний студент Горного института и 23-летняя «мещанка г. Шлиссельбурга»³⁴.

Возрастной сопутствует ожидаемая дифференциация по занятиям: круг встреч архитектора связан с его работой – в момент наблюдения он строил храм в Царском Селе, в казармах 4-го

полка. Он встречается с заказчиками – представителями Синода, с художниками, с производителями цемента, с «содержателем столярно-позолоточной мастерской». Круг встреч гимназиста Королева – учащиеся средних учебных заведений. Взятый под наблюдение рабочий встречается с рабочими³⁵.

Еще одна очевидная дифференциация – гендерная. Занятия и возраст разводят представителей одной семьи на улицах города в разные сектора повседневности – те, у кого есть дети и жены, практически незаметны на улицах с семьей. Семейный П.Н. Милюков только один раз вышел на улицу с сыном-студентом за два месяца наблюдений³⁶. Упомянутый архитектор Константинович за три месяца наблюдений показался на улице с женой три раза, причем сына они взяли с собой только один раз³⁷. В этом отчасти проявляется гендерный аспект городской жизни – мужчины редко показывались с детьми. Единственный человек из всех, чьи дневники наблюдения мне удалось обработать, который постоянно появлялся с ребенком (3 дня за 10 дней наблюдения) – это женщина, и она брала ребенка с собой на скачки, в ресторан, на главпочтамт и к портнихе (возможно, это было связано с тем, что она только что вернулась из-за границы и еще не успела найти надежную прислугу, оставляя, если надо, ребенка с сожителем)³⁸.

Из просмотренных дневников основное количество проследживает мужские социальные траектории, и основной круг их контактов – мужчины (что согласуется, прежде всего, с занятиями объектов). В то же время из пяти просмотренных дневников наблюдения за женщинами можно сделать вывод, что хотя гендерное расслоение сохраняется и в женском случае, но устроено оно более сложно и интересно. Во-первых, посмотрим на дневники женщин (они все незамужние, у одной есть внебрачный ребенок, возраст – от 18 до 27 лет, две из них революционерки, две попали под наблюдение из-за контактов с подозреваемыми, одна – по подозрению, в дневнике не обозначенному). Гендерное распределение их социальных сетей таково:

1. На всякий случай взятая под наблюдение Л. Колосовская, домашняя учительница, целиком существует в гендерно-замкнутом пространстве. За ней следили по несколько недель в 1906 и 1907 году. За это время зафиксировано пять встреч – одна с семейной парой, одна с мужчиной и три с женщинами. Работала Колосовская учительницей – в 1906 году она давала уроки девочкам на дому, в 1907 году – работала в женском училище

Терезии Ольденбургской³⁹. Таким образом, ее пространство почти однородно с гендерной точки зрения.

2. В. Пирумова, взятая под наблюдение, поскольку жила в комнате с Ф. Кнунянц. За ними следили десять дней. За это время у В. Пирумовой зафиксировано 10 контактов, из них 7 – с женщинами. Это прежде всего ее соученицы (4 из 7). Скорее всего, В. Пирумова была в курсе революционной работы своей подруги (во всяком случае, полиция и ее арестовала), но была больше вовлечена в учебную жизнь. Остальные – молодые женщины, живущие своим трудом (зубной врач и акушерки).

3. Следующая – сама Ф. Кнунянц. Ее причастность к революционной деятельности несомненна⁴⁰. За указанные 10 дней зафиксировано 13 встреч, из них две – с парами, 4 – с мужчинами и 7 – с женщинами. Тут же стоит указать – по крайней мере 5 из этих 13 контактов происходили внутри армянской диаспоры, к которой принадлежала и сама Кнунянц.

4. Наиболее известная из наших персонажей – террористка, эсерка Зинаида Коноплянникова⁴¹. За ней следили почти 20 дней и за это время было зафиксировано 9 встреч, из них – 5 пар, но все встречи с одинокими людьми – встречи с женщинами.

5. И наконец, наиболее экзотическая из женских персонажей – Софья Коган, артистка, живущая с сожителем и внебрачным ребенком. За ней следили также 10 дней в 1914 году. За это время было зафиксировано 5 встреч, из них три с мужчинами и две с женщинами, причем одна из женщин – сестра, а вторая – портниха.

Таким образом, предварительные наблюдения показывают, что при общей гендерной ориентированности социальных сетей, изменения и мутации происходят в тех из них, которые были связаны с ситуациями для общества пограничными – у артистки и у революционерок: так, если мы посмотрим на общее количество контактов Ф. Кнунянц, то из двадцати пяти отмеченных личных встреч двенадцать приходится на встречу с одними и теми же мужчинами (Чеховским и Щукиным, по делу которых она и была арестована), а наиболее частыми сопровождающими Коноплянниковой было двое мужчин; это при том, что у наблюдаемых, которые вели более спокойную жизнь, таких прочных связей не наблюдалось. Размывание гендерных границ социальных сетей можно наблюдать не только в области «богемной» личной жизни, но и в рамках революционной деятельности. То же можно сказать и о мужчинах – есть дневник наблюдения за одним из руково-

дителей организации, по делу которой была арестована Ф. Кнунянц, – Чеховским⁴². Ему 23 года, и он единственный из всех мужчин, чьи дневники были исследованы, у которого и количество, и интенсивность контактов с женщинами приближается к половине всех зафиксированных контактов. Так что повседневность революционного движения уже до всякой революции подготавливала почву для изменения гендерных стереотипов хотя бы в самой революционной среде.

Предложенные исторические наблюдения позволяют внести уточнения в социологические представления о городе и устройстве социальных сетей. Самое важное, что благодаря этому анализу многие социальные явления городской жизни начала XX века переходят из разряда умозрительных в разряд эмпирически наблюдаемых явлений, т. е. наши рассуждения о тех или иных их особенностях приобретают более строгую основу.

С одной стороны, мы видим, что представление о столичном городском сообществе как о «плавильном котле» имеет смысл только с точки зрения размывания сословных границ. Но иные границы – возрастные, гендерные, профессиональные – сохраняют свою замкнутость и прочность, хотя и наличествует тенденция к их размыканию. Именно эти границы и определяют конфигурацию сообщества, в которое входит объект наблюдения полиции. Менее всего заметны на улицах города семейные и родственные связи, не потому, что их нет, а потому, что они как бы закапсулированы в пространствах домов. Городские улицы оказываются не местом преодоления социальных границ, а местом их утверждения. А учреждения, квартиры и дома – это места встреч: родителей и детей, мужчин и женщин, взрослых и юных. Там же, в капсулах квартир, происходят и социальные контакты – школьники и студенты живут бок о бок с чернорабочими и рабочими, поскольку родители вынуждены сдавать квартиры жильцам в поднаем⁴³.

Однако, как мы видели, в сферу произвольных, наблюдаемых на улицах, непринудительных контактов это смешение фактически не выносятся: родители выходят без детей, рабочие борются с режимом без школьников, а учреждения закрыты для тех, кто в них не состоит. Дело в том, что городское сообщество начала XX века уже позволяет своим участникам эти связи пространственно разнести, выделив для каждого куса социальных взаимодействий свой, часто пространственно локализуемый, сектор повседневности. И город – это не плавильный котел,

отменяющий социальные границы. Это место, где границы проходят по-иному: вне сословных структур сохраняются гендерные и возрастные, которые, в свою очередь, преодолеваются на специально отведенных местах – пространственно или социально структурированных. Квартира, где вместе обитают люди разного образа жизни, – такое место. Сообщество подпольщиков – такое место. В каком-то смысле город позволяет пространственно закрепить происходящие перемены, окончательно превратив их в факт повседневной жизни. Именно там, в пространственно разнесенных, изолированных секторах повседневности, и формируется то, что мы называем конфликтом отцов и детей или межпартийной борьбой, т.е. вызревает современность. Хотя мы и заменили личные встречи телефонными звонками и интернет-общением, но многие явления и дифференциации схожи с нашими и начали размываться только сейчас. Это указывает, в числе прочего, и на то, что никакие катастрофы двадцатого века были не в состоянии поколебать закрепленные в физическом городском пространстве социальные структуры и социальные связи.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта МАГ. Конкурс 2010–2011 г. Индивидуальный проект «Повседневность российского горожанина (конец XIX – начало XX в.) по материалам дневников наружного наблюдения охранных отделений».

² Хильдермейер М. Образованный слой и жандармское общество: развитие в России до 1917 года в сравнительном отношении // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 56–68.

³ См.: Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. 432 с.; Перегудова З.И. Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995. С. 255–274; Фомушкин А. Страницы истории филёрской службы политической полиции // Жандармы России. М., СПб., 2002. С. 355–393; Школа филёров // Былое. 1917. № 3 (25). С. 40–67.

⁴ Перегудова З.И. Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995. С. 259.

⁵ Перегудова З.И. Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995. С. 263, 266–267, 269.

⁶ Сандлер В. Вокруг Александра Грина // Воспоминания об Александре Грине. Л., 1972. С. 493.

⁷ *Переудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. С. 180–181.

⁸ См.: *Земсков В.Ф.* Участие Маяковского в революционном движении (1906–1910) // Новое о Маяковском. Т. 1. М., 1958. С. 433–540.

⁹ *Переудова З.И.* Служба наружного наблюдения в русской полиции // Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. М., 1995. С. 264.

¹⁰ *Переудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. С. 182.

¹¹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1291, 1244.

¹² Там же. Д. 1741, 3996.

¹³ *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии. М., 2004. С. 51.

¹⁴ Там же. С. 59–60.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1826. Л. 87.

¹⁶ Там же. Д. 4347, 1782.

¹⁷ Списки жертв // Ощество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://lists.memo.ru/d17/f66.htm> (дата обращения 11. 10. 2017).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 4347.

¹⁹ Там же. Д. 2326.

²⁰ Там же. Д. 1849.

²¹ Там же. Д. 4347.

²² Там же. Д. 1826. Л. 28.

²³ Там же. Д. 1786 Л. 1–2.

²⁴ Там же. Д. 1863.

²⁵ *Рашин А.Г.* Население России за сто лет. Статистические очерки. М., 1956. С. 280–281.

²⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1652.

²⁷ Там же. Д. 4347.

²⁸ Там же. Д. 4348.

²⁹ Там же. Л. 7.

³⁰ Там же. Д. 1782. Л. 3.

³¹ Там же. Д. 1617. Л. 8.

³² Там же. Д. 1863. Л. 38–39.

³³ Там же. Д. 1659.

³⁴ Там же. Д. 1617. Л. 8.

³⁵ Там же. Д. 4348, 1474.

³⁶ Там же. Д. 2326. Л. 13.

³⁷ Там же. Д. 4347. Л. 26, 50, 103.

³⁸ Там же. Д. 4347. Л. 234–236.

³⁹ Там же. Д. 4348.

⁴⁰ *Кичняиц-Ризель Ф.* В Бакинском подполье // Женщины в революции. М., 1959. С. 1956.

⁴¹ *Кан К.* Зинаида Коноплянникова и убийство генерала Г.А. Мина // Российская история. 2015. № 5. С. 99–117.

⁴² ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 3996.

⁴³ Там же. Д. 1863.

РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII ВЕКА: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Людмила Борисовна Сукина
Институт программных систем РАН,
г. Переславль-Залесский

***Аннотация.** Автор статьи ставит перед собой цель выявить социальные аспекты развития и трансформации русской культуры XVII в. Эта эпоха в последние десятилетия неизменно привлекает внимание исследователей, среди которых постепенно утверждается мнение, что главный культурный импульс исходил от русских государей. Однако механизмы распространения культурных новшеств в различных социальных слоях населения до сих пор не прояснены. В статье данная проблема рассматривается в рамках междисциплинарного исследования феномена строительства и украшения храмов, которые в XVII в. оставались наиболее значимыми культурными объектами.*

***Ключевые слова:** история русской культуры, храмоздательство, социология культуры, социальная группа, социальная корпорация.*

История русской культуры XVII в. в последние десятилетия неизменно привлекает внимание исследователей. Эта эпоха является своеобразным мостом между Московской Русью и Российской империей. Представители разных отраслей гуманитарного знания постоянно втягиваются в процесс поиска внутри этой культуры ростков того нового, что впоследствии даст импульс развитию петровского барокко (см. работы А.М. Панченко, В.Н. Живова, В.Г. Брюсовой, Л.А. Черной, И.Л. Бусевой-Давыдовой и др.). Кажется, все исследователи более или менее сходятся во мнении, что главный культурный импульс исходил от государей и их окружения¹. Однако, как на этот импульс реагировали различные группы населения, остается не вполне проясненным. Для того чтобы разобраться в этой проблеме, историку культуры придется заняться непривычным делом – изучить социальные аспекты развития и трансформации культурного процесса в XVII столетии.

В эту эпоху наиболее значимыми культурными объектами продолжали оставаться храмы и монастыри, внутри которых накапливалось, хранилось и функционировало все то, что образовывало культурное достояние человека того времени: фресковые росписи, иконы, произведения прикладного искусства, рукописные и печатные книги. Но именно в XVII в. городское храмовое строительство не только догоняет по своим масштабам монастырское, но и превосходит его в количественном, а нередко и в качественном отношении. Через крупнейшие городские храмы клиру и миру транслировались новые культурные идеи и тенденции, представления об изменении культурных норм и канонов.

В данной работе мы попробуем выяснить, какие социальные группы в разные десятилетия XVII в. проявляли наибольшую инициативу в сфере строительства и украшения храмов, какие исторические обстоятельства этому способствовали и к каким социокультурным последствиям это приводило. Исследование носит междисциплинарный характер, в нем применяются методы исторической антропологии, новой культурной истории, искусствоведения и социологии культуры, используются такие понятия социологического анализа, как «социальный слой», «социальная группа» и «социальная корпорация».

На протяжении длительного времени, вплоть до конца XVI – начала XVII в., возведение и ремонт монастырских и городских храмов в России и их украшение было делом семьи государя и представителей родовой знати. На протяжении всего XVI столетия, предшествовавшего интересующему нас периоду, наблюдался рост храмового строительства, исключая только время последовавшего за опричниной тяжелейшего экономического кризиса в конце правления Ивана Грозного. Как влиял рост храмового строительства на архитектурный образ городов и как они выглядели накануне Смуты – вопрос малоизученный. Одним из немногих исключений является исследование Э.А. Гордиенко, посвященное духовной жизни Новгорода². Но новгородская статистика этого периода в силу специфики исторической судьбы Новгорода не может быть экстраполирована на другие города русского государства.

По мнению большинства исследователей русской истории и культуры XVII столетия, в результате преодоления Смуты происходят серьезные изменения менталитета различных слоев населения, рост его самосознания. При этом ключевые события

восстановления государственности, в которых участвовала «вся русская земля», были отмечены традиционным способом – строительством в 1620–1630-х гг. мемориальных храмов. И ктиторами таких церквей, тоже традиционно, были царь и виднейшие представители знати.

Так, средства на строительство, а потом восстановление после пожара Казанского собора на Красной площади поступили от государя Михаила Федоровича, князя Д.М. Пожарского и других участников событий 1612–1613 годов³.

За счет государевой казны и при участии наиболее состоятельных нижегородцев был восстановлен (а фактически построен заново) шатровый собор Михаила Архангела в Нижегородском кремле⁴. Храм должен был отметить заслуги местной знати, служилых и торговых людей в организации ополчения и освобождении Москвы и избрании на царство первого представителя новой династии – государя Михаила Федоровича.

Одним из самых усердных храмоздателей этого времени, как и следовало ожидать, оказался князь Д.М. Пожарский. Свидетельствами мемориальной направленности его благочестия являются сохранившиеся до нашего времени крупные постройки: Покровская церковь в московском Медведково 1634–1635 гг. и Спасо-Преображенский храм в селе Пурех под Нижним Новгородом, заложенный самим Дмитрием Пожарским в 1620-е гг. и завершенный его сыном Иваном в 1647 году⁵.

В XVII в. наблюдается рост количества персональных ктиторских храмов русской знати. После Смуты уже мало считались с нормой «Стоглава», осуждающей строительство «лишних» церквей лишь из желания выделиться или доставить удовольствие своим близким. Необходимость наличия домовых и вотчинных церквей диктовалось и особенностями ритуальной стороны православия. Адам Олеарий, побывавший в России в 1630-е гг., пишет, что все русские посещают церковь практически ежедневно, а по большим праздникам и воскресеньям они должны делать это трижды в день, ходя к «заутрене», к «обедне» и к «вечере»⁶. Архидьякон Павел Алеппский, посетивший Россию в середине XVII в. в составе свиты антиохийского патриарха Макария, описывая быт московских вельмож, отмечал, что «в доме каждого из них есть <...> церковь, и каждый тщеславится перед другими ее красотой»⁷.

Во второй половине XVII в. строительство знатью роскошных храмов, не уступающих по пышности и вычурности архи-

тектурных форм и богатству отделки интерьеров царским постройкам, становится обычным делом. Такие храмы украшали подмосковные вотчины Голицыных, Шереметевых, Нарышкиных и др. Близкие к царской семье ктитория позволяли себе проявлять в церковных постройках и свой собственный художественный вкус. Некоторые группы архитектурных сооружений, связанные с определенным знатным родом, обладают довольно характерными конструктивными и стилистическими особенностями, что способствовало в дальнейшем появлению в истории архитектуры понятий «нарышкинского» и «голицынского» барокко.

Однако вскоре после окончания Смуты наметилась и новая тенденция в храмоздательстве – активное участие в нем других слоев населения. Все более заметной становится роль купечества, служилого и торгово-ремесленного люда.

О купеческом и посадском храмовом строительстве в русских городах XVII в. существует немало исследований, и изучение этого вопроса продолжается. Но при этом оказалось неучтенным то важное обстоятельство, что городское население этой эпохи не было однородным и не обладало какими-то общими социальными признаками, культурными ориентирами и художественными вкусами. В России XVII в. городские жители делились на социальные группы, экономическое и правовое положение которых значительно разнилось. Роли этих групп в формировании культурной среды города различались и со временем менялись.

Исследователи привилегированных купеческих корпораций России допетровского и петровского времени Н.Б. Голикова и Л.А. Тимошина отмечают, что торгово-промышленное население русского города этого периода неправомерно рассматривать как социально единую недифференцированную группу⁸. В эту группу определенно не входило высшее купечество: гости, члены гостинной и суконной сотен. Оно принадлежало не к посаду конкретного города, а к категории государевых служилых людей с особым кругом обязанностей и полномочий. Эта дифференциация обнаруживается и в Соборном уложении 1649 года⁹.

Изучая историю храмового строительства в русских городах в XVII в., мы обратили внимание, что в 1620–1640-е гг. немногочисленные большие каменные храмы за пределами городских кремлей (кремль и все постройки в нем контролировались государственной властью) были построены именно гостями или купцами гостинной сотни и не могут именоваться «посадскими».

В их числе оказываются такие знаменитые храмы, как московская церковь Троицы в Никитниках (ктитор Григорий Никитников), ярославские церкви Николы Надеина (ктитор Надея Светешников), Рождества Христова (ктиторы Анкудин и Гурий Назарьевы), Ильи Пророка (ктиторы Иоанникий и Вонифатий Скрипины), костромская церковь Воскресения на Дебре (ктитор Кирилл Исаков) и др.

Строившиеся гостями церкви даже не были приходскими в каноническом смысле этого слова. Это были ктиторские храмы, забота о которых и контроль над которыми, включая подбор церковного причта во главе со священником, было делом храмоздателя и благотворителя. Данные источников свидетельствуют, что перечисленные храмы в течение десятилетий находились под покровительством семей ктиторов. Такая форма проявления благочестия стала частью «габитуса» членов привилегированных купеческих корпораций.

Ктиторы из привилегированных купеческих корпораций, как и знать, не только давали средства на строительство церкви, но и определяли ее внешний архитектурный облик и планировку, нередко включавшую мемориальный придел семьи покровителей и даже их усыпальницу¹⁰. По преимуществу, именно с храмоздательной деятельностью именитых купцов связано утверждение самого распространенного типа городской церкви в России XVII в. – пятиглавой, с вытянутым вверх четырехугольным основным объемом, подклетом, галереями-папертями и шатровыми колокольнями. В их постройках соединялись ориентация на формы современных им царских и патриарших храмов и знакомство с элементами старорусской и новой европейской архитектуры. Несомненно, что участие в строительстве высокопоставленного купца-ктитора обеспечивало зодчим возможность не просто воспроизводить какой-то конкретный образец, а создавать новую сложную, часто новаторскую архитектурную композицию.

Еще одной немногочисленной социальной группой, чья активность в деле храмового строительства распространялась в основном на Москву, были государевы дьяки и подьячие. На их средства возводились храмы в Земляном городе¹¹. Так же, как и другие ктиторы, они активно участвовали в «проектировании» строившихся церквей. Например, во время перестройки московской Троице-Введенской церкви на средства подьячего Максима

Алексеева мастера работали не по собственному разумению, а «противу его Максимовой росписи»¹².

Серьезные изменения в строительстве церквей в русских городах произошли после утверждения Уложения 1649 г. Отменив привилегии «белых» слобод и уравнив все посадское население, оно создало условия для укрепления материального положения жителей городских посадов. В то же время, закрепляя ремесленников и торговцев за конкретным посадом, Уложение насильственно стабилизировало городское сообщество, в том числе и церковные приходские общины. Вся социальная жизнь посадского человека и его семьи, в том числе религиозное окормление, сосредотачивалась в той городской слободе, к которой он был приписан. Разбогатевшие посадские демонстрировали свое благочестие в строительстве и украшении приходских храмов. В это время многие деревянные церкви перестраиваются в камне. Именно их уже можно с полным правом назвать «посадскими» и рассуждать о специфике посадской храмовоздательной традиции. Со всей очевидностью эта новая религиозно-культурная тенденция проявилась во второй половине XVII в. в Москве, Ярославле, Костроме и Нижнем Новгороде.

В Москве средоточием посадской жизни была территория внутри валового кольца – Земляной город. Некоторые из построенных там после 1649 г. слободских церквей сохранились до нашего времени и свидетельствуют об ориентации заказчиков-посадских на ту модель раннего московского барокко, которая была задана царским двором и знатью¹³.

Еще одной социальной группой, строившей свои храмы в слободах Земляного города, были стрельцы. На средства стрелецкого полка была возведена церковь Троицы в Листах, стрельцы полковника Колобова построили храм Знамения за Петровскими воротами, храм Спаса на Песках заменил прежнюю деревянную церковь Стрелецкой слободы.

1649 г. можно датировать начало массового строительства каменных храмов и на ярославском посаде. В перечневой описи Ярославля первой половины XVII в. упоминается 40 приходских церквей¹⁴. Во второй половине этого же столетия около 20 из них были перестроены в камне.

Сохранившиеся документы позволяют проследить, как формировался общий капитал коллективного ктитора – прихода посадского храма. В росписи 1676 г. на постройку каменной

церкви Иоанна Предтечи в ярославской Толчковской слободе среди жертвователей числятся как отдельные лица, так и целые семьи. Пятуго часть донаторов составляют жены и вдовы сапожников и кожевников, владевшие, очевидно, своей долей семейной собственности. Размеры дач колеблются от 2935 до 32 рублей. Значительная часть пожертвований была осуществлена различным имуществом, ко времени составления росписи, видимо нереализованным и не получившим оценки в денежном выражении. Некоторые вкладчики передали приходу дворы с постройками и огородной землей, а также дворы с кожевными заводами¹⁵.

Практика передачи на строительство приходских храмов недвижимого имущества показывает, что на приходы не распространялось действие указа патриарха Филарета, запрещавшего посадским людям отдавать дворы и лавки монастырям. Из текста указа видно, что его целью было сохранение в составе посадов налогооблагаемых единиц – дворов и лавок, которые не должны были переходить к монастырям даже в виде «божьего имущества»¹⁶. Дача такого же имущества приходскому храму оставляла его в посаде. Двор или лавка продавались церковной общиной, а деньги шли на строительство или украшение церкви.

Возводя новые каменные храмы, коллективные ктитория из посадского населения торговых городов, в отличие от заказчиков из числа знати и богатейших купцов или жителей слобод московского посада, стремились не столько следовать последним тенденциям «архитектурной моды», диктуемой царским двором, сколько быть не хуже своих собственных соседей. При строительстве церковей коллективные ктитория из городских посадов ориентировались не на столичные или иноземные, а на местные образцы, уже завоевавшие известность в социальной среде конкретного города¹⁷. В результате этого посадские храмы, в отличие от киторских, не обладают ярко выраженной художественной индивидуальностью, а следуют определенным образцам, сложившимся в массовом храмовом строительстве русских городов во второй половине XVII века. Трапезная, в которой после окончания службы церковный причт, ктитория и донаторы церкви (то есть почти все зажиточные прихожане) садились вместе за обеденный стол, стала со второй половины XVII столетия почти обязательной частью посадского храма.

Таким образом, новые архитектурные веяния, выразившиеся в размерах, формах, конструкциях храмов, декоративных деталях их отделки, распространялись согласно иерархическому социальному устройству общества того времени. Из царских резиденций – в городские кремли и их ближайшие окрестности, где строили свои ктиторские храмы знать и привилегированное купечество, а оттуда – в слободы посадов. При этом архитектура адаптировалась к материальным возможностям и эстетическим взглядам заказчиков.

Кроме самой храмовой архитектуры в XVII в. индивидуальные и коллективные ктиторы выступали заказчиками монументальных росписей, иконостасной резьбы, икон, утвари храма, заказывали для него рукописные книги и покупали печатные. Так происходило и раньше, но только в этом столетии в создании церкви как единого культурного комплекса, синтезировавшего в себе множество элементов, с царским двором, знатью и монастырями, соперничали купцы и посадские.

Середина – вторая половина семнадцатого столетия – эпоха расцвета монументальной храмовой росписи. В это время расписываются не только церкви царских резиденций и крупнейших прославленных монастырей, но и городские купеческие и приходские храмы (в прежние времена такое наблюдалось только в Великом Новгороде). Это не только давало работу десяткам мастеров фрески, объединенных в артели и составивших отдельный «цех» внутри многочисленной корпорации иконописцев, но и обогащало традиционную, еще позднесредневековую по своему характеру русскую культуру новыми модерными сюжетами. Стенописи городских церквей этого времени не только транслировали государственные идеи или появившиеся в результате никоновских реформ новые токования религиозных догм и символов, но и выражали индивидуальные взгляды заказчиков на устройство миропорядка и социума.

В основном, сюжетные нюансы в росписях ктиторских купеческих церквей были связаны с обстоятельствами личной или семейной судьбы благотворителей (как то: опала гостей Светешниковых или угасание мужской ветви Скрипиных). Однако в первую очередь члены привилегированных купеческих корпораций должны были выполнять функцию, благодаря которой они оказались возвышены царской властью, – блюсти интересы государства, в том числе и в религиозной сфере. Поэтому, украшая

собственные церкви, они следовали новым церковным установлениям, касавшимся иконографии и художественного качества изображений. Заказы на стенописи и иконы отдавались признанным мастерам, привлекавшимся к работе в Московском Кремле и получившим одобрение царских иконописцев из Оружейной палаты. Эти художники, как правило, следовали новому стилю письма с его «живоподобием» образов и барочными формами декоративных деталей¹⁸.

Коллективные ктиторы из посадских церковных приходов следовали этому выбору именитого купечества, подражали его вкусам. Так новая манера в изобразительном искусстве, зарождавшаяся и формировавшаяся в придворных кремлевских мастерских, распространялась в русских городах, также спускаясь из социальных верхов в социальные низы.

Привилегированное купечество, бывая по делам в Москве, приобретало издаваемые в столице и одобренные патриархом заново составленные и «правленные» богослужбные книги и снабжало ими опекаемые церкви¹⁹. Попадая в провинцию, эти стоившие непомерно дорого книги становились образцами для местного духовенства, копировались и использовались для составления новых текстов служб, соответствующих требованиям церковной реформы.

Таким образом, постоянный рост социальной активности населения России, толчком которому послужило преодоление Смуты и ее последствий, а в дальнейшем способствовала реформаторская деятельность династии Романовых, был одним из важнейших условий быстрого восприятия и распространения изменений и трансформаций даже в связанной с церковью традиционной и консервативной сфере культуры. Изучение этих изменений сквозь призму социологии позволяет понять механизм того, как, зародившись и сформировавшись в окружении царя, через представителей привилегированных групп населения городов, в первую очередь через именитое купечество, они проникали в социальную городскую среду, становясь достоянием широких слоев жителей посадских слобод. Сеть социальных связей, складывавшаяся на протяжении XVII в., обеспечивала проникновение культурных новшеств этой эпохи в основные страды населения крупных городов. Но при этом в процессе распространения этих новшеств сверху вниз происходило снижение качества их рецепции от творческого усвоения до простого копирования.

-
- ¹ *Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008; *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.
- ² *Гордиенко Э.А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.
- ³ *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 134.
- ⁴ *Агафонов С.Л.* Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987. С. 121.
- ⁵ *Гуляницкий Н.Ф.* Памятники отчизне Д.М. Пожарского // Строительство и архитектура Москвы. 1980. № 8. С. 25–30; *Савельева О.К.* Постройка Д.М. Пожарского в Пурехе // Архитектурное наследство. М., 1988. № 36. С. 227–232.
- ⁶ Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 448.
- ⁷ *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898. С. 31.
- ⁸ *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1; *Тимошина Л.А.* Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 189–190.
- ⁹ Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987.
- ¹⁰ *Рутман Т.А.* Храмовладельцы церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле. 1650–2000 гг. Ярославль, 2001. С. 7–15.
- ¹¹ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989.
- ¹² *Бусева-Давыдова И.Л.* О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып. 36. С. 47.
- ¹³ Памятники архитектуры Москвы. Земляной город.
- ¹⁴ Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. № 35. С. 271.
- ¹⁵ *Успенский Ф.* Предтеченская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906. С. 5–6.
- ¹⁶ Законодательные акты русского государства: Тексты. Л., 1986. С. 121.
- ¹⁷ Там же. С. 185.
- ¹⁸ *Брюсова В.Г.* Русская живопись XVII века. М., 1984.
- ¹⁹ *Тимошина Л.А.* Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 189–205.

«...ЖДАЛИ ВОЖДЯ, ВОЖДЬ ЯВИЛСЯ»: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИДЕРА И МАСС (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ)

Олег Николаевич Мухин

Томский государственный
педагогический университет,
г. Томск

***Аннотация.** Цель статьи – выявить перспективы применения психологии масс в историческом исследовании. Предпринимается попытка упорядочить понятийный аппарат психологии масс с опорой на психологические и социологические теории и концепции, общей скрепляющей которых является бессознательное. Особое внимание уделяется проблеме взаимоотношений лидера и масс. Теоретические выводы апробируются на материале эпохи Петра I.*

***Ключевые слова:** историческая психология, психология масс, Петр I.*

В литературе, посвященной Петровской эпохе, помимо прочих, существует одна важная проблема – вопрос об отношении подданных к личному и политическому поведению царя-реформатора. Общим местом в историографии является констатация массового недовольства, проявляемого простыми россиянами к преобразовательной деятельности Петра¹. Однако реформы его в целом были успешны и более чем на столетие определили вектор развития страны. Более того, первый император стал положительным героем народного фольклора.

Приблизиться к решению этой проблемы можно, обратившись к наработкам коллективной психологии, предварительно скорректировав ряд положений, содержащихся в трудах ее классиков.

Интерес к проблемам коллективной психологии, или психологии масс (толп), в гуманитарии имеет относительно давнюю историю, восходя к работам Г. Лебона, Г. Тарда и З. Фрейда, однако за это время ряд имен, связанных с теоретическим осмыслением роли масс в общественном развитии, пополнился несущественно:

следует назвать С. Московичи и Э. Канетти. Характерно, что и новейшие работы по данной проблематике по большей части представляют собой критический разбор взглядов «отцов-основателей» без значительных авторских добавлений. При этом, как представляется, в существующей традиции изучения коллективной психологии накопился ряд проблем, мешающих результативному использованию ее наработок исследователями-гуманитариями и, в том числе, историками.

Прежде чем перейти к характеристике этих проблем, назову основные черты толпы, главного объекта изучения в рамках коллективной психологии, выявленные Г. Лебоном и в целом принятые его коллегами и последователями. По мнению французского исследователя, толпу характеризует «исчезновение сознательной личности, преобладание личности бессознательной, одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи...». Человек в толпе «перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует»². Г. Лебон называет три причины, способствующие появлению у толпы названных черт, несвойственных отдельным индивидам:

- 1) осознание представителем толпы непреодолимой силы благодаря численности, устранившее чувство ответственности;
- 2) «заразительность или зараза» – «в толпе всякое чувство, всякое действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному»;
- 3) восприимчивость к внушению – наблюдения «указывают, что индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, под влиянием ли токов, исходящих от этой толпы, или каких-либо других причин – неизвестно, приходит скоро в такое состояние, которое очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта»³.

Названные черты вполне узнаваемы и в самом деле могут наблюдаться в действительности, как современной, так и исторической. Однако попытки теоретиков развить эти построения, опираясь на исторический материал, чаще всего нового и новейшего времени, заставляют отнестись к их построениям критически.

Первая проблема – изрядная понятийная путаница, наблюдающаяся в имеющихся в нашем распоряжении работах. Рассуждая о толпе, исследователи, во-первых, считают ее синонимом масс,

во-вторых, пытаясь выстроить типологию толпы, подводят под ее понятие самые разные явления, которые обозначаются как организованные (в отличие от, так сказать, «классических», неорганизованных) толпы и даже корпорации (церковь, армия, парламент и т.п.), причем в самых разных соотношениях друг с другом⁴.

Представляется методологически перспективным четко отграничить такие явления, как масса, толпа, корпорация. Не стоит ставить знак равенства между толпой и массой, как это чаще всего происходит. Так, Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим “массу”»⁵. Далее философ поясняет, что «масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью», то есть «масса – это “средний человек”»⁶. При этом антитезой массы Х. Ортега-и-Гассет считает вовсе не индивида (который обычно противопоставляется толпе), но меньшинство⁷.

Отталкиваясь от этих замечаний, можно предложить следующие рассуждения. Масса, то есть рассеянные в пространстве представители «массовой культуры», отличные от элитарной прослойки, является лишь питательной средой толпы, так сказать, «теоретической толпой»⁸. Толпа же, в таком случае, это часть массы, «сгущенная» в определенном ограниченном пространстве⁹. Именно в этом случае и рождается тот набор характеристик, который приписывается толпе Г. Лебоном и которые перечислены выше¹⁰.

Корпорации же включать в эту типологию неправомочно, так как они обычно формируются на основании рациональных мотивов. Черты толпы могут приобретаться членами корпорации только в определенных случаях, собственно, примерно в тех же, что и любыми другими людьми¹¹.

Вторая проблема заключается в понимании механизмов появления толпы. Предлагаемые гипноз, заражение, подражание – это скорее способы ее функционирования, так как прежде чем поддаться их воздействию, человек должен по каким-то мотивам, большей частью бессознательным, попасть в рамки толпы, и более того, хотеть попадать в них неоднократно. Крайне неудачным кажется объяснение З. Фрейда, которое предпочитает С. Московичи – любовь к себе и любовь к лидеру, в основе своей либидозного характера. З. Фрейд предлагает стройную, но край-

не исторически достоверную теорию, согласно которой тяга к растворению в толпе является сохраненной на бессознательном уровне памятью о некоей гипотетической стадии в развитии человеческого общества, когда сыновья, раздраженные патриархальной властью отца, убивают его¹², однако в дальнейшем оказываются не в состоянии отказаться от любовной привязанности к отцу и начинают воспроизводить, так сказать, семейные формы привязанности снова и снова в виде поклонения лидеру, вождю, отказываясь ради этого от своей индивидуальности¹³. Таким образом, люди толпы «восхищаются собой и ладят с собой лишь в той мере, в какой ими восхищаются и с ними ладят. Они постоянно зависят от проявлений эротического либидо, общего для них»¹⁴.

Стоит ли делать акцент на проблемах либидо при объяснении феномена толпы? Представляется, недостаток исследования С. Московичи, как наиболее «современного» из числа основных теоретических работ по коллективной психологии, заключается в том, что, верно понимая необходимость обращения к психоанализу, он проигнорировал богатую постфрейдистскую традицию, представители которой, оставаясь верными базовым основам учения З. Фрейда, подвергли корректировке его наиболее одиозные «перегибы», и прежде всего – сфокусированность на сфере сексуальности.

Прояснить механизмы стремления индивида слиться с толпой позволяют концепции идентичности Э. Эриксона¹⁵, невротической личности К. Хорни¹⁶ и «бегства от свободы» Э. Фромма¹⁷. Толпа дает человеку, пусть на время, готовую форму идентификации, причем такую, которая полностью снимает с него всякую ответственность за свои действия и их последствия (именно об этом говорит и Г. Лебон). Временность периодов безответственности – важная черта, так как переход их в постоянную форму грозил бы с очевидностью разрушением общества. Необходимость таких периодов для конкретного индивида объясняется невротическими чертами его характера, порожденными неумением отразить беспокойные его факторы общественной жизни и избежать чувства тревоги. Легко понять, почему эта проблема больше свойственна представителю масс, для которого характерен сниженный уровень культуры, образованности и рациональности. Таким образом, испытывая бессознательную тревожность, степень которой, как правило, нарастает в нестабильные исторические периоды, индивид ищет возможности рас-

твориться в толпе, руководимой лидером, чья воля определяет все действия и даже мысли человека толпы («бегство от свободы» подразумевает бегство от свободы выбора, необходимость которого усиливает невроз).

Эффект толпы, видимо, является чрезвычайным механизмом, носящим характер, дополнительный по отношению к стремлению быть частью корпорации, которая как таковая – важнейший механизм идентификации с внешне предложенными моделями идентичности, также во многом освобождающий человека от необходимости выбора. Дело в том, что принадлежность к корпорации, в силу ее постоянства, становится частью обыденной жизни, отчего ее компенсаторные функции снижаются, в особенности в кризисные эпохи. В результате член ремесленной или торговой корпорации, мирно работающий в обычное время и чувствующий себя вполне защищенным ее рамками, в годину революции сливается с толпой, дабы принять участие в ее бесчинствах, выплескивая скопившиеся страхи и неуверенность в себе на головы зачастую вполне случайных жертв.

Лидер в этой ситуации должен являться и является носителем некоей готовой «массовой» идеи (форс-идеи в терминологии П. Бурдьё¹⁸) или идеологии, с которой с готовностью солидаризируется представитель массы и которой в своих активных действиях руководствуется член толпы. То есть роль лидера представляется одинаковой в обоих случаях, различается лишь продолжительность и прочность его «гипнотического» воздействия.

Проиллюстрирую сказанное на материале Петровской эпохи.

Безусловно, уровень агрессии, проявляемой представителями низов в этот период, в том числе в отношении государя, был довольно высок. Уже последняя четверть XVII столетия характеризуется состоянием повышенного невротизма, вызванного в значительной мере приметами структурного кризиса и, в том числе, активизацией контактов с западноевропейской цивилизацией. В.О. Ключевский даже ставит тогдашнему обществу своеобразный диагноз – «латинобоязнь»¹⁹. Именно это имел в виду и С.М. Соловьев, писавший, что «народ поднялся и собрался в дорогу». Специфика политического и не в меньшей, если не в большей, мере личного поведения Петра I усилила невротическое состояние его подданных, породив крайнюю версию неприятия его деятельности – слухи о подменности и об инфернальном

происхождении царя-реформатора. Однако не стоит преувеличивать масштабы недовольства – речь идет о нескольких тысячах случаев его проявления, зафиксированных в делах Преображенского приказа²⁰.

Так что, видимо, справедливо мнение М. Чернявского, считающего, что обе точки зрения на личность царя-преобразователя (обожествление, имевшее место в среде его сторонников, и «проклятие») являлись крайностями, тогда как большинство россиян не знали о революционном изменении образа царя²¹. То есть массы, основой психической жизни которых является унитарная (первичная, нефиксированная) установка (в терминологии школы Д. Узнадзе) при значительной роли фиксированных установок²², по большей части оставались «наивными монархистами»: следует помнить, что следственные дела показывают нам не только «оскорбителей величия», но и верноподданных, которые, собственно, и выступают в качестве извечников.

Вообще, Пётр, при всей «экстравагантности» его личности, вполне отвечал образу «настоящего» русского царя, так как вся его деятельность была направлена на укрепление самодержавия, православия и расширение империи. Он выражал форс-идею своего времени. В условиях структурного кризиса таковой являлась идея преобразований, способных укрепить государство и правящий режим, от прочности которого зависело благополучие всей страны. Подтверждением этому может служить не только поддержка реформ Петра значительной частью правящей и интеллектуальной элиты, но и живучесть начинаний царя-реформатора после его смерти, несмотря на все перипетии эпохи переворотов.

Толпы, в свою очередь, находятся во власти актуально-моментальных установок, рождаемых сиюминутными впечатлениями. При этом, безусловно, на них оказывает влияние весь имеющийся у каждого представителя толпы психический опыт. Кризис, включивший фактическое отсутствие родовой харизмы Романовых (в отличие от Рюриковичей), ухудшение материальных условий жизни, проявления «латинобязни» (при более широком, нежели у В.О. Ключевского, понимании этого термина), создавал ситуацию повышенного невротизма, так как фиксированные установки, требовавшие почитания царской власти, приходили в столкновение с негативными ощущениями «здесь и сейчас». Это и создавало почву для временных взрывов недовольства у представителей масс. И если в разрозненном состоянии это недовольство

не представляло социально-политической угрозы, оставаясь на уровне личного раздражения (при знакомстве с делами Преображенского приказа легко заметить, что едва ли не в большинстве случаев критика преобразовательной политики Петра или угрозы в его адрес рождались из личных обид), то в рамках толпы оно могло порождать серьезные эксцессы (причем, что важно, как раз при наличии если не единого лидера-«гипнотизера», то по крайней мере группы организаторов-подстрекателей, что опять-таки подмывает основы теоретических построений Э. Фрейда и С. Московичи).

Все сказанное можно проиллюстрировать материалом, касающимся одного из самых серьезных социальных потрясений петровского времени – Астраханского восстания. Сразу бросается в глаза, что взрыв произошел, когда на рационально осознаваемые социальные проблемы наложились невротические (то есть неадекватно-преувеличенные) страхи: прошла «площадная молва» (в массах), будто государя не стало, и провокационные культурные преобразования (бритье бород, введение иноземного платья) инициированы воеводой Ржевским и начальными людьми, которые «веру христианскую покинули»²³. Вот он – «наивный монархизм» в действии! Далее последовал и вовсе нелепый слух о предстоящем повелении выдавать девиц замуж за иностранцев, которых пришлют из Казани. Ответом стали сто свадеб, празднование которых переросло, подогреваемое винными парами и свойственным толпе «заражением», в бунт, когда около трех сотен человек ночью ворвались в кремль. Грянул набат, и количество участников бунта стало нарастать за счет стрельцов и солдат. Когда восставшие расправились с воеводой, были избраны вожаки (иначе быстро скучившаяся толпа так же быстро бы и рассеялась), причем высказывались идеи о походе на Москву, но для чего? А для того, чтобы «проведасть про государя, жив ли он?»²⁴.

Не менее характерна развязка этой истории. Когда в Астрахани была получена царская грамота с обещанием прощения в обмен на выдачу заводчиков, бунтовщики «за государево здоровье молебствовали при пушечной стрельбе»²⁵. Из текста повинной, направленной астраханцами Петру, создается впечатление, что отталкивали их не столько одиозные нововведения, сколько чрезмерно жесткий стиль их внедрения²⁶. Конечно, следует учитывать характер документа – надеясь вымолить прощение у государя, бунтовщики подчеркивали, что недовольны были не царски-

ми реформами, а нерадивыми исполнителями. Однако, думается, дело не только в этом: уяснив, что автором реформ является государь собственной персоной, астраханцы охотно променяли идеи, предлагаемые их временными вожаками, на идеологию, носителем которой являлся «царь-батюшка».

После недолгого сопротивления (есть вполне аргументированная версия, что мирный процесс урегулирования был сорван корыстолюбивым Б.П. Шереметевым²⁷) толпа сдалась, не дожидаясь расправы, и рассеялась, снова став массой, в целом приверженной официальной идеологии, ибо альтернативной ей, сопоставимой по разработанности и авторитетности, не было. Как «гипнотизер», царь переиграл вожаков бунта (и впредь будет обыгрывать вплоть до 1917 г.).

Подведем итоги. В русле предлагаемой логики рассуждений обозначенная в начале статьи проблема может быть разрешена следующим образом: находясь в состоянии повышенного невротизма, «массовый человек» легко поддавался агрессивным, негативистским настроениям в результате эффекта «заражения» в толпе в отдельных конкретных случаях (некритическое, обобщенное восприятие которых историками и порождает впечатление повсеместного недовольства), становясь питательной почвой для социальных движений, впрочем, столь же легко и отказываясь от участия в них. Однако в целом он сохранял лояльность к государю, так как только самоидентификация с лидером (а в монархическом обществе никто не может на равных конкурировать с монархом в роли «гипнотизера») снижала уровень невротической тревоги. Массы в основном воспринимали личность и деятельность Петра нейтрально или положительно, осуждая лишь отдельные перегибы (что вполне типично для традиционного общества) в силу консервативного характера их психической конституции.

¹ См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. 1703 – начало 20-х годов XVIII века. Кн. 8. М., 2001. С. 126–132; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. М., 1997. Кн. 3. С. 74–81.

² *Лебон Г.* Психология толп // Психология толп. М., 1998. С. 137.

³ Там же. С. 135–137.

⁴ Так, Г. Тард дает следующую классификацию: толпа как таковая, как первая ступень ассоциации, и толпа организованная, «которую мы называем корпорацией в самом широком смысле этого слова». Причем

самым широким выражением обеих видов толп он считает церковь и государство! (*Тард Г.* Мнение и толпа // Психология толп. М., 1998. С. 371). Ср. у С. Московичи деление на естественные и искусственные толпы. В качестве примеров вторых он называет село и партию (*Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 185).

⁵ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М., 2008. С. 19.

⁶ Там же. С. 19–20.

⁷ «Меньшинство — это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса — не выделенных ничем» (Там же).

⁸ По аналогии с определением класса у П. Бурдьё (*Бурдьё П.* Социология политики. М., 1993. С. 60–63).

⁹ Собственно, такова семантика этого слова в русском языке: толпа образуется вследствие того, что значительное количество людей «столпилось» в одном месте.

¹⁰ При этом следует оговориться, что, при большей склонности масс образовывать толпу, представители меньшинства, оказавшись в ее недрах, имеют все шансы слиться с нею, приобретя все ее качества. Но стремятся слиться с толпой все-таки именно представители масс.

¹¹ Стремление индивида стать частью корпорации имеет в значительной мере те же психологические основания, что движут членом толпы. Однако толпы, если следовать предлагаемой классификации, формируются стихийно (по крайней мере, со стороны участников), тогда как корпорации — целенаправленно.

¹² *Московичи С.* Указ. соч. С. 228.

¹³ См.: *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». М., 1926.

¹⁴ *Московичи С.* Указ. соч. С. 190–191.

¹⁵ *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 2000; *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 2006.

¹⁶ *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М., 2000.

¹⁷ *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990.

¹⁸ *Бурдьё П.* Указ. соч. С. 207–208.

¹⁹ *Ключевский В.О.* Западное влияние в России XVII в.: историко-психологический очерк // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 38 (III). С. 552–554.

²⁰ Фонд 371 РГАДА, в котором собраны дела Преображенского приказа, содержит 16355 единиц хранения, причем помимо так называемых «секретных дел», то есть по большей части собственно политических, это изрядное количество «несекретных дел».

²¹ *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. N.Y., 1969. P. 78.

²² Унитарная установка — целостно-личностная организация и внутренняя мобилизация (готовность) индивида к осуществлению той или иной предстоящей актуальной («здесь и сейчас») деятельности (своего рода коллективная память, психологическая «матрица»). В момент этой деятельности человеческая психика, остающаяся открытой, способна вырабатывать актуально-моментальные установки, которые, в случае их удачного «срабатывания», становятся фиксированными, то есть готовыми формами (шаблонами) деятельности (*Шерозия А.Е.* Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы // *Бессознательное. Природа, функции, методы исследования.* Тбилиси, 1978. Т. 1. С. 37–64).

²³ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 139.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Там же. С. 146.

²⁶ Там же. С. 146–148.

²⁷ *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. Изд. 2-е с изм. М., 1988. С. 59, 61.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМОВ
«УСТНОЙ ИСТОРИИ»
В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: ЗАПИСИ РАССКАЗОВ
ГОРОЖАН САМАРЫ О ПРОШЛОМ**

Юрий Николаевич Смирнов

Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С.П. Королева,
г. Самара

***Аннотация.** Целью статьи стал опыт реконструкции исторических представлений провинциальных горожан середины 19-го столетия на примере купцов, мещан, разночинцев Самары. Он стал возможен благодаря записи и изложению их рассказов в краеведческих трудах местного учителя Гаврилы Никитича Потанина. Подобные материалы, полученные с помощью приемов, близких современным методам «устной истории», являются уникальными для дореформенных городов нашей страны, а потому представляют не только локальный, но и общероссийский интерес. Выяснилось, что записям Потанина присущи те же особенности и закономерности, которые выявлены при фиксации и анализе живой устной традиции в новейших исследованиях.*

***Ключевые слова:** Россия в XIX в., история Поволжья, историография, источниковедение, провинциальная культура, устная история, исторические представления.*

Было бы неправильно думать, что приемы «устной истории» – недавнее методологическое изобретение. «В начале было Слово» и при возникновении мировой исторической науки, и ее национальных вариантов. По устным преданиям или свидетельствам очевидцев написана почти вся «История» Геродота и значительная часть первых русских летописей. За возрождением интереса к «устной истории» в современности стоит даже не многовековая, а многотысячелетняя традиция. Проблема заключается в том, как получить информацию от людей прошлого, чья живая историческая память до нас не дошла. Остается надеяться на то, что

в свое время кто-то из современников взял на себя труд собрать и записать их рассказы. Подобные примеры есть, хотя и редки. Анализ такой информации принципиально будет отличаться от работы с интервью современников исследователей нашего времени, чьи работы вызвали интерес в научном сообществе¹. Многое будет зависеть от полноты и качества записи. В настоящей статье рассмотрен такой пример сбора и обработки устных материалов в работе середины XIX в. о Самаре, который в целом близок современным методикам «устной истории».

На материалах Самарского края уже производился результативный ретроспективный анализ сохранившихся остатков устной исторической традиции сельского населения XVIII – XIX вв. как по записям краеведов середины 19-го столетия², так и по более поздним преданиям³. В крестьянской среде традиционные представления были достаточно устойчивыми. Это позволило преданиям дожить до их письменной фиксации и публикации уже в советские времена местными краеведами или научными экспедициями. Иначе обстояло дело в быстроменяющемся социально-экономическом и культурно-бытовом ландшафте города. Здесь внутренняя устойчивость традиционных форм памяти была слабее, да еще во второй половине XIX – XX вв. все большую долю в городском населении играли пришлые элементы, не являвшиеся носителями местной устной традиции.

От полного забвения исторические представления рядовых жителей Самары уберегли записи, сделанные в 1850-е гг. учителем здешнего уездного училища Г.Н. Потаниным. Это были первые годы преобразования небольшого уездного города в крупный губернский центр (с 1851 г.), когда окончательно и быстро уходило в прошлое, забывались многие особенности культурных представлений коренных горожан, но фиксация уходящей устной традиции еще могла быть произведена.

Составленные Потаниным «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» остались неопубликованными. С ними можно ознакомиться в Научном архиве Русского Географического общества (РГО)⁴.

Оба сочинения представляют собой части общего повествования с интересным тематико-жанровым разграничением. «Записки о Самаре» представляют собой авторский текст с пересказом и вставками прямой речи жителей-«информаторов». «Дедушка из Самары» же весь строится в виде диалога с преобладанием

прямой речи. Короткие вопросы, реплики, комментарии исследователя-«интервьюера» направляют разговор в определенное русло, но основную часть занимает свободный рассказ «информатора», то укладывающегося в заданные ему рамки темы, то выходящего в своем повествовании за их пределы. При этом Потанин не задает вопросов, выходящих за локальные рамки, а его собеседники не говорят о своих знаниях и оценках событий общероссийской или всемирной истории.

У Потанина в «Дедушке из Самары» один собеседник. Он имеет собственные портретные, личностные, речевые характеристики. Однако его называют то Филиппом Федоровичем, то Кузьмой Федоровичем, а фамилия ни разу не упоминается. Возможно, он является собирательным образом самарского старожилы – носителя памяти о прошлом, а его диалог с Потаниным – контаминацией бесед с разными информаторами.

Потанин несколько раз использует для обозначения своего собеседника (или собеседников) выражение «Самарский Геродот». Оно же является вторым заголовком «Дедушки из Самары» и звучит несколько претенциозно, если представлять старого ослепшего самарского купца, как он описан Потаниным, в роли «отца самарской истории». Вместе с тем подобное выражение правильно подчеркивает то, что речь идет об «устной истории». Подобно Геродоту, превратившего разрозненные устные предания в первый последовательный и связанный исторический текст, Потанин из подобных рассказов плетет историческую канву прошлого Самары. Роль местного «Геродота» играет именно Потанин, который тем не менее отдает почетное имя хранителю устной исторической традиции.

Перед нами не стенограмма, а обработанная запись. Однако она максимально приближена к первоначальной устной основе. Чистота воспроизведения традиции остается исключительной, поскольку не корректируется письменными текстами. Это обстоятельство, с одной стороны, несколько умаляет качество потанинских работ как исторических сочинений, но, с другой стороны, повышает их источниковую ценность, поскольку сохраняет исторические представления его информаторов в нетронutom виде.

Как бы оправдываясь, Потанин писал: «История города во время великих пожаров 1848 и 1850 годов лишилась многих письменных фактов, и мне осталось почерпнуть ее только из устных

рассказов нескольких старожилых»⁵. На самом деле, он просто отказался от поиска и изучения печатных или рукописных источников, которые не исчезли полностью даже во время стихийных бедствий, а сосредоточился на устном материале, на непосредственных наблюдениях.

Отказ от поиска и привлечения письменных источников не избавлял Потанина от трудностей со сбором материала. Устную информацию, по его словам, с трудом удавалось «выманить у здешнего весьма скрытного и недоверчивого народа»⁶. Однако происхождение Потанина из крепостных дворовых людей и довольно скромное общественное положение учителя способствовали установлению доверительных контактов в среде рядовых жителей Самары: купцов, казаков, разночинцев и прочих.

Современные исследователи согласны в том, что «критический порог» сохранности исторической памяти в устной традиции имеет срок около 40 лет⁷, «по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения»⁸. Именно примерно через 40 лет, как правило, в осмысление прошлого активно включаются историки и мемуаристы.

Приблизительно за 80 лет место устной традиции в общественном сознании и памяти окончательно занимают официальные трактовки, учебники истории, монументы на площадях и т. д.⁹ Живая историческая память там, где профессиональных историков нет или результаты их работы в широких массах остались неизвестными, деградирует, происходит замещения реальных фактов прошлого мифами¹⁰.

Эти наблюдения хорошо согласуются с записями Потанина. В них вообще мало дат, что свойственно устной передаче памяти. Самая ранняя определенная привязка исторического события ко времени при дословном воспроизведении речи информатора сделана в рассказе об исходе калмыков из заволжской степи: «Кругом вот все этого около городу-ти черный калмык жил кругом, как зверь лютущий; весь народ как огня их страх как боялся; ну, да тот уж лет восемьдесят пять, как ушел туда в степь»¹¹.

Если считать временем записи 1853-й или более ранний год, поскольку рукописи Потанина были получены в РГО 17 января 1854 г.¹², то исход из Заволжья некрещеных («черных») калмыков отнесен информатором ко времени до или около 1768 г. На самом деле бегство основной массы калмыков из российских пределов произошло в 1771 г. С таким уточнением разница между

событием и припоминанием о нем приближается к упоминавшимся 80 годам, а если разговор произошел за несколько лет до написания «Дедушки из Самары», то промежуток и составит это число.

Правда в тексте «Записок о Самаре» Потанин приводит высказывание об избавлении Самары от близкого соседства со степняками с другой датировкой: «Башкир-то с калмыком (60 лет назад), двинулись вглубь степи к Опчему [Общему Сырту. – Ю. С.]; жить то на степе стало льготнее»¹³. Однако здесь приведены подсчеты Потанина, а не его информаторов, которые цифру в 60 лет сами не называют.

В данном случае учитель ошибся сам, не доверившись устному рассказу. Возможно, его смутило то, что высказывание престарелого купца о бегстве калмыков во времена его детства не согласуется с подробным и не вызывающим сомнений в правдивости рассказом того же собеседника о похищении калмыками его жены, произошедшим позже.

Похитителями супруги «Самарского Геродота», правда, оказались не «черные», а «простые» калмыки. Последние «всево-то лет пятнадцать убралась отсюда», а до того «все бывало похватывали из наших баб, коль сплошат кто»¹⁴. Для читателя и, наверное, для себя Потанин не объяснил разницу между двумя группами кочевников, которая была очевидна для его собеседников.

Речь шла об основной многочисленной массе калмыков-ламаистов и о крещеных калмыках, обитавших в окрестностях Ставрополя (ныне Тольятти). Организованное переселение последних, несших военную службу, на отдвинувшиеся к юго-востоку новые пограничные рубежи России закончилось в 1843–1844 гг.¹⁵

Таким образом, рассказы старожилов в «Записках о Самаре» и «Дедушке из Самары» то взаимно дополняют друг друга, то дают различные версии и трактовки событий. Потанин предпочитает не объяснять противоречия в полученной информации, а разносить несогласованные сведения по разным рукописям. Этот прием позволяет избежать критики источника. Он вряд ли приемлем в работе профессионального историка, но в данном случае за него стоит поблагодарить, поскольку он обеспечил сохранение записей разных рассказов в первоизданном виде.

Особенно яркий пример «раздвоения» устной исторической памяти в тексте двух рукописей Потанина связан с пугачевским восстанием. В соответствии с отмеченными выше закономернос-

тиями «устной истории», на 80-летнем пределе давности лет еще сохранялась живая память о реальных событиях при одновременном ее мифотворческом замещении.

Более достоверный вариант повествования о Пугачевщине в Самаре излагается Потаниным в тексте «Записок». Очевидец рассказывал: «Это я вот уж сам видел, лет десятка я был тогда: тут вон на самом-то юру двое мотались на вёселице; один-то черный такой, глаза-то выпучил стра́шны!.. Ну, евтих, кажись, уж сам Муфельсон вздел туда, больно вишь народ-то подбивали к Пугачу [...] Попов-ти целый год под судом содоржа́ли, зачем, вишь, допустили присягу взять городу. Много тогда, вишь, народу гибло безвинного. Благо, что покончили дело-то скоро»¹⁶.

На основании документов, прежде всего, следственных дел, с которыми Потанин не был знаком, точно известно, что повешены были в Самаре действительно двое человек, чьи трупы и пугали рассказчика, бывшего тогда мальчишкой. Это были солдаты, которые перешли на сторону пугачевцев. Верно и то, что самарских священников арестовали и долго держали под следствием за то, что 25 декабря 1773 г. приветствовали приход отряда повстанцев крестным ходом, колокольным звоном и молебном, а затем приводили население к присяге «императору Петру Федоровичу». Во время взятия Самары 29 декабря карательной командой майора К. Муфеля погибло действительно немало местных жителей¹⁷.

Другая версия «пугачевской» истории, превратившаяся в легенду с фантастическими деталями, дословно пересказывается в «Дедушке из Самары». В ней святой митрополит Алексий, небесный покровитель города, ослепил генерала Мансурова, который командовал карательными войсками, а впоследствии исцелил за то, что военачальник сам простил мятежных жителей Самары и испросил для них милость у императрицы¹⁸.

При имеющихся отличиях в «пугачевских» рассказах, собранных Потаниным, есть несколько одинаковых положений, где устные предания солидарны, не противоречат действительности и наблюдениям позднейших историков. Во-первых, это констатация того, что самарские жители не видели никакого зла от повстанцев, в отличие от карателей, приход которых принес беду и страх. Во-вторых, справедливость утверждения о том, что подавляющее большинство населения Самары добровольно и единодушно перешло на сторону Пугачева. В-третьих, указание на то,

что самарские жители за некоторыми исключениями были помилованы и прощены властью, благодаря божественному «промыслу, пекущемуся о благоденствии нашего Отечества»¹⁹, и заступничеству святого Алексия.

Ретроспективные источники «устной истории» и в других случаях выдерживают проверку материалами, о которых ни сам Потанин, ни его информаторы не знали. Так, В.Н. Татищев описывал Самару 18-го столетия как место, население которого сосредоточивалось под защитой укреплений, поскольку «под самым городом» кочевали опасные соседи, «киргисцы и калмыки людей били и в полон брали, и скот отгоняли...»²⁰. О том же вспоминал «Дедушка из Самары»: «Знашь, оно спали-то не так крепко, как ноне: в ты поры и во сне-то грезились всем киргизы да калмыки. Больно, знашь, озорничали, прах их побери. Это нони вон народ-то странный по степе цело лето бродит и спать домой не идет, там и спит в растяжку; ну а в ты поры не то было: бывало чуть к вечеру: все домой, скорее в город в перегончики бегут и едут. А как чуть этак кто посмелее, да остался в степе на ночевку, да развел огонь, ну и не сдобровать ему, это уж не пройдет даром. Калмык-то, знашь, в степе видит огонек; ну на огонь-то из степи и наскочут: народ сонной и поберут, лошадей угонят»²¹. Ему вторит рассказчик из «Записок о Самаре». «Бывало, – говорит Самарский Геродот, – только и знают в сполох жарят; бежишь, – што? – бабу, аль корову калмык увез; такие, пострели их пострелом, пошаливали-таки больно в ты поры»²².

В городских преданиях есть совпадения с рассказами крестьян из окрестных селений, отложившимися в том же архиве РГО, например, жителей села Титовки. Те «в поле тогда выходили не иначе, как большими партиями и с оружием. Женщинам особенно был опасен калмыцкий аркан»²³.

Исход калмыков с Волги и пугачевский бунт в исторических представлениях самарских жителей оказались связанными близостью во времени общими последствиями в виде массовой колонизации Заволжья. Потанин писал: «По словам стариков, явление Пугача произвело общее волнение в этом крае; с того времени как будто начинается новый период – период народного переселения»²⁴. Самара с облегчением рассталась с давними и беспокойными соседями. «С того времени вот и ст[о]ронний народ стал наплывать к нам», – говорили старожилы²⁵. Прежде же, по их словам, «все боялись нашей стороны», а жители верховых волжских городов сочувствовали: «Откуда, говорит, ты? – ну из Самары,

скажешь; – ох, как, говорит, это вы там живете-то? – калмыки-то, говорит, больно у вас там близко». Однако с изменением ситуации в степи, «как учуяли, как в Самаре живем мы по-простецки, ну вот и пошло, и навалились к нам со всех сторон...»²⁶

В первой половине XIX в. самым запомнившимся событием для Самары стала эпидемия 1830 года, называемая «первой холерой». Она закрепилась в общественной памяти благодаря крестным ходам: «Уныние, знашь, нашло на город-то, прятаться стали, кто куда[...] а как подняли ее, Владычицу матушку, да пошли все со слезами, вокруг города-то образа понесли; ну вот и калера отошла, с евтава самого дня, как рукой сняло, никто уж не умер больше. – Вот с евтой поры так уж все и ведется порядок на Воздвиженьё крестам ходить вокруг города»²⁷.

В данном случае также перекликаются оценки из воспоминаний очевидцев в записях Потанина и из архивных дел. Религиозные чувства и активность горожан действительно сыграли важную роль в преодолении эпидемии и недопущении очередного «холерного бунта»²⁸. После крестного хода на Воздвиженье 14 сентября 1830 г. медики, работавшие в Самаре, и жандармские офицеры, следившие за ситуацией, отметили резкое улучшение эпидемиологической обстановки. Уже после 18 сентября в городе не было ни новых случаев этого заболевания, ни вызванных им смертей²⁹.

Чем ближе были сюжеты рассказов, собранных Потаниным, ко времени их записи в середине XIX в., тем больше преобладали в них житейские подробности, тем меньше пережитое осмыслялось информаторами как «старина». Однако все они являются ценными памятниками «устной истории». На их материалах оказалось возможным реконструировать представления об основных событиях и этапах прошлого, сложившиеся у рядовых жителей дореформенного провинциального города.

¹ *Миронов Б.Н.* Ransel D.L. Village Mothers: Three Generations of Change in Russia and Tataria // Российская история. 2002. № 6. С. 196–199.

² *Артамонова Л.М.* Устные предания в записях священников-краеведов как источник по истории заселения Самарской Луки с конца XVII до середины XVIII веков // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1997. № 1. С. 32–33.

³ *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья

в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.

⁴ Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Разряд 34. Д. 15, 19.

⁵ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 9 об.

⁶ Там же. Л. 16 об.

⁷ *Кознова И.Е.* Историческая память российского крестьянства в XX веке. Дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2005. С. 55.

⁸ *Кретишин Г.В.* Об особенностях сохранения памяти о Великой Отечественной войне у населения Калининградской области // Калининградские архивы: материалы и исследования. Вып. 9. Калининград, 2011. С. 127.

⁹ *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и культурная идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 53–54.

¹⁰ *Артамонова Л.М.* Использование методов «истории повседневности» и «устной истории» в реконструкции прошлого вузов культуры (на примере СГАКИ) // Культура и образование. 2008. № 1 (1). С. 31–34.

¹¹ НА РГО. Разряд 34. Д. 19. Л. 6.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Д. 15. Л. 15 и об.

¹⁴ Там же. Д. 19. Л. 6.

¹⁵ *Кузнецов В.А.* Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара–Челябинск, 2008. С. 277–278.

¹⁶ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 10 об.–11.

¹⁷ История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы. Кн. 1. Самара, 2011. С. 87.

¹⁸ НА РГО. Разряд 34. Д. 19. Л. 9 об.–10.

¹⁹ НА РГО. Разряд 34. Д. 15. Л. 11.

²⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Д. 134. Л. 1069.

²¹ НА РГО. Разряд 34. Д. 19. Л. 5 об.

²² Там же. Д. 15. Л. 18 об.

²³ Там же. Д. 6. Л. 12 об.

²⁴ Там же. Д. 15. Л. 3 об.

²⁵ Там же. Д. 15. Л. 15 об.

²⁶ Там же. Д. 19. Л. 7.

²⁷ Там же. Д. 15. Л. 20.

²⁸ *Артамонова Л.М.* Рукописи Г.Н. Потанина «Записки о Самаре» и «Дедушка из Самары» – замечательные памятники «локальной» истории середины XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5-1. С. 229–237.

²⁹ *Артамонова Л.М.* Взаимодействие общества и церкви в русской провинции во время «первой холеры» 1830 года: по материалам Самарского Поволжья // Православные ценности в современном мире: сб. материалов межрегиональной науч.-практ. конф. Самара, 2008. С. 401–402.

КРИЗИС СЕМЬИ В ОЦЕНКЕ П.Ф. КАПТЕРЕВА: ВИНОВАТ ЛИ ПЕТР I?

Инесса Владимировна Усольцева

Институт изучения детства,
семьи и воспитания РАО,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о причинах кризиса русской семьи XIX века, которые выделил выдающийся русский педагог и психолог П.Ф. Каптерев (1849–1922). Статья полемизирует с устоявшимся в научно-педагогической литературе мнением о том, что причиной кризиса семейного воспитания в России ученый считал реформаторскую деятельность Петра I. В статье дается развернутый анализ социально-политической обстановки того времени и утверждается, что прямая отсылка к Петру I была лишь иносказанием. На фоне ужесточения карательно-ограничительной политики в Российской империи того времени П.Ф. Каптерев не мог поставить под удар издание «Энциклопедии семейного воспитания и обучения», в первом томе которой он дает развернутую характеристику кризиса воспитания детей в семье, указав на Великие реформы как источник кризиса. Понимание социального контекста, в котором работал П.Ф. Каптерев, позволяет нам избежать искажений в оценке его творчества.*

***Ключевые слова:** Петр Федорович Каптерев, «Энциклопедия семейного воспитания и обучения», кризис русской семьи XIX века, контрреформы Александра III.*

Выдающийся русский педагог и психолог П.Ф. Каптерев (1849–1922) – фигура авторитетная для большинства современных исследователей проблем образования. Его творчеству и научной биографии посвящено огромное число исследований, среди которых наиболее значимы работы П.А. Лебедева¹, практически вернувшего из небытия имя ученого.

Психолого-педагогические идеи и организационно-просветительская деятельность П.Ф. Каптерева оставили глубокий след среди его современников. Его научное наследие до сих пор

не потеряло своей актуальности. П.Ф. Каптерев одним из первых ученых в теперь уже позапрошлом веке поставил многие вопросы теории и практики педагогики и педагогической психологии: специфика развития ребенка, влияние образовательных учреждений (детского сада и школы) на развитие и психологическое благополучие ребенка, особенности семейного воспитания и обучения, сущностные характеристики педагогического процесса, историческая изменчивость образования и многие другие. Не только его теоретические идеи, но и практические рекомендации педагогам и родителям не утратили своей ценности.

Неудивительно поэтому, что к мнению П.Ф. Каптерева «прислушиваются», оно до сих пор авторитетно в спорах о злободневных проблемах современного образования и воспитания ребенка в семье.

В этой связи интересным будет проанализировать представление ученого о причинах кризиса русской семьи и семейного воспитания, данное им в первом выпуске «Энциклопедии семейного воспитания и обучения»², которая представляла, по мнению Э. Байфорда, «самый амбициозный проект в области консультационной литературы для родителей»³. Дело в том, что традиционно в отечественной научно-педагогической литературе считается, что причины кризиса семьи П.Ф. Каптерев видел в преобразованиях Петра I. И действительно, он прямо указывает в своем тексте на реформаторскую деятельность Петра как источник неблагополучия в русских семьях: «В русскую семейную жизнь, со времени, главным образом, Петра Великого, начали вторгаться иноземные влияния, чуждые элементы и расшатывать вековые устои ея. <...> Родительский авторитет стал колебаться, древняя набожность ослабевать, явилось поклонение иноземным обычаям. Под напором иностранных влияний русская семья стала поддаваться, воспринимать новые начала, преобразовываться»⁴.

Это дает возможность некоторым ученым ссылаться не только на деятельность Петра I как источник кризисных явлений в жизни русской семьи XIX века, но и утверждать, что П.Ф. Каптерев негативно оценивал саму деятельность первого русского императора. Однако мы хотели бы поставить под сомнение такое мнение, приняв во внимание социально-политическую ситуацию в Российской империи того времени.

Время написания П.Ф. Каптеревым указанного произведения (1897 – 1898 годы) – это время сразу после контрреформ Александра III, проведенных в 1889–1894 гг.

Контрреформы осуществлялись как ответ власти на усиление и либеральных и революционных настроений в российском обществе, как попытка вернуть себе полный контроль над российскими гражданами, в том числе – в области просвещения, или говоря современным языком, образования.

Деятельность царского правительства при Александре III в области науки, просвещения и печати была направлена на ограничение тех свобод, которые были заложены в правление Александра II. Издаются ряд жестких законов⁵, усиливавших карательно-ограничительную политику Российского государства того времени.

Аппарат цензуры, который с самого своего зарождения был тесно связан с Министерством народного просвещения как направленный на попечение о «науках и воспитании юношества»⁶, в период контрреформ ограничивает информацию о деятельности учебных заведений, закрывает газеты и журналы, в том числе и педагогической направленности.

Критиковать царское правительство и его деятельность в 1898 году было небезопасно. А для чиновника – П.Ф. Каптерев служил с 1885 по 1917 год по ведомству учреждений императрицы Марии (так называемое Мариинское ведомство) – особенно. Сама «Энциклопедия...» выходила при участии Санкт-Петербургского родительского кружка, представлявшего собой отдел в Педагогическом музее Главного управления военно-учебных заведений Военного министерства, то есть не была исключительно личным делом П.Ф. Каптерева.

Указание на Реформу 1861 года как источник серьезных проблем в русской семье («коренное преобразование», исчезла «цельность русской семьи», «изменяется положение женщины», «старое воспитание отринуто» и т. д. – так характеризует П.Ф. Каптерев положение дел) предсказуемо привело бы к запрещению издавать «Энциклопедию...», если бы причиной были названы Великие реформы. Острополемичным, слишком политизированным звучало бы утверждение педагога о том, что для благополучного завершения кризиса семьи «нужна серьезная работа общества: ему нужно отчетливо понимать те условия, при которых оно ныне живет, нужно направлять кризис к желаемому исходу»⁷.

Но что дает нам возможность утверждать, что П.Ф. Каптерев имел в виду реформаторскую деятельность не Петра I, а Крестьянскую реформу 1861 года как источник коллапса русской семьи? Для этого есть ряд оснований.

Публикации П.Ф. Каптерева, протоколы Родительского кружка⁸, председателем и активным участником которого он был, показывают его критический настрой к существующему положению дел в области образования.

В статье от 1893 года П.Ф. Каптерев критично выскажется о школах Российской империи: «Школа рискует превратиться в мертвенное схоластическое учреждение, не прислушиваясь к биению пульса общественной жизни и не удовлетворяя запросам общества, сторонясь от него»⁹.

По его инициативе в 1896 году в Санкт-Петербургском родительском кружке начнет работу комиссия «для разработки вопроса о влиянии школы на здоровье и умственное и нравственное развитие детей в связи с их желательными, в интересах семьи, *переменами в школьной организации* [курсив – И. У.]»¹⁰.

Да и во втором издании «Основ семейного воспитания» (1913)¹¹ мы уже не найдем отсылку к Петровской эпохе. В нем нет и подробного анализа кризисного состояния семейного воспитания в русских семьях, анализа изменившегося положения женщин, отсутствия «руководящего педагогического предания в семьях»¹² и т.д.

Еще одним аргументом в пользу Реформы 1861 года как «виновника» кризиса русской семьи в мнении П.Ф. Каптерева является указание в тексте анализируемого произведения на возраст матерей, которые по-новому воспитывают своих детей. «То воспитание, которое получили нынешние матери, имеющие *около 40 лет от роду* [курсив – И. У.], и то, которое они дают своим детям, часто представляют полную противоположность»¹³. Несложно посчитать: к 1898 году тем, кто родился в 1862 году, то есть после Крестьянской реформы, исполнилось 36 лет.

Иносказание, намек не был чем-то исключительным в истории русской литературы и научной периодики царской России. Эзопов язык используют такие видные общественные деятели, как Н.Г. Чернышевский и Е.И. Конради, анализируя рабство в США, что позволяет им донести до общественности негативные оценки современной ситуации в крепостной России, которые не пропустила бы цензура, будь они изложены прямо и недвусмысленно.

Таким образом, мы считаем, что именно «жесткая» цензурная политика того времени была причиной выведения П.Ф. Каптеревым причин кризиса русской семьи из реформаторской деятельности Петра I. Вся система его философско-педагогических

воззрений, отраженная в его научных работах, позволяет утверждать, что основу семейного кризиса российской семьи того времени П.Ф. Каптерев видел в реформах 60-х годов XIX века.

Почему так важно понять, в каких реформах (современных ему или давно прошедших) видел П.Ф. Каптерев причины кризиса российской семьи?

Такое прочтение классика педагогики и педагогической психологии позволяет «добавить» веса аргументам против реформаторской деятельности Петра I. Отголоски этой мировоззренческой позиции мы находим в развернутых спорах о системе образования в современной России, когда интеграция российского образования в мировое пространство позиционируется как уход от самобытности российского (советского) образования. Реформаторы образования видятся такими множественными петрами первыми, которые, вырубая «окно в Европу (европейское образование)», в щепки разнесли методологические и научные основания образования, благодаря которому человек полетел в космос, построил мощное государство патриотов своей Родины. Стандартизация обучения, система тестовой оценки знаний обучающихся, аттестация педагогических кадров, необходимость сотрудничать с семьей ученика в среднем образовании, усиление ориентации высшего образования на практику и многое другое – вызывают устойчивые ассоциации с преобразованиями Петра I.

В области гуманитарных наук отношения ученых с властью и к власти составляют важный компонент научной картины мира, которая в конечном счете проецируется в социальную реальность, превращая научные знания в культурную универсалию (В.С. Степин¹⁴), в общекультурную картину мира (В.Н. Сагатовский¹⁵).

По отношению к педагогической науке и педагогической деятельности проекция идеалов ученых в «умы» и «нравы» имеет, наверное, самый короткий путь. Миропонимание педагога, его личностная позиция влияют на его учеников, формируют их собственные жизненные ориентиры и ценностно-смысловые установки. Отсюда такой большой общественно-политический резонанс имеет мировоззренческая укорененность педагогических подходов к анализу педагогических и общественных явлений. И за вопросом «в чьих реформах видел Каптерев источник кризиса русской семьи?» скрывается приглашение к полемике о целесообразности революционных модернизаций образования

и семейного воспитания в духе Петра I, о роли иностранных влияний на российское общество и российскую семью как его часть.

Историко-психологическая реконструкция психолого-педагогического знания оказывается особенно актуальна в современном обществе, поскольку именно эта область знания затрагивает существенные вопросы о месте человека в современном мире, его роли в трансформации современного общества и мере ответственности за грядущее постинформационное будущее.

Точность и беспристрастность такой реконструкции, безусловно, малодостижимы, если исследователь занимает позицию «наивного наблюдателя», не склонного читать между строк с учетом реалий ушедшей эпохи.

¹ *Лебедев П.А.* Педагогическое наследие П.Ф. Каптерева // Начальная школа. 1974. № 7. С. 70–74; *Лебедев П.А.* Общественно-педагогическая деятельность П.Ф. Каптерева в годы Советской власти (к 125-летию со дня рождения) // Советская педагогика. 1974. № 8; *Лебедев П.А.* П.Ф. Каптерев – видный педагог России второй половины XIX – начала XX столетия // Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982. С. 7–34.

² Энциклопедия семейного воспитания и обучения: в 59 вып. СПб., 1898–1910.

³ *Байфорд Э.* Родитель, учитель и врач: к истории их взаимоотношений в деле воспитания и образования в дореволюционной России [Электронный ресурс] // Новые российские гуманитарные исследования. 2013. № 8. Режим доступа: <http://nrgumis.ru/articles/archive/>

⁴ *Каптерев П.Ф.* Задачи и основы семейного воспитания // Энциклопедия семейного воспитания и обучения: в 59 вып. СПб., 1898. Вып. 1. С. VIII.

⁵ Т. н. «Манифест о незыблемости самодержавия», 1881; «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлению некоторых местностей империи в состоянии усиленной охраны», 1881; «Временные правила о печати», 1882; «Положение о земских участковых начальниках», 1889 и др.

⁶ Устав о цензуре 10 июня 1826 года. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1. № 403. С. 551.

⁷ *Каптерев П.Ф.* Указ. соч. С. IX.

⁸ *Каптерев П.Ф.* Недостаток современного семейного воспитания // Воспитание и обучение. 1892. № 11. С. 393–401; *Каптерев П.Ф.* Трудности семейного воспитания // Воспитание и обучение. 1892. № 1. С. 1–13; *Корсакова Е.* Протокол заседания Родительского кружка // Воспитание и обучение. 1892. № 7–8. С. 325–328.

⁹ *Кантерев П.Ф.* Что может сделать школа для развития характера учащихся. Образование. 1893. № 1. С. 1–18.

¹⁰ Протокол заседания Родительского кружка // Воспитание и обучение. 1896. № 1. С. 34.

¹¹ *Кантерев П.Ф.* Энциклопедия семейного воспитания и обучения. Вып. 1: Задачи и основы семейного воспитания. СПб., 1913. 123 с.

¹² *Кантерев П.Ф.* Задачи и основы семейного воспитания // Энциклопедия семейного воспитания и обучения: в 59 вып. СПб., 1898. Вып. 1. С. X.

¹³ *Кантерев П.Ф.* Указ. соч. С. VIII.

¹⁴ *Степин В.С., Кузнецов Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. 274 с.

¹⁵ *Сагатовский В.Н.* Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения): в 3 ч. СПб., 1999. Ч. 2: Онтология. С. 4–25.

Секция 2. Историческая память
и конструирование социальной реальности

**ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ
ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА¹**

Людмила Николаевна Мазур

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург.

***Аннотация.** В статье анализируются интерпретационные возможности теории социального проектирования и понятия «социальный проект» как концепта, позволяющего переосмыслить переменны, произошедшие в российском обществе после Революции 1917 года, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании.*

Использование теории социального проектирования ставит перед историком ряд методологических проблем: 1 – необходимость адаптации понятий и положений социологической теории к практике конкретно-исторических исследований; 2 – уточнение, по отношению к каким историческим событиям корректно говорить о проектировании как способе изменения существующей реальности.

***Ключевые слова:** социальное проектирование, социальный инжиниринг, социальный проект, механизмы социального проектирования, раннесоветское общество.*

Существуют разные подходы к изучению событий раннесоветской истории, среди них в последние десятилетия наиболее востребованной была концепция тоталитаризма, объясняющая особенности организации советского государства, но не причины его возникновения. В этой связи особый интерес представляет проектный подход, оформившийся в рамках теории социального

проектирования. В соответствии с ним история СССР, особенно период его становления, рассматривается как опыт реализации идеи создания общества будущего, свободного от эксплуатации, социального неравенства и обеспечивающего равные возможности для каждого человека. Эта попытка оказалась не вполне успешной и привела к формированию тоталитарного государства. Тем важнее осознать, почему так произошло, почему результат советского проекта кардинально отличался от запланированного?

Исторический опыт Советского Союза интересен еще и потому, что вышел за пределы локальных государственных границ и привел к формированию новой мир-системы, вовлекая в орбиту своего влияния другие государства – страны Восточной Европы, Азии, Латинской Америки. Эффект трансгрессии, продемонстрированный Советским Союзом и связанный с распространением социалистических идей и практик, стал отражением совокупного влияния идеологических, геополитических, экономических, историко-культурных факторов, среди которых особое место занимает социалистическая идея.

Проектный подход: логика развития методологии

Всего в становлении проектного подхода можно выделить несколько этапов, последовательность которых отражает логику перехода от практики к теории; а в философском смысле от утопии – к практопии. Первый этап (методический) охватывает вторую половину XIX – начало XX века и характеризуется становлением проектного подхода как технологии, связанной с внедрением инноваций; второй этап (практический) – 1920–1950-е гг. – непосредственно связан с применением идей социальной инженерии на макросоциальном уровне; третий этап (теоретический) – 1960–1980-е гг. – оформление теорий социального проектирования как междисциплинарного научного направления; четвертый этап (методологический) – конец XX – начало XXI в., когда прикладная теория приобретает статус методологического подхода, используемого в смежных науках, в том числе в истории.

Появление проектного метода обычно связывают с именем американского философа и педагога Джона Дьюи (1859–1952), предложившего его как технологию обучения, а использование термина «социальный проект» – с деятельностью британс-

ких общественных деятелей Сиднея и Беатрисы Вебб, которые в конце XIX века обозначали им реформы в социальной сфере².

В 1920-е гг. интерес к проектному подходу активизировался в Советской России, этими идеями были пронизаны исследования в области научной организации труда³, а также социальной инженерии, призванной создать «нового человека». Уверенность в возможности конструирования нового мира была свойственна не только массовому сознанию, но и науке этого времени. Так, например, Л. Выготский писал: «В плане будущего, несомненно, лежит не только переустройство всего человечества на новых началах, не только овладение социальными и хозяйственными процессами, но и “переплавка” человека»⁴.

Первый в истории опыт строительства социалистического общества опирался на утопические представления о будущем, сформированные коммунистической пропагандой, и это не могло не отразиться на его результате. В 1930-е гг. социальное экспериментаторство было осуждено, возобладала консервативная тенденция, проявившаяся в том числе в волюнтаризме управленческих решений, отказе от их рационального обоснования в пользу идеологических ценностей. Любопытно, что примерно в то же время Германия переживает свой опыт строительства нового государства – Третьего рейха, фундамент которого также составляли идеи создания империи, претендующей на мировое господство.

В 1950-е годы в СССР социальное проектирование, как управленческая технология, было реабилитировано и востребовано не только в практическом, но и в теоретическом плане. Пик популярности идей социального проектирования/конструирования в нашей стране приходится на 1970–1980-е гг. – эпоху научно-технической революции – и связан с именем И. Ляхова⁵. Им были разработаны базовые принципы социального конструирования (системное представление объекта; выделение центральной идеи; использование механизмов типизации и эквивалентного замещения), получившие дальнейшее развитие в работах советских социологов Ж.Т. Тощенко, И.В. Бестужева-Лады, Т.М. Тридзе, Д.Б. Дондуря и Л. Когана⁶. Но вплоть до 2000-х годов в российском научном сообществе сохранялось убеждение в том, что социальное проектирование – это сугубо прикладная теория, которая полезна для «организации эффективной социальной работы и преодоления разнообразных социальных проблем»⁷.

В отличие от советской науки в зарубежной социологии развитие прикладного направления социального проектирования шло параллельно с его философским осмыслением. В 1945 г. была опубликована работа К. Поппера, в которой понятие «социальное проектирование» было концептуализировано и использовано для анализа тоталитарных режимов⁸. По мнению ученого, основу проектирования на макросоциальном уровне составляло утопическое мышление. В качестве примеров «утопической инженерии» он приводил СССР сталинского периода, а также гитлеровскую Германию, подчеркивая роль сильной центральной власти (диктатуры) в создании *идеального* государства⁹. Позднее американский социолог Эл. Тоффлер предложил теорию «практопии» – системы социальных реформ, направленных на построение не идеального, но более совершенного, чем существующее, общества¹⁰. Эти два понятия (утопия и практопия) стали базовыми концептами для понимания политических явлений новейшего времени. Кроме того, они отражают логику развития проектных практик: первая половина XX века характеризуется попытками реализации преимущественно утопических проектов, вторая – связана с переходом к идее практопии, основанной на научном обосновании социальных преобразований и их рациональной оценке.

Значительный вклад в развитие проектного подхода, переведя его в статус методологической концепции второго уровня, внесли П. Бергер и Т. Лукман. В 1966 г. они опубликовали монографию «Социальное конструирование реальности»¹¹, где выделили четыре базовых технологии преобразования идеальных конструкций в реальность: *хабитуализацию* – превращение новых идей в повседневность через воздействие на память и традиционные практики (уровень – личность); *типизацию* – конструирование новой реальности через внедрение новых образцов поведения и отношений и превращение их в типичные, повторяющиеся формы взаимодействия (уровень – социальная группа); *институализацию* – воплощение новых идей на уровне общества, признавшего эти идеи и сделавшего их коллективными представлениями (макроуровень), и *легитимацию* – процесс придания новым институтам и отношениям статуса традиции (макроуровень).

В дополнение к выделенным выше механизмам конструирования можно добавить еще коммеморацию, которая представляет собой технологию манипулирования исторической памятью

общества, поддерживающей процессы хабиитуализации и легитимации, т.е. внедрение инноваций в массовое сознание.

В совокупности рассмотренные выше теоретические разработки в области социального проектирования сформировали базу проектного подхода, достаточную для анализа явлений прошлого, их селекции и интерпретации.

Основные понятия проектного подхода: опыт междисциплинарной конвертации

Интерес к проектному подходу как методологической основе исторических интерпретаций отчетливо проявился в зарубежной историографии в 1990-е гг.¹² Идея социального проектирования получила отражение в работе О. Файджеса, посвященной истории Русской революции, которая, по его мнению, положила начало самому грандиозному в истории человечества эксперименту в области социальной инженерии¹³. Проектный подход применительно к изучению раннесоветской истории используется и в работах других зарубежных исследователей¹⁴.

В отечественной историографии проектный подход пока не нашел широкого применения, хотя его аналитический потенциал отмечен в статьях Л.И. Семенниковой и А.И. Фурсова. Исключение составляет исследование М. Мееровича, который, используя проектный подход, выделил и охарактеризовал основные направления конструирования советского государства¹⁵.

В настоящее время среди историков сформировались несколько точек зрения на возможность использования проектного подхода для анализа исторических явлений: одни исследователи считают, что социальное проектирование, как управленческая технология, использовалось всегда и эта концепция подходит для изучения событий (в частности политики) любого исторического периода; другие отмечают, что его можно привлекать для анализа исторических фактов, начиная с рубежа XIX и XX вв. – времени ранних проектных практик; третьи полагают, что социальное проектирование распространяется не ранее 1960–1970-х гг., когда происходит оформление проектного подхода как научной теории со своей методологией и методами и он находит широкое применение в качестве стандартного инструмента управления¹⁶. В связи с этим встает проблема уточнения понятийного

аппарата проектного подхода, а также той предметной области, где он может быть использован.

Понятие «социальное проектирование» в современной научной литературе трактуется как вариант или этап принятия управленческого решения, связанный с выбором альтернативы на основе прогноза развития социальных процессов и явлений. Для задач исторического исследования интерес представляет более широкая трактовка: социальное проектирование – это *вид деятельности, суть которого состоит в научно обоснованном конструировании индивидом, группой или организацией системы параметров будущего социального объекта или качественно нового состояния существующего объекта*¹⁷.

Чтобы очертить область применения проектного подхода в исторических исследованиях, необходимо уточнить характер анализируемых исторических явлений. Прежде всего, они должны быть связаны с принятием управленческих решений, чаще всего стратегических, слабоформализованных, ориентированных на внедрение инноваций, результаты которых можно спрогнозировать. Они должны отвечать требованиям системности и научной обоснованности. В этом случае из зоны исторического анализа выпадают исторические факты и явления, связанные с разработкой оперативных и/или запрограммированных управленческих решений, основанных на интуиции, прошлом/чужом опыте и стандартных процедурах, т. е. тех управленческих практиках, которые преобладали в историческом прошлом вплоть до начала XX века.

Проектирование представляет собой сложный процесс, имеющий свою логику и последовательность действий. Оно включает следующие виды работ: 1 – формулировка идеи и концепции проекта; 2 – разработка программы; 3 – реализация проекта; 4 – коррекция проекта; 5 – завершение работ и оценка результата. Эти задачи соотносятся с *основными этапами проектирования*, которые можно обозначить как «конструкция–реконструкция–деконструкция». Первый этап – *конструкция* – это преимущественно интеллектуальная деятельность, суть которой состоит в моделировании будущего объекта, а также разработке основных стратегических и тактических вопросов его конструирования. Второй этап – *реконструкция* – это процесс создания проектируемого объекта в соответствии с научно обоснованными идеальными представлениями. В процессе конструирования на

основе приобретенного опыта может проводиться коррекция первоначальных представлений об объекте исследования. Это характерно для проектов, где объект исследования достаточно сложен и у разработчиков проекта отсутствует полная информация о нем. Заключительная стадия – *деконструкция* – построение улучшенного/компромиссного варианта проектируемого объекта с учетом его корректировки. Деконструкция может включать процедуры частичного или полного демонтажа сконструированного на ранних стадиях объекта или введение нового режима (условий) его функционирования.

Таким образом, социальный проект переживает определенные стадии трансформации идей и целей, что влияет на итоговый результат и его адекватность первоначальным представлениям.

В зависимости от сроков реализации выделяются кратко-, средне-, и долгосрочные проекты. Чем длительнее срок реализации, тем выше уровень неопределенности результата, поскольку корректировки могут касаться не только цели, но и субъекта, программы, да и сам объект проектирования имеет внутреннюю энергетику и постоянно меняется под влиянием внутренних и внешних факторов.

Структура социального проекта состоит из следующих элементов: объект; субъект проектирования и конструирования; идея будущего; программа (цель и задачи); механизмы и инструменты конструирования; результат (прогнозируемый и реальный).

Объектами социального проектирования могут быть: человек; социальные группы; общественные отношения (экономические, политические, идеологические, семейно-бытовые, межличностные, эстетические и пр.); социальные институты (семья, власть, образование, религия и проч.); организации (промышленные, сельскохозяйственные, культурные, общественные, государственные и пр.); общество в целом как исторически сложившаяся на определенной территории система отношений и форм жизнедеятельности людей.

Общество – наиболее сложный объект проектирования, поскольку представляет собой социальный организм, целостность которого обеспечивается взаимодействием многочисленных составных частей и элементов (социальных институтов, групп и отдельных индивидов) и наличием устойчивых связей между ними. Даже небольшие инновации способны вызвать системную перестройку, в том числе повлиять на устойчивость/стабильность общества, породить функциональные сдвиги.

В зависимости от объекта проектирования выделяются следующие виды проектов: 1) микропроекты, ориентированные на моделирование локальных объектов – организаций, учреждений, а также элементов повседневности; 2) малые проекты нацелены на создание новых социальных групп или отношений; 3) макропроекты – это программы обновления общества в целом; 4) выделяют еще мегапроекты, к которым относятся целевые программы, ориентированные на преобразование отдельных сторон жизни общества. Проекты различаются не только объектом проектирования, но и масштабами ресурсного обеспечения, размахом работ по реализации, а также значимостью результата.

Интерес также представляет классификация объектов социального проектирования по сфере деятельности (научно-технические проекты, политические, экономические, культурные и проч.). Они различаются уровнем прогнозируемости: проекты в социальной сфере, особенно в области культуры и науки, обладают наиболее высоким уровнем неопределенности, поэтому просчитать их результаты практически невозможно.

Субъектом социального проектирования выступают отдельные личности и группы, а также организации и институты. Субъект выполняет функции инициатора, разработчика, исполнителя проекта. Эти функции могут быть сконцентрированы у одного лица (микропроектирование) или распределены между различными людьми (мега- и макропроектирование), разделенными в пространстве и во времени, что порождает проблемы коммуникаций. В случае коллективного варианта социального проектирования основные семантические барьеры возникают в следующих транзитных зонах: трансформация научных идей в цели проекта; между целями и планами/программами их реализации (между стратегическим и тактическим уровнем управления); между разработчиками программ и исполнителями; существуют также проблемы обратной связи, связанные с нарушением вертикальных коммуникаций.

Таким образом, проблемы межличностных и организационных коммуникаций в ходе разработки и реализации социального проекта становятся центральным вопросом исторического анализа, т. к. именно этот процесс оказывается наиболее значимым для конечного результата. Следует также учесть особенности коммуникаций, связанных с трансформацией идей:

преобразование теоретических представлений (идей) в реальный проект (цель) решается, как правило, за счет их упрощения и мифологизации.

Идея социального проекта – это то изменение социальной среды или нововведение, на которое направлен проект. Идея содержит теоретические представления о желаемом будущем, которые опираются на научный прогноз, имеющийся опыт или отрицание его, в последнем случае ориентиром становится утопия. Идея включает ценности и нормы. Они соответствуют *мировоззренческой позиции* субъекта проектирования и конструируют *идеал*, который в социальном проекте выполняет двоякую функцию – прогнозную, т. е. представляет собой желаемый образ будущего; и регулирующую, задавая для субъекта проектирования ориентиры в выборе социальных практик.

Программа социального проекта (цель и задачи) непосредственно связана с разработкой плана действий, направленного на достижение цели. Программа, как правило, представляет собой организационно-правовой акт, в котором содержится обоснование цели, выбранной альтернативы, направлений и механизмов ее достижения, ресурсного обеспечения и этапов реализации. Программа учитывает конкретно-исторические условия, т. е. ориентирована на практику, и реализует нормативные, а в некоторых случаях и правовые функции. Документирование является обязательным условием проектного решения и может рассматриваться как дополнительный ориентир для идентификации исторического явления как социального проекта. В качестве исторических аналогов программных документов могут выступать проекты, манифесты, уставы, планы и др. разновидности организационно-правовой документации, связанной с внедрением инноваций/реформ.

Результат социального проекта – это то, что получает субъект проектирования в итоге своей деятельности. Результат может совпадать с целью проекта, но может и не совпадать, поэтому следует различать планируемый результат и реальный. Историческая практика социального проектирования сталкивается также с таким феноменом, как *мнимый* результат. Он отличается декларативностью и, как правило, сопровождается различными статистическими манипуляциями, призванными продемонстрировать достижение заявленных целей. Подведение итогов первой пятилетки является типичным примером подобных практик¹⁸.

На результат влияют все элементы проекта, но прежде всего субъект. В социологии даже используется понятие «проектная субъектность», которая включает оценку возможностей и способностей субъекта проектирования, т. е. объективных и субъективных предпосылок реализации проекта. *Возможности* субъекта задаются объективными условиями среды, в том числе уровнем сложности проектируемого объекта, наличием экспертного сообщества, способного дать объективную оценку проекту и спрогнозировать результат, обеспечением необходимыми ресурсами и технологиями, которые определяются уровнем развития науки. Немаловажную роль играет готовность общества к инновациям. *Способности* субъекта относятся к факторам личности, определяющим человеческие (морально-этические, деятельностные/лидерские) качества субъекта. Субъект проектирования является частью общества, включен в сферы его жизнедеятельности, соответственно он выступает носителем общепринятых моделей поведения, системы ценностей, что находит отражение в его позиции (жизненной концепции) – охранительной/консервативной; реформаторской/либеральной или революционной/разрушительной.

Особенности субъекта проектирования, его мировоззрение и жизненные стратегии непосредственно влияют на стратегию и тактику реализации социального проекта, а также используемые механизмы. Рассмотренные П. Бергером и Т. Лукманом технологии конструирования в исторической практике реализуются через набор инструментов социального регулирования, к которым относятся инфраструктурные (право, власть как инструмент насилия, пропаганда, образование, средства массовой информации и проч.) и личностно ориентированные технологии (воспитание, коммеморация, идеология, религия, система контроля, искусство, наука, агитация). Инфраструктурные технологии ориентированы в первую очередь на регулирование поведения и формирование новых поведенческих моделей, личностно ориентированные – формируют сознание. Механизмы социального конструирования могут носить репрессивный, запретительный, либеральный, демократический характер, т. е. различаются по степени свободы и защищенности личности. Противоречие между идеями проекта и механизмами его реализации является одной из причин получения неадекватного результата, носителем этого противоречия обычно выступает субъект, реализующий функции исполнителя.

Таким образом, проектный подход акцентирует внимание исследователей на *субъективном факторе исторического процесса* и позволяет охарактеризовать его роль, проследить влияние на направленность, динамику, а в некоторых случаях на характер исторических процессов. Чем сложнее и глобальнее социальный проект, тем больше людей задействованы в его разработке и реализации, тем сложнее задача согласования и преемственности проектных решений, тем непредсказуемее конечный результат.

Раннесоветское общество как социальный проект

В истории России проектный подход начинает использоваться в позднеимперский период, но эпизодически, поскольку отсутствовала система поддержки управленческих решений, их научного обоснования и прогнозирования. Поэтому особенностью социальных проектов досоветского времени была их ориентация не на экспертную оценку, а на западный опыт. Каждая такая попытка оставалась незавершенной и сопровождалась традиционалистским «откатом», оставляя в наследие следующим поколениям неразрешенные вопросы: в сфере экономики – аграрный вопрос; в сфере политики – задачу ограничения самодержавия; в сфере культуры – преодоление культурного раскола и т. д.

Макросистемный опыт социального проектирования характерен для советской истории, особенно для ее начальной стадии (1917–1930-е гг.). В этом смысле раннесоветское общество представляет собой уникальный пример масштабного целенаправленного конструирования общества социальной справедливости, свободы, равенства. Идеи, положенные в основу проекта, были сформулированы в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина и других теоретиков коммунизма и тактически конкретизированы в программных документах РСДРП/РКП(б)/ВКП(б), а также трудах политиков советской эпохи.

Особенностью «советского проекта» была ориентация на идеи, которые носили утопический характер, т. е. не могли быть реализованы в то время и в том виде, как планировалось. Утопичность целей, отсутствие четких представлений об обществе будущего и конкретно-исторические условия реализации проекта, способствовали, с одной стороны, мифологизации проектных стратегий, а с другой стороны, радикализации практик с опорой на насилие.

Субъектом советского проекта была Российская социал-демократическая/Коммунистическая партия и советская власть (руководители всех рангов и партийные идеологи), а также народные массы, вовлеченные в коллективную проектную деятельность; объектом стало российское общество на всех уровнях его организации (макро-, мезо-, микроуровень); в качестве инструментов социального конструирования был использован весь спектр властных рычагов, в том числе законодательство, налоги, цензура, система чрезвычайных органов, обеспечивающих безопасность власти. Особая роль в создании нового общества отводилась средствам массовой информации, образованию, науке, искусству, воздействующим на сознание человека, его мировоззрение. Пропаганда, агитация и воспитание, в том числе «трудом», стали основными инструментами социального инжиниринга, направленного на создание нового «советского» человека – носителя особых качеств, сформулированных позднее в Моральном кодексе строителя коммунизма¹⁹.

Советский проект охватил в общей сложности более 40 лет (с 1903 г. по 1930-е гг.) и прошел несколько этапов, непосредственно связанных со стадиями его разработки и реализации:

– *предреволюционная эпоха* (1903–1917 гг.) – время формирования РСДРП как партии радикального типа, ориентированной на подготовку революции, захват власти для реализации задач строительства коммунизма. Этот этап деятельности партии характеризуется сосредоточением усилий на вопросах борьбы против существующего строя, что повлияло на формулировку конечных целей деятельности, отрицающей предшествующий исторический опыт. С точки зрения «советского проекта» это время обсуждения путей преобразования капиталистического общества в коммунистическое и его базовых черт;

– *революционная эпоха* (октябрь 1917–1923 гг.) – захват власти РСДРП(б) и реализация программы строительства коммунизма в форме **радикальной модели**, получившей название «военный коммунизм» (конструкция);

– *переходная эпоха* (1924–1929 гг.) социалистической *реконструкции* связана с возрождением многоукладной рыночной экономики и поисками путей строительства коммунизма, альтернативных «военному коммунизму» (**нэповская/псевдолиберальная модель**);

– *сталинская эпоха* (1930-е гг.) – время кристаллизации, окончательного оформления советского строя, включающего *деконструкцию* псевдолиберальной/нэповской модели, ее демонтаж на основе ***тоталитарной модели***.

Результаты советского проекта заметно отличались от первоначальных представлений. В СССР была реализована тоталитарная модель общества, где принципы социальной справедливости, свободы, равенства и братства были заявлены в Конституции, но не выполнялись на практике. Причиной этого была не только утопичность первоначальных представлений об обществе будущего, но наличие объективных границ социального конструирования для разных объектов (экономика, культура, человек и проч.). Натолкнувшись на них, советский проект на протяжении 1920–1930-х годов неоднократно менялся, пытаясь приспособиться к внутренним закономерностям конструируемых социальных объектов и их системным характеристикам. Итоговую советскую модель общества можно рассматривать как компромиссный вариант, основанный на новом соотношении идей, стратегических и тактических целей, положенных в основу коммунистического проекта. Компромисс проявился в переносе коммунистической перспективы на более отдаленный срок и признании возможности построения социализма как начальной стадии коммунистической формации в отдельно взятой стране.

Одним из результатов советского проекта стала «раздвоенная» историческая реальность, демонстрирующая мнимый результат «советского проекта»: объективизированная реальность – советское общество как новая система неравенства и несвободы; субъективизированная реальность – представления советских людей о том, в каком обществе они живут. Субъективизированная реальность представляет собой результат социального инжиниринга и связана с перекодировкой массового сознания с использованием коммунистических символов и практик веры.

Выводы

Историческая наука оперирует историческими фактами, которые есть ее основное содержание и продукт. Общеизвестным является двуединство эмпирического и рационального начала исторического факта, т.е. это события, явления прошлого, реаль-

ность которых была удостоверена и реконструирована в ходе исторического исследования²⁰.

Поскольку факт отражает историческую реальность, то ему присуща пространственно-временная определенность, а также смысл/содержание, отражающее сущность исторического явления или процесса. Задачей исторического исследования является реконструкция этих аспектов с соблюдением требований доказательности, достоверности, т. е. создание адекватного описания исторического факта.

Исторические факты чрезвычайно многообразны: различаются в зависимости от пространственно-временной протяженности простые и сложные факты, по предметной содержательности – факты экономической, социальной, политической, культурно-идеологической жизни и т. д.; по системе присущих им взаимосвязей – статистические/массовые и единичные/уникальные. «Социальный проект» в этом разнообразии фактов исторической реальности занимает особое место и представляет собой разновидность *сложноструктурированного явления, являющегося результатом управленческих практик*.

Для социального проекта как исторического факта свойственны следующие черты: во-первых, ориентация на будущее, представления о котором носят прогнозный характер и подпитываются часто утопиями; во-вторых, опора на научные или квазинаучные методы, в том числе на моделирование, неизбежно упрощающее реальность; в-третьих, коллективный характер субъекта проектирования – чаще всего это группа людей (теоретиков, управленцев, исполнителей), взаимодействие внутри которой может осложняться временным, территориальным, социальным факторами; в-четвертых, в силу неопределенности будущего реальный результат реализации социального проекта может существенно отличаться от планируемого в результате трансформации и перекодирования первоначальных идей в цели и задачи.

Использование проектного подхода для объяснения исторических явлений предполагает понимание его исторической обусловленности, поскольку он получает развитие в практике управления сравнительно поздно. В качестве важнейших условий/предпосылок распространения проектного подхода, как варианта исторических практик, выступают рационализация и формализация процессов управления, а также распространение механистических представлений о роли научного знания, которые склады-

ваются на рубеже XIX–XX вв. В этом смысле новейшая история в известной степени представляет собой результат использования современных управленческих технологий и должна исследоваться с учетом этого социального фактора.

Таким образом, социальные проекты представляют собой особую разновидность исторических фактов, связанных с деятельностью по преобразованию окружающего мира в соответствии с идеальными представлениями о том, каким он должен быть. Изучение исторических социальных проектов направлено, прежде всего, на *анализ прошлого опыта*, а задачи исторического исследования смещаются с прогнозирования на оценку эффективности результатов проектов, понимание причин и предпосылок реализации исторического эксперимента, условий разработки идей и их трансформации в политические решения, механизмов и социопсихологических закономерностей разработки и реализации проектов.

¹ Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

² *Горбачев О.В.* Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 29–50.

³ *Гастев А.К.* Как надо работать. 2-е изд. М., 1972; *Витке Н.А.* Организация управления и индустриальное развитие. М., 1925.

⁴ *Выготский Л.* Психология искусства. М., 1986. С. 238.

⁵ *Ляхов И.И.* Социальное конструирование. М., 1970.

⁶ *Тощенко Ж.Т.* Социальное проектирование (методологические основы) // *Общественные науки.* 1983. № 1. С. 12–22; *Бестужев-Лада И.В.* Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества. М., 1987; *Дридзе Т.М.* Прогнозное проектирование в социальной сфере как фактор ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса: теоретико-методологические и «технологические» аспекты // *Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования.* М., 1986. С. 84–125; *Дондурей Д.Б.* Социальное проектирование в сфере культуры: поиск перспективных направлений // *Социальное проектирование в сфере культуры: методол. проблемы.* М., 1986. С. 7–28.

⁷ *Луков В.А.* Социальное проектирование: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 3.

⁸ *Поннер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992.

⁹ Там же. С. 203

¹⁰ *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века / Пер. с англ. М., 2009.

¹¹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

¹² *Benford R.D., Hunt S.A.* Dramaturgy and Social Movements: The Social Construction and Communication of Power // *Sociological Inquiry*. 1992. №. 62. P. 35–55; *Rethinking Labor History: Essays on Discourse and Class Analysis*. Urbana, 1993; *Kotkin S.* Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995; *Negt O., Kluge A.* Geschichte und Eigensinn. Frankfurt am Main, 2001; *Obertreiss J.* Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937. Köln, 2004; *Plaggenborg S.* Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln, 1996.

¹³ *Figes O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution. London, 2014.

¹⁴ *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2005; *Терри М.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011; *Davies S., Harris J.* Stalin's World, Dictating the Soviet Order. New Haven, 2014.

¹⁵ См., например: *Семенникова Л.И.* В поисках теоретических инструментов: советский проект // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2015. № 2. С. 3–15; *Фурсов А.И.* Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии // *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. науч. ст.* М., 2012. С. 220–263; *Меерович М.* СССР как мегапроект // *Следующий шаг [Электронный ресурс]*. 2009. № 7/8. С. 76–97. URL: <http://polit.ru/article/2009/06/03/sss/>

¹⁶ *Философия техники: история и современность.* М., 1997; *Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций.* М., 2008; *Луков В.А.* Социальное проектирование: учеб. пособие. 3-е изд. М., 2003.

¹⁷ *Луков В.А.* Социальное проектирование. С. 7.

¹⁸ *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки: Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. // *Сочинения.* М, 1951. Т. 13. С. 161–215.

¹⁹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1–3.

²⁰ *Уваров А.И.* Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973. С. 21–22.

ПОНЯТИЕ «ПСИХОЛОГИЯ НАРОДОВ» И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Илья Алексеевич Женин

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается становление и развитие понятия «психология народов» как особого направления познания, возникшего в XIX столетии, и проблема конструирования образа России в интеллектуальном пространстве Германии на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделяется становлению «психологии народов» как строгой научной дисциплины, базирующейся на объективном принципе познания и верифицируемости результатов. Первая мировая война показала несостоятельность подобного рода сциентистской схемы. В Германии это отразилось в поиске подчеркнуто субъективных и иррациональных объяснений характера и души России и русских, отразившиеся в поиске ответов о причинах революции в России.*

***Ключевые слова:** Германия, Россия, психология народов, революция, В. Вундт, О. Шпенглер.*

Проблема взаимного восприятия народов имеет достаточно долгую историю, истоки которой прослеживаются со времен античности¹. Действительно, гносеологический и эвристический потенциал, заложенный в сопоставлении «своего» и «чужого», выходит за рамки какой-то одной дисциплины и представляет междисциплинарное поле *per se*, что, собственно, и привлекало исследователей в различные времена и эпохи.

Поиск идейных оснований для решения проблемы разобщенности и стремление к национальному единству актуализировал на рубеже XVIII–XIX вв. научные изыскания, в центре которых находилось выявление особенностей отдельных народов, сопоставление одних народов с другими, для понимания и определения собственной национальной идентичности. Одним из направле-

ний, которое выделяется в этот период, становится «психология народов», которая содержательно и терминологически имела отсылку к понятию «народного духа», сформулированному Шарлем Монтескьё в эпоху Просвещения².

Этот процесс усилился в период Французской революции и Наполеоновских войн³. Особенную роль это сыграло в академическом мире Германии. Французская оккупация и войны стали своего рода катализатором для разобщенных политически (на уровне единого государства), но сохранивших общее представление о народном единстве (на уровне «народного духа») немецких земель⁴. Идея «народного духа» получила свое развитие в немецкой философской мысли прежде всего в сочинении И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества», в котором рассматривалась теория народной души (*Völkerseele*) или народного духа (*Volksg Geist*) и его корней, развивающихся по длинной цепи национальных традиций⁵.

Обозначенная тенденция поиска обоснований собственной национальной идентичности сохранялась в Германии на всем протяжении XIX столетия. Особенное внимание было сконцентрировано на изучении языка и мифов. В частности, это нашло свое отражение в работах братьев Гримм⁶ и В. фон Гумбольдта⁷. Важно отметить, что последний стоял у истоков формирования понятия «психология народов» (*Völkerpsychologie*), которое должно было отразить его идею о влиянии языка на формирование ментальных (психологических) особенностей представлений о мире, что в конечном счете и определяло характер и особенности народов. Ученики Вильгельма фон Гумбольдта М. Лацарус (1824–1903) и Х. Штейнталь (1823–1893) продолжили развитие этой линии, что находило свое отражение как в теоретических построениях, так и в дальнейшей разработке синтеза культурно-исторических и лингвистических установок, в частности единство народного духа, по мнению Штейнталья, «проявляется прежде всего в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях»⁸. Кроме того, именно они реализуют идею создания специализированного «Журнала психологии народов и языкознания» (*Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*), увидевшего свет в 1860 г. и издававшегося вплоть до 1890 г.

Во второй половине XIX столетия в академическом мире начинается процесс формализации разрозненных представлений

о знаниях в строго научные дисциплины. Одним из таких направлений станет психология. Особая роль в становлении отводится Вильгельму Вундту (1832–1920), создавшему в 1875 г. первую в мире психологическую лабораторию и тем самым заложившему основания для научного, базирующегося на наблюдении и эксперименте, понимания психологии. Тем самым подчеркивалось, что результаты, полученные в ходе исследований, носят строго научный, верифицируемый характер. Приверженность к позитивистски выверенной строгости встраивала психологию в ряд научных дисциплин, снимая обвинения в субъективности и спекулятивности.

В рамках становления научной психологии получает дальнейшее развитие и «психология народов», которая, по мнению В. Вундта, была призвана выявить и исследовать «законы развития языка, мифов и обычаев, которые являются продуктами духа народа»⁹. В данном случае, конечно, нельзя не заметить, что психологические и исторические исследования, по сути, дополняют друг друга. В своей программной статье В. Вундт задает новые критерии понимания термина, отличные от бытовавших ранее, и заявляет, что «в языке, мифах и обычаях повторяются как бы на высшей ступени развития те же элементы, из которых состоят данные, наличные состояния индивидуального сознания»¹⁰. Иными словами, психология народов отображает сложный творческий синтез индивидуальных сознаний. Именно в это время вырабатываются и заявляются научные методы познания не только в отношении отдельного субъекта – человека (индивидуальный уровень), но и применительно к общности людей – народу (групповой уровень), объединенных между собой.

Актуализация поиска объяснительных моделей в рамках «психологии народов» происходит после триумфального провозглашения единой Германской империи в 1871 г. Немецкое академическое сообщество, как и подавляющая часть страны, испытывало национальную эйфорию, которая нашла свое отражение в окончательном утверждении идеи «особого немецкого пути»¹¹. Преобладающее влияние в общественном самосознании Германии приобрела консервативная политическая традиция, опирающаяся в своей консолидации на две основные идеи – национализм и историзм. Во многом это способствовало утверждению собственного национального превосходства, основанного на убеждении в избранности немецкого народа, превосходстве немецкого

образа (идея германства), особой роли немецкой культуры и науки¹². В этом смысле, речь шла о сопоставлении одного народа с другим, определении его культурно-исторических характеристик, систематизации представлений и в конечном счете использовании полученных данных для решения тех или иных задач.

Накануне и во время Первой мировой войны усилия немецких интеллектуалов, представителей художественных и академических кругов, направленные на утверждение собственной национальной исключительности¹³, были реализованы в заявлениях официальных лиц Германской империи и действиях Германского генерального штаба. В практическом плане это нашло свое отражение в пропагандистской работе, где, в частности, война была представлена как столкновения народных (национальных) стихий: германство vs славянство и германство vs романство. При этом заявления делались не голословно и декларативно, а базировались на фундаменте научного подхода, который аксиоматически исходил из научной объективности и теоретико-методологической строгости. Именно эта сциентистская модель служила высшим авторитетом и давала ощущение непредвзятости и истинности заявленных целей и средств¹⁴.

Тем трагичнее был опыт разочарования в прежних объяснительных моделях, которые показали свою полную несостоятельность в период Первой мировой войны. В частности, никто не смог с помощью научных представлений предвидеть революцию в самодержавной России, население которой рассматривалось как покорная и послушная масса, пребывающая в невежестве и дикости. Более того, незадолго до окончания войны наблюдается тенденция, которая примет лавинообразный характер сразу после Компьенского перемирия и Версальского договора – обращения в противоположную сторону, где рассуждения носят подчеркнуто субъективный характер. Одним из самых показательных и наглядных примеров подобного рода построений было сочинение «Закат Европы» О. Шпенглера, который, по-видимому, глубже других ощущал субъективность своего построения, но в то же время понимал культурную и историческую обусловленность своей субъективности: «Мыслитель – это человек, который призван символически изобразить эпоху, как он ее видит и понимает. <...> В таком вот смысле могу я охарактеризовать суть того, что мне удалось обнаружить, как нечто «истинное», *истинное для меня* и, верится мне, также и для ведущих умов наступающей

эпохи, а не истинное «в себе», т.е. оторванное от условий крови и истории, поскольку-де таковых не существует»¹⁵.

Стремясь к целостности исторического построения, Шпенглер не ставит перед собой цели охватить всю совокупность фактов без единого исключения. Его целью является символически изобразить эпоху, как он ее видит и понимает (через предпосылки живого мышления вникать в последние основания бытия). При этом задачей является познать и проанализировать язык форм истории. Истинно то, что родилось с исследователем как картина его мира: «Тем резче мне следует подчеркнуть границу, положенную мне самому себе в этой книге. Пусть не ищут в ней полноты. Она содержит *лишь одну сторону* того, что предстает моему взору, *лишь один взгляд на историю, своего рода философию судьбы*, к тому же еще первую в своем роде. Она насквозь созерцательна и написана на языке, силящимся чувственно копировать предметы и отношения, а не заменять их понятийными рядами, и обращена только к таким читателям, которые способны в равной мере переживать словесную звукопись и образы»¹⁶.

Одним из направлений критики Шпенглера стало его резкое неприятие казуальности, которую он понимал как бездушное и безжизненное рассмотрение «живой и пульсирующей истории». Признание чувственности и «другого», в широком смысле, другой математики, музыки, пластики, эпохи, другого человека, является необходимым элементом в процессе познания исторического мира. Казуальность стала господствующим императивом современности, охватившим все области познания и утверждающим техническую, научную, «окаменяющую» картину мира. Прошлое превращается в лишенный жизни и души механический и материалистический прибор. Вера в исторические законы и их постижение лишает человека мистической тайны его пребывания в мире. Тем самым Шпенглер пытался противостоять позитивизму. Несомненно, применяемая в построении «Заката Европы» морфология стала предьявленным протестом против монополии методологической парадигмы позитивизма на безусловную научную истину.

Значительное место в рассуждениях Шпенглера занимает Россия и русский народ, но Шпенглер делает принципиальное методологическое предупреждение, что его работа не является научно ориентированной, это скорее поэзия. И здесь принципиально важно отметить, что речь не идет о научном познании, речь

идет о диагнозе своему времени, который выносится на основании собственных ощущений и субъективного восприятия (понимания, конструирования, анализа) прошлого. При этом исходной точкой можно рассматривать «психологию народов», как термин и понятие представлявший собой вполне удобный объяснительный конструкт. Его рассуждения и размышления носили нарочито «спекулятивный» характер, обвинения в котором так опасались сторонники строгого, объективного научного знания.

Шпенглер причислял русских к народу, которому еще только предстоит осознание себя в качестве единого целого, сплоченного общими ценностями и представлениями¹⁷. Интересно, что схожую точку зрения разделял и Г. Гессе, стоявший на совершенно противоположных идеологических и политических позициях. В частности, он писал: «Мы поняли сущность русского человека. Этот человек стремится прочь от противоположностей, от свойств, от понятий морали, этот человек готов погибнуть и вернуться туда, где еще нет *principium individuationis*. Этот человек любит все и ничего не любит, боится всего и ничего не боится, совершает все и ничего не совершает. Этот человек – новое **первовещество, бесформенный** [выделено мной. – И. Ж.] психический материал»¹⁸.

Россия рассматривалась в роли «жертвы», которая была «замучена, разорена, отравлена «Европой», навязанными ей формами уже мужественно зрелой, чужой властной культуры»¹⁹. Основная вина за это унижительное и бедственное, по мнению Шпенглера, положение возлагалась на Петра I. Его реформаторская деятельность, насильственное утверждение чуждых России «западных» ценностей, идей и элементов культуры привели к отклонению от изначально заданного курса и к утрате русского национального пути развития. Корень всех бед и испытаний, которые произошли с русскими, находился в «идее петровства», т.е. в использовании чужого и намеренном отрицании и забвении своего/национального: «Петровство (*Der Petrinismus*) было и остается инородным *телом* в русскости (*Fremdkörper im Russentums*). В действительности была не одна, а две России, кажущаяся и подлинная, официальная и негласная (*das unterirdische*)»²⁰. Именно поэтому «с основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости. <...> Все, что возникло вокруг, с самой той поры, воспринималось подлинной

русскостью как отравка и ложь»²¹. В этом контексте и «европейские» идеи, взятые на вооружение и активно развиваемые некоторыми слоями русского образованного общества, понимались как антинародные и направленные против России по определению.

Представление о «народном духе» затрагивали сферу метафизической принадлежности к национальной культуре и исторической судьбе своего отечества, хранимой в народе и определяющей его место и роль в истории человечества. Исходя из данной конструкции, Шпенглер отказывается «высшему обществу» считать себя русскими, какими бы лозунгами и/или манифестами они ни прикрывались. Для него любая «западная» философская концепция или догма априорно является «чуждой и губительной» для России.

Таким образом, под влиянием катастрофы Первой мировой войны, политических, социальных, культурных изменений в мире (распад империй, русская революция, победа большевиков и т. д.) можно говорить о произошедшем мировоззренческом сдвиге от сугубо сциентистской модели объяснения иных народов и культур к представлениям историческим, выходящим из строгой научной картины мира. Здесь скорее можно говорить о публицистике, но не о науке. При этом исходной точкой рассуждений для многих публицистов, подобно О. Шпенглеру, можно рассматривать «психологию народов», как термин и понятие представлявшие собой вполне удобный объяснительный конструкт. С той только лишь разницей, что их размышления носили подчеркнуто «спекулятивный» характер, обвинения в котором так боялись приверженцы строгого, объективного научного знания XIX столетия.

Одной из центральных тем, где объяснительная модель «Психологии народов» пользовалась особой популярностью, станут революционные перемены в России в 1917 г. Идея объяснить революцию и большевизм как проявление народной стихии, как внутренние потаенные переживания русского народа стала чрезвычайно распространенной в Германии и в академических, и в публицистических, и в политических кругах. Основой для такого понимания событий в России, прежде всего, служила культура (литература и искусство), а также язык и религия.

¹ Утверждения о непохожести, констатация различий, существующие у разных народов, можно найти в сочинениях Геродота, Гиппократ, Тацита, Страбона и др. В частности, Геродот довольно подробно анализирует отличия эллинов от варваров, тем самым задавая основания познавательного процесса не только в отношении «другого», но и «своего». По замечанию М. Коула «История» Геродота «представляет собой каталог человеческих различий, относительно свободный от резких оценочных суждений». См.: *Коул М.* Культурно-историческая психология. М., 1997. С. 22.

² Детерминация различий, по мнению Ш. Монтескье, была связана с географическим фактором, который влиял на традиции, устои, образ жизни и нравы того или иного народа: «многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа». См.: *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955. С. 412.

³ *Бенедикт А.* Воображаемые сообщества. М., 2016. 416 с.

⁴ Понятия «народ» и «Отечество», благодаря идеям Фихте, воспринимались и ставились выше, чем понятие «государство», суть которого сводилась к совокупности институтов для обеспечения всеобщности прав, гражданского мира и частного благосостояния. В то время как «народ» воспринимался как носитель метафизических смыслов, особого немецкого духа и поэтому, по мнению Фихте, «всякий прогресс человечности в немецкой нации исходил от народа и великие национальные задачи всегда сообщались вначале именно народу, и он трудился над их решением и содействовал их успеху». *Фихте И.-Г.* Речи к немецкой нации. М., 2008. С. 27.

⁵ В контексте затронутой темы, представляется важным уточнить, что Гердер считал, что славяне еще не стали частью мировой истории, им только предстоит заявить о себе. В своем сочинении «Дневник моего путешествия», написанном в 1769 г. во время плавания по северо-западному побережью Европы, он описывает свой сон: «Какое зрелище представляют все эти места, если взглянуть на них с Северо-Запада, когда снидет на них наконец дух [культуры]! Украина станет новой Грецией. Прекрасное небо, простирающееся над этим народом, его веселый нрав, его музыкальность, плодородные нивы и так далее, когда-нибудь воспрянут ото сна: из многочисленных малых и диких племен, как когда-то были греки, сложится цивилизованная (gesittete) нация. Ее границы будут простираться до Черного моря и по всему миру. Венгрия, эти народы, а также Польша и Россия станут участниками этой новой культуры; с Северо-Запада этот дух распространится на Европу и заставит ее служить тому же духовному началу. Все это – впереди и должно однажды случиться, но как? Когда? Через кого?». *Гердер И.-Г.* Дневник моего путешествия. // Гердер И.-Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 324.

⁶ Deutsche Sagen. Hrsg. von Brüder Grimm Berlin 1816; Deutsche Mythologie Hrsg. von Brüder Grimm Göttingen 1835; Deutsches Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm. Leipzig, 1854.

⁷ См.: *Humboldt W.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Über die Sprache. Berlin, 1836.

⁸ *Штейнталь Г.* Грамматика, логика и психология // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 1. С. 115.

⁹ *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 1912. С. 26.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ См.: *Iggers G.G.* The German Conception of History: The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present. Middletown, 1983; *Wolfrum E.* Geschichte als Waffe. Vom Kaiserreich bis zur Wiedervereinigung. Göttingen, 2001; Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М., 2010.

¹² Более подробно об этом: *Женин И.А.* Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX в. // Логос. 2013. № 1. С. 122–144.

¹³ *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. М., 2008.

¹⁴ См., например: *Ungern-Sternberg J., Ungern-Sternberg W.* Der Aufruf „An die Kulturwelt“. Das Manifest der 93 und die Anfänge der Kriegspropaganda im Ersten Weltkrieg. Mit einer Dokumentation. Stuttgart, 1996; Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches. Berlin, den 23. Oktober 1914.

¹⁵ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М., 1998. С. 124–125.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 197–199.

¹⁸ *Гессе Г.* «Братья Карамазовы», или Закат Европы // Магия книги: Эссе о литературе. СПб., 2010. С. 317.

¹⁹ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 148.

²⁰ *Spengler O.* Politische Schriften. S. 113.

²¹ *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 2... С. 197–198.

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И НАУЧНАЯ ПРАКТИКА: В ПОИСКАХ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ» НАУКИ¹

Евгения Андреевна Долгова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

Валерия Викторовна Слискова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье анализируется влияние революции 1917 г. на развитие отечественной науки в 1920-е гг. в части перестройки ее инфраструктуры и изменения тематики научных исследований. На материалах Института по изучению мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева (ЦГИА СПб), Института экспериментальной физиологии и терапии (Архив РАН), Института переливания крови (ГАРФ) исследуется феномен «эпидемии экспериментаторства», охвативший отечественную науку в конце 1910-х – в начале 1920-х гг. Авторами делается вывод о том, что популярности смелых, порой утопических проектов способствовал «дух времени»: сочетание революционного утопизма с характерным для новой власти «утилитаризмом».*

***Ключевые слова:** мобилизация науки, эксперименты, научная фантастика, утилитаризм, научное сообщество.*

1920-е гг. вошли в историю науки как время идей революционного оптимизма, смелых исследовательских экспериментов, попыток реализации фантастических утопий и их издержек. В короткие сроки отечественную науку охватила «эпидемия экспериментаторства», соответствовавшая настроению эпохи, – были поставлены задачи завоевания пространства, победы над временем, выработки энергии, создания нового человека². Популярности подобных проектов способствовал «дух времени»:

сочетание революционного утопизма с характерным для новой власти «утилитаризмом» предопределяли постановку совершенно новых, возвышенных, подчас невыполнимых задач.

Реализуемая после 1917 г. политика (в программу Российской коммунистической партии большевиков 1919 г. была включена фраза о необходимости создания сети прикладных и опытных научных институций) поставила науку под государственный контроль, но обеспечила ее государственным финансированием: была введена система кредитов научным учреждениям, продовольственных пайков и академического обеспечения научных работников. В итоге рубеж 1920-х оказался отмечен беспрецедентным ростом числа научно-исследовательских институтов, лабораторий, бюро, экспериментальных фабрик или станций (важно отметить, что проекты многих из них разрабатывались еще до 1917 г.). В условиях стихийного процесса создания институтов, комиссий, лабораторий трансформировался характер научных исследований – они если не приобрели ярко выраженную прикладную направленность, то стали пытаться ей соответствовать, порой воспринимая объяснительные стратегии естественных дисциплин³. Приоритет в научном исследовании ракурса «наук о жизни» в том числе, на наш взгляд, объяснялся социодемографическими характеристиками – доминированием в структуре научного сообщества представителей медицинских (21,1%), биологических (11,1%), индустриально-технических (10,6%) дисциплин⁴. Занимаясь изучением новых реалий и перспектив обновления общества, представители «наук о жизни» выявляли новые объекты, которыми должны были заниматься ученые всех специализаций. Утопические идеи пронизывали экспериментальное пространство биомедицинских исследований, ошеломляя смелостью поставленных экспериментов.

В соответствии с биомедицинским дискурсом эпохи ведущей формой организации научного знания стала лаборатория с ее принципом экспериментального исследования, коллективным характером научного творчества, прикладным характером полученных результатов. Подобные лаборатории были созданы в Институте мозга и психической деятельности В.М. Бехтерева, Институте экспериментальной физиологии и терапии, Институте переливания крови и др. Проводимые в них эксперименты носили прикладной характер и преодолевали академическое разделение наук, а также были радикально нацелены на принципиально

новые области исследования. Планы некоторых из них носили утопический характер и их полномасштабные программы так никогда и не были реализованы. Исследование лабораторных экспериментов в данной статье, безусловно, носит лишь постановочный характер, однако открывает перспективы «революционной науки», принимающей порой самые фантастические очертания.

Ракурсы научных исследований, действительно, были самыми неожиданными. Так, проблемами телепатии получил возможность заниматься в основанном им в 1918 г. Институте по изучению мозга и психической деятельности психолог Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927). Его исследования продолжили дореволюционные изыскания, однако получили государственное финансирование. В Комиссии по изучению психических исследований и секции по телепатии Института мозга были возобновлены начатые до революции совместные эксперименты В.М. Бехтерева и дрессировщика В.Л. Дурова: их цель заключалась в исследовании телепатических способностей животных (собак). Сотрудничество двух ученых едва не прервала размолвка: в начале 1920 г. вместо продолжения совместных опытов В.М. Бехтерев предложил В.Л. Дурову просто купить у него одну из самых талантливых собак – фокстерьера Пикки. Дуров был оскорблен подобным предложением (несмотря на то что содержание животных обходилось ему и его семье в условиях трудностей Гражданской войны и военного коммунизма крайне недешево) и ответил возмущенным письмом⁵. В итоге совместные эксперименты были продолжены. В печати сохранились любопытные наблюдения – результаты экспериментов, опубликованные в профильном издании Института по изучению мозга и психической деятельности⁶. Подробности же экспериментов 1914–1924 гг. хранят документы Центрального государственного исторического архива⁷ и Государственного архива Российской Федерации⁸.

Собаки, безусловно, были частными спутниками экспериментаторства 1920-х гг.⁹ Именно они стали главными героями опытов по искусственному поддержанию жизнедеятельности организма советского физиолога Сергея Сергеевича Брюхоненко (1890–1960). В личном фонде исследователя в Архиве РАН отложились документы, иллюстрирующие ход и результаты научных экспериментов¹⁰.

Идея для научного исследования поддержания жизни возникла во время врачебной практики С.С. Брюхоненко на фронте

Первой мировой войны¹¹. Занимаясь лечением боевых ранений, С.С. Брюхоненко задумался о создании специального аппарата, который облегчил бы проведение медицинских операций, искусственно поддерживая жизнедеятельность пациента¹². В 1920-е гг. (в 1919–1926 гг. С.С. Брюхоненко был ассистентом клиники частной патологии и терапии 2-го МГУ, в 1926–1931 – заведующим Лабораторией химико-терапии и экспериментальной терапии Центрального института гематологии и переливания крови¹³) он приступил к разработке методики искусственного поддержания жизни. Ученый подробно изучил состояние клинической смерти, причины лихорадочного состояния умирающего и механизмы терморегуляции¹⁴. На его взгляд, прервать клиническую смерть могло лишь создание искусственной системы кровообращения: она требовала применения специальных химических растворов, которые могли заменить кровь без токсического вреда для пациента. Совместно с химиками С.С. Брюхоненко удалось создать около 120 противосвертывающих препаратов¹⁵. Однако этого ученому показалось недостаточно: на волне эпидемии экспериментаторства и революционного оптимизма он поставил задачу обретения бессмертия через механизм искусственного кровообращения.

В 1923 г. С.С. Брюхоненко был сконструирован аппарат, который он назвал «автожектор» (аутожектор). Его основными задачами были поддержание жизни и функций центральной нервной системы животных, а также целого организма теплокровных при помощи искусственного кровообращения. Он состоял из двух механических насосов, системы клапанов, резервуаров для крови и устройств регуляции кровяного давления и температуры. Автожектор предназначался для проведения опытов с изолированной от тела головой собаки. Легкие донорского животного являлись источником кислорода и располагались в специальной емкости аппарата. Процесс же кровообращения проходил следующим образом: в кровь животного добавляли раствор, который не позволял ей сворачиваться; затем кровь прогоняли через донорские легкие для насыщения кислородом, после этого она поступала в кровеносную систему подопытного животного¹⁶. После нескольких успешных экспериментов с применением автожектора, С.С. Брюхоненко решил провести демонстрацию изобретенного им метода медицинскому сообществу. В сентябре 1925 г. опыт был продемонстрирован на Втором Всероссийском съезде патологов. Его продолжительность составила 1 час 48 мин. При под-

ключении автожектора рефлексy животного выражались слабо, что соответствовало состоянию наркоза, но в ходе операции частично нормализовались¹⁷. В ноябре 1926 г. общественность узнала об эксперименте с собакой и аппаратом искусственного кровообращения из статьи «Эксперименты с ожившей головой собаки», напечатанной в газете «Вечерняя Москва»¹⁸. Автожектор был подключен к сосудам головы собаки с остановленным сердцем. В течение двух часов организм животного функционировал при помощи системы искусственного кровообращения. По причине внезапного обильного кровотечения эксперимент был прекращен. Впоследствии операции были продемонстрированы еще несколько раз. Опыты С.С. Брюхоненко были настолько неожиданными и потрясающими воображение, что удостоились часто цитируемой заметки Бернарда Шоу, опубликованной в немецкой газете «*Berlinertageblatt*» 17 марта 1929 г.¹⁹

В 1930-е гг. С.С. Брюхоненко продолжал работу над усовершенствованием своего изобретения²⁰. Результаты исследований он изложил в своих статьях и монографиях²¹. После проведения ряда успешных операций, автожектор С.С. Брюхоненко был запатентован в СССР (1934), а также в Германии (1929), Англии (1929) и во Франции (1930)²². В 1940 г. был снят короткометражный научно-популярный фильм, в котором были продемонстрированы схемы и этапы проведения операций²³. Хотя создание аппарата искусственного кровообращения не избавило человека от смерти, но оказалось значимым научным открытием. С.С. Брюхоненко создал аппарат, с помощью которого стало возможным проведение сложных операций на жизненно важных органах. Метод искусственного поддержания жизни стал основным в формировании таких научных дисциплин, как трансплантология и реаниматология.

Попытка обретения бессмертия была поставлена и в других экспериментальных исследованиях 1920-х гг. Так, как научную теорию «физиологического коллективизма» ее оформило учение врача (экспериментатора), политика, писателя-фантаста Александра Александровича Богданова (Малиновского, 1873–1928). Хотя сами идеи об обмене кровью звучали еще в его научно-фантастических романах «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1913), практическая реализация экспериментов в области переливания крови началась с ознакомления А.А. Богданова с книгой Дж. Кейнса «Переливание крови» во время его пребывания

в Лондоне в 1922 г.²⁴ Вернувшись в Москву, А.А. Богданов приступил к реализации проекта: необходимое оборудование было закуплено в Англии и вскоре доставлено в Россию; для проведения опытов были приглашены друзья и единомышленники ученого: военный врач С. Малолетков и терапевт И. Соболев. Первое переливание крови состоялось в 1924 г. в атмосфере строгой секретности. Подопытными выступили сам А.А. Богданов и его студент. В ходе эксперимента удалось перелить 330 мл крови²⁵. Постепенно объем переливаемой крови увеличился: за два месяца работы сотрудникам лаборатории удалось достичь отметки в 700 мл²⁶. О положительных результатах экспериментов А.А. Богданова стали распространяться слухи в кругах партийного руководства²⁷.

В 1925 г. ученый направил в Народный комиссариат здравоохранения проект создания Института переливания крови. Несмотря на то что «организация такого Института требовала колоссальных расходов» и встретила сопротивление в реализации (вплоть до пометки об излишней, на взгляд Наркомздрава, организации Института по причине изученности проблемы переливания крови²⁸), проект был одобрен²⁹. Как отмечал А.А. Богданов, «медицинский мир в целом неприязненно принял новое учреждение. Консерватизм медицинского цеха – вещь общеизвестная. А тут не только новое, непривычное дело, но и новый человек, пришелец, раньше почти не связанный с этим миром. Особенно возмущало их то, что я начал работу с прежними сотрудниками, малоизвестными врачами, не предоставляя ученым верхам дать тех, кого они найдут нужным»³⁰. Вновь образованному Институту был выделен ограниченный штат: так, для лаборатории, которая являлась центром Института, было дано всего три сотрудника, в том числе только один лаборант, а на канцелярию – 4 единицы; лишь вмешательство В.В. Куйбышева позволило Институту получить второго лаборанта.

Практически сразу Институт оказался в центре компрометирующей истории, – в результате одной из проведенных операций в ноябре 1926 г. возникло подозрение о заражении большой сифилисом через кровь донора³¹. В результате были приняты особые меры: обследована работа Института, заместитель директора, контролирующий и согласующий работу лаборантов и хирургов, был смещен, приглашен же А.А. Богомолец. Институту были даны ставки штатного венеролога, клинициста-гематолога с двумя ассистентами. Была создана лаборатория для опытов

над животными – ее героями, как и в случае с В.М. Бехтеревым и С.С. Брюхоненко, стали собаки. А сам Институт с тех пор применял правила исследования доноров, по словам А.А. Богданова, «гораздо более строгие, чем где-либо на Западе»³².

К 1928 г. А.А. Богдановым отмечалось 30 «обследованных случаев» в Институте – 30 операций, произведенных с различной степенью успеха – от «освежения нервной системы» до «омоложения» и даже излечения душевнобольных, спасения безнадежной септически больной и пр. Ученый оптимистично писал: «Нами принципиально решен вопрос об успешной борьбе с нервной, а по крайней мере отчасти – и с общей изношенностью, путем замещения крови»³³. Однако работу Института неожиданно затруднил конфликт, возникший между А.А. Богдановым и его заместителем Э.Д. Рамоновым, – в разгар борьбы последний даже обвинял старого коммуниста в «резкой враждебности к партийцам вообще»³⁴. Именно этой ссоре была посвящена докладная записка А.А. Богданова на имя Н.А. Семашко, Н.И. Бухарина и И.В. Сталина, составленная им в январе 1928 г. и сохранившаяся в личном фонде А.А. Богданова в РГАСПИ³⁵. Однако подана она ученым так и не была: в апреле 1928 г. основатель Института погиб во время одной из неудачных операций³⁶. Таким образом, хотя в ходе утопического эксперимента и не удалось достичь главной цели своих исследований, его практическим воплощением стало создание Института переливания крови в Москве – ему посмертно было присвоено имя ученого³⁷. Не проверенная же практически, теория «физиологического коллективизма» продолжает жить исключительно в литературном творчестве А.А. Богданова.

Как писал канадский культуролог Барри Кит Грант, «фантастика, в отличие от фэнтези и ужасов, имеет дело с альтернативными вероятностями»³⁸. Проекты 1920-х гг. поражают смелостью постановки задач и амбициозностью предложенных решений, однако все они имели практическое преломление. Работы ученых «революционной» эпохи отличались поразительной смелостью замыслов, захватывающими экспериментами и редкой даже по сегодняшним представлениям перспективностью. С другой стороны, эпидемия экспериментаторства и живых интеллектуальных дискуссий, научно-фантастический пласт соотносились с реальным миром чиновников и общественным резонансом научных исследований.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-78-10202, проект «Российская социогуманитарная наука новейшего времени как мобилизационный проект: институциональное, наукометрическое и социальное измерение».

² *Banerjee A.* We modern people: Science fiction and the making of Russian modernity. Middleton: Wesleyan Univ. press, 2012.

³ *Колчинский Э.И.* В поисках «союза» философии и биологии. СПб., 1999. С. 27–28.

⁴ Расчеты Е.А. Долговой по: Научные кадры в СССР. М., 1930 г. (в основу положены материалы заполненных в 1928 г. научными работниками анкет Центральной комиссии по улучшению быта ученых). См. таблицу и цветную диаграмму: *Долгова Е.А.* Научное сообщество в условиях мобилизационных перемен 1920-х гг.: адаптация к не-политическим факторам // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса. М.: Академический проект, 2017. С. 100–101, 103.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 383. Письмо В.Л. Дурова В.М. Бехтереву о совместных опытах «мысленного внушения» над животными Дурова. [15 марта 1920 г.]. Л. 1–4.

⁶ *Бехтерев В.М.* Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных // Вопросы изучения и воспитания личности. 1920. № 2. С. 230–265; *Иванов-Смоленский А.Г.* Об опытах над мысленным воздействием на животных // Там же. С. 266–271; *Флексор П.* Опыты так называемого мысленного внушения животным // Там же. С. 272–278.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 327. О сочетательном рефлексе у собак: опыт с гипнозом собак в уголке Дурова (результаты психологических опытов с животными) [1914–1920]. Л. 1–6; Там же. Д. 385. Об опытах над непосредственной восприимчивостью над «мысленным» воздействием на поведение животных: доклад В.М. Бехтерева, сделанный на конференции Института мозга в ноябре 1919 г. Л. 1–11; Там же. Д. 386. Дальнейшее наблюдение над непосредственным воздействием человека на животных: сообщение В.М. Бехтерева на конференции Института по изучению мозга и психической деятельности [2 февраля 1920 г.]. Л. 1–10; Там же. Д. 388. Протоколы заседаний научного и культурно-просветительского уголка В.Л. Дурова [4 октября 1921 – 10 октября 1921 гг.]. Л. 1–2об; Там же. Д. 788. Заметки о телепатии, прорицаниях и ясновидении: фрагмент протокола заседания Института мозга по обсуждению деятельности Комиссии психических исследований и Секции телепатии при Институте [1924-н/д]. Л. 1–9.

⁸ В ГАРФ материалы отложились в составе документации Наркомпроса, например: ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 199. Доклад президента Психоневрологического института в Петрограде академика Бехтерева о целесообразности создания Института по изучению деятельности мозга

и психологической деятельности, отчет о деятельности Психоневрологического института в Москве, об отпуске кредитов для покупки за границей оборудования и препаратов, сметы расходов института на 1918–1921 гг. [1921]. Л. 165. Ходатайство М.В. Бехтерева о предоставлении В.Л. Дурову вагонного купе для перевозки животных в Петроград.

⁹ Настолько, что это даже нашло отражение в литературе указанного периода: см., например, рассказ М.М. Зощенко «Собачий случай» [1923], повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» [1925]. За пояснение причины привлечения собак в психофизиологических исследованиях 1920-х гг. благодарим Г.Г. Ершову.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1534. С.С. Брюхоненко. Оп. 1. Д. 2. Попыты по изолированию головы собаки (с демонстрацией прибора): автореферат доклада на II Всесоюзном съезде физиологов, 24–29 мая 1926 г. Автограф. На 1 л.; Д. 7. О работах Лаборатории экспериментальной терапии в области изолированной головы и искусственного кровообращения за 1928–1930 гг.: автограф. На 1 л.; Оп. 3. Д. 63. Краткий исторический очерк, отчеты о деятельности за 1921 г. и 1922 г. и план работ на 1923 г. НХФИ-ВСНХ. 1922–1923. На 5 лл.; Д. 64. Протоколы опытов по искусственному кровообращению в химико-терапевтической лаборатории НХФИ-ВСНХ, по оживлению людей в Институте скорой помощи им. Склифосовского. Автограф, рукой ассистентов. 14 апреля 1925 – 3 января 1952 г. На 260 лл.; Д. 65. Переписка с иностранными химико-фармацевтическими компаниями, научными обществами, клиниками и частными лицами об изобретении АИК «автожектор» и проведении опытов по оживлению организма. 21 марта 1927 – 29 апреля 1958 г. На 52 лл.; Д. 66. Выписки из протокола заседаний, договоры, отчеты НХФИ и Центральным бюро по реализации изобретений и содействия изобретательству (далее ЦБРИЗ) ВСНХ СССР о совместной работе в области разработки и конструирования АИК, изучении методов искусственного кровообращения. 7 февраля 1928 – 1 февраля 1930 г. На 9 лл. и др.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1534. С.С. Брюхоненко. Оп. 3. Д. 4. Из воспоминаний о работе врачей на фронтах Первой мировой войны. [1916] На 4 лл.

¹² *Мудрак С.А., Мерцалов А.В.* С.С. Брюхоненко как создатель первого в мире аппарата искусственного кровообращения // Вестник Совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. Челябинск, 2016. С. 135.

¹³ Архив РАН. Ф. 1534. С.С. Брюхоненко. Оп. 1: обзор фонда. С. 2.

¹⁴ *Аверина Т.Б.* Искусственное кровообращение // *Анналы хирургии*. 2013. № 2. С. 5–6.

¹⁵ *Мудрак С.А., Мерцалов А.В.* Указ. соч. С. 135.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 10. Лл. 35–44. Описание аппарата Брюхоненко Сергея Сергеевича «Автожектор» для осуществления искусственного кровообращения и схемы прибора [1931].

¹⁷ Мудрак С.А., Мерцалов А.В. Указ. соч. С. 137.

¹⁸ *Krementsov N.* Revolutionary experiments: the quest for immortality in Bolshevik science and fiction. Oxford: Univ. press, 2014. P. 44.

¹⁹ Архив РАН. Ф. 1534. Оп. 2. Д. 18. Открытое письмо Бернарда Шоу об опытах Брюхоненко С.С. и др. по оживлению изолированной головы собаки: перевод с нем. На 4 л.

²⁰ В 1931–1935 гг. Брюхоненко С.С., работая в лаборатории экспериментальной терапии Центрального института гематологии и переливания крови, разработал метод искусственного кровообращения целого организма.

²¹ «Искусственное кровообращение целого организма с выключенным сердцем» (1928), «Аппарат для искусственного кровообращения теплокровных» (1928), «Применение метода искусственного кровообращения для оживления организма» (1937) и др. – Архив РАН. Ф. 1534. Оп. 2. Д. 12. ЛЛ. 73–79.

²² Архив РАН. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 31. Письма «ЦБРИЦ» и Акционерного общества по патентованию и реализации изобретений (далее «ПРИЗ») об оформлении отечественного и зарубежных патентов на аппарат искусственного кровообращения. 29 сентября 1928 – 26 июля 1934 г. На 26 лл.; Д. 32. Заявочное свидетельство № 33277 и выписка из журнала заседания Патентного отдела Комитета по делам изобретений о выдаче патента С.С. Брюхоненко на аппарат искусственного кровообращения. 9 октября 1928 – 27 сентября 1931 г. На 8 лл.; Д. 33. Договор с «ЦБРИЗ» и С.С. Брюхоненко о передаче «ЦБРИЗу» всех прав на использование за пределами СССР сделанного им изобретения «Аппарат для искусственного кровообращения». 1 апреля 1929 г. На 2 лл.

²³ Имеется в виду научно-популярный фильм Давида Яшина «Эксперименты по оживлению организма» (1940 г.). В нем показан эксперимент по оживлению головы собаки при помощи автожектора: экспериментом руководил сам С.С. Брюхоненко. Фильм обрел известность не только в СССР, но и за рубежом: в 1943 г. о фильме была опубликована статья в американском журнале “Time”: Science: Red Research // Time. 1943. Monday, Nov. 22. URL: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,851883,00.html> [Дата обращения 23.12.2017] (Режим доступа: регистрация).

²⁴ *Krementsov N.* A martian stranded on Earth: Alexander Bogdanov, blood transfusions, and proletarian science. Chicago; London: Univ. of Chicago press, cop. 2011. P. 59. Об этом см. например: РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 53. План и пролог к пьесе А.А. Богданова «Инженер Мэнни». 1912. На 18 лл.; Д. 43. Тезисы к лекциям «Простейший закон организации» и «Мертвая жизнь» (миф о вампирах), прочитанных А.А. Богдановым в Доме коммунистического просвещения: 20–21 мая 1923. Машинописный текст с правкой автора. На 1 л.

²⁵ *Krementsov N.* A martian stranded on Earth: Alexander Bogdanov, blood transfusions, and proletarian science. Chicago; London: Univ. of Chicago press, cop. 2011. P. 59.

²⁶ *Idem.* P. 59.

²⁷ *Большакова О.В.* Формирование нового человека... С. 67–68.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-406. Оп. 1. Д. 1628. Материалы по обследованию Наркомздрава РСФСР и подведомственных ему учреждений [1926]. Л. 49.

²⁹ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 106. Д. 6. Об организации Института переливания крови и отпуске средств на эту цель. 28 января 1926 – 26 февраля 1926 г. На 8 лл.; Д. А-406. Оп. 12. Д. 1628. Переписка с Наркомздравом РСФСР об организации института переливания крови, об отчетности аптек, переведенных на хозрасчет и состоящих на местном бюджете. 10 апреля – 23 ноября 1926.

³⁰ *Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 1. С. 137.*

³¹ Там же. С. 138.

³² Там же. С. 139.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 142.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 47. Докладная записка директора Государственного института по переливанию крови А.А. Богданова на имя Н.А. Семашко, Н.И. Бухарина и И.В. Сталина о работе Института и о проблемах, возникших в нем, мешающих его научной деятельности. 19 января 1928 г. На 12 лл. Опубликовано: *Неизвестный Богданов. М., 1995. Кн. 1. С. 137–142.*

³⁶ РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 97. Протокол вскрытия тела А.А. Богданова (Малиновского) за подписями профессоров А. Абрикосова, А. Богомольца, Д. Бурмина, М. Кончаловского и др. 8 апреля 1928 г. На 3 лл.

³⁷ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 126. Д. 3908. О присвоении Государственному Институту по переливанию крови наименования государственного института по переливанию крови им. А.А. Богданова и о назначении вдове А.А. Богданова (Малиновского) – Богдановой персональной пенсии. На 7 лл.; РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 100. Биографический очерк об А.А. Богданове, написанный Н.Б. Малиновской для Института мозга. Декабрь 1929 г. На 7 лл.

³⁸ *Грант Барри Кит.* «Совершенствование чувств»: Разум и визуальное в фантастическом кино // *Фантастическое кино. Эпизод первый: Статьи / Сост. и научный ред. Н. Самутина. М.: Новое литературное обозрение. 2006. С. 20.*

«МЕСТА ПАМЯТИ» В ИСТОРИИ ЮКАТАНА (МЕКСИКА)

Татьяна Сергеевна Молодчикова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Целью данной статьи является применение теории французского историка Пьера Нора о «местах памяти» к истории Юкатана и анализ феномена исторической памяти в складывании национальной идентичности региона.*

Историческая память как идеологическое и историографическое направление получило своё развитие относительно недавно, но уже прочно закрепило свои позиции в гуманитарных исследованиях. Такая популярность понятия «память» в последние десятилетия связана не только с влиянием антропологического поворота и впоследствии постмодернизма, но также отражает осознанное желание социальных групп найти свое прошлое, неважно реальное или выдуманное.

Для истории Юкатана (Мексика) изучение «мест памяти», коими являются различные праздники и памятные даты, исторические личности и их художественные изображения, войны и восстания, исторические и археологические памятники, является теоретико-методологическим инструментом, позволяющим, во-первых, понять, каким образом на Юкатане складывалось понятие национальной идентичности (что является одним из самых проблемных вопросов в истории Мексики в целом), а во-вторых, расширить границы исторических исследований посредством включения в сферу изучения различных социокультурных феноменов.

***Ключевые слова:** историческая память, Пьер Нора, места памяти, история Юкатана, Хасинто Канек, индейские восстания.*

Проблема исторической памяти и «мест памяти» в исторической науке

Выход проблемы исторической памяти на авансцену гуманитарных исследований продиктован, по мнению исследователей, тесным междисциплинарным взаимодействием истории и антро-

пологии, а также все больше набирающей популярность постмодернистской парадигмой во всех сферах гуманитарного знания¹.

Кризис идентичности как различных социальных групп, так и отдельных индивидов на рубеже XX и XXI вв. заставляет и профессиональных исследователей, и обычных людей обратиться к своему прошлому (безотносительно, реально ли оно или воображаемо) как к источнику своей самоидентификации. Все это привело к тому, что проблема роли памяти в историческом конструировании коллективной идентичности заняло одно из центральных мест в историографии рубежа веков.

Сам термин «историческая память» разными исследователями трактуется по-разному²:

1. Способ сохранения и передачи прошлого в условиях утраты традиций.
2. Индивидуальная память о прошлом.
3. Коллективная память о прошлом.
4. Социальная память.
5. Синоним исторического сознания.

Очевидно, что каждая новая область исследований проходит через этап институционализации и выработки понятийного аппарата, чем и вызвана некоторая путаница в терминологии.

Тем не менее одним из общепринятых определений исторической памяти, от которой мы будем отталкиваться в дальнейшем, является «совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, или опорные пункты массового сознания о прошлом, минимальный набор образов исторических событий и личностей, которые присутствуют в активной памяти»³. Представления о прошлом основываются на различных типах познания, и нельзя утверждать, что главенствующая роль в этом принадлежит исторической науке. Знания человека о прошлом, основу его исторической памяти могут составлять семейные предания, фотографии в альбоме, предметы искусства, идеологические и религиозные учения. Иными словами, то, что является исторической памятью на массовом уровне, зачастую не совпадает с той версией реальности, которую предлагает нам историческая наука.

Одной из главных методологических проблем, с которой столкнулись специалисты по истории памяти, является соотношение этих двух понятий – истории и памяти.

Следует отметить, что большинство специалистов по истории памяти и интеллектуальной истории полагают, что в своей основе память и история – понятия едва ли не противоположные: «время истории строится вопреки времени памяти», – отметил Антуан Про в своей работе «Двенадцать уроков по истории»⁴. По мнению Мориса Хальбвакса, «история начинается лишь в той точке, где заканчивается традиция, где угасает и распадается социальная память»⁵. Другими словами, память – это естественная способность, связанная с эмоциональной жизнью персоны или общества, тогда как история – искусственно созданный интеллектуальный конструкт, продукт разума, объяснительная модель.

Известный французский историк и философ, создатель термина «места памяти» Пьер Нора в своём интервью изданию «La Nación»⁶ также призывает не путать понятия «история» и «память». По мнению ученого, сила истории, как носителя коллективной памяти в её официальной, научной, не подверженной никаким трансформациям модели, утратила свою значимость. Трагедии XX века привели к формированию огромного количества социальных групп, имеющих свою собственную «локальную память» – будь то жертвы Холокоста, узники концлагерей, ветераны войны или рабочие завода. Таким образом, трагедии XX века привели к своему роду освобождению истории от догматизма и примата науки и увеличению роли индивидуальной и коллективной памяти.

Само понятие «место памяти» впервые было предложено французским ученым Пьером Нора в 1980-х гг.

«Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие. Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Отсюда – ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики. Это ритуалы общества без ритуалов, проходящие святыни десакрализирующего общества...»⁷.

Места памяти, по словам ученого, «рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными»⁸.

Для истории Юкатана (Мексика) изучение «мест памяти», коими являются различные праздники и памятные даты, исторические личности и их художественные изображения, войны и восстания, исторические и археологические памятники, является теоретико-методологическим инструментом, позволяющим, во-первых, понять, каким образом на Юкатане складывалось понятие национальной идентичности (что является одним из самых проблемных вопросов в истории Мексики в целом), а во-вторых, расширить границы исторических исследований посредством включения в сферу изучения различных социокультурных феноменов.

Места памяти в истории Юкатана

Штат Юкатан, располагающийся на одноименном полуострове на юго-востоке Мексики, богатый историей регион, один из древних центров цивилизации майя. Особенность региона состоит в том, что здесь переплетаются совершенно разные культурные традиции – европейских завоевателей и местного индейского населения.

Одним из примеров такого места памяти, который отражает смесь двух культурных наследий, является празднование Дня мертвых – праздника, уходящего своими корнями в доиспанскую историю, где существовал культ мертвых, и с другой стороны, повторяющего европейскую традицию празднования Дня всех святых.

Однако то, что характерно именно для исторической памяти Юкатана – это травма завоевания испанцами коренного населения полуострова, и вытекающие из этого процесса многочисленные индейские восстания: начиная с протестов в XVI в. и заканчивая драматическими событиями XIX и XX вв. Пожалуй, самыми значимыми событиями в истории Юкатана, связанными с борьбой коренного населения, является восстание Хасинто Канека в 1761 году и Война Каст (1847–1901). В рамках данной статьи

будет проанализирован образ индейского лидера восстания 1761 года в различных художественных интерпретациях.

Действительно, фигура Хасинто Канека, часто получавшего в историографии имя «индейский Христос» или «индейский король»⁹, является самой популярной фигурой в юкатанской культуре.

Само восстание, начавшееся в 1761 году в местечке Систейл, многими специалистами рассматривается как индейское сопротивление испанской колониальной политике и, в частности, системе репартимьенто¹⁰. Тем не менее последние исследования, основанные на более тщательном изучении судебных документов и материалов допросов, говорят нам о том, что причиной восстания скорее является сильное культурное влияние доиспанского прошлого, а именно, вера в циклический ход истории и в то, что приход испанцев – лишь один из циклов, который так или иначе должен завершиться¹¹.

Скажем несколько слов о самом Хасинто Канеке, личности крайне неординарной. На момент восстания ему было 30 лет, и он являлся вдовцом. Есть версия, что он получил образование в одном из францисканских монастырей. Хасинто Канек вел довольно уединенный образ жизни, который больше походил на жизнь шамана: лечил людей, утверждал, что умеет воскрешать мертвых и даже летать.

В октябре 1761 года Хасинто Канек начал странствовать от одного майяского поселения к другому, убеждая всех, что он есть «Царь, приход которого был предсказан еще в Библии»¹², пока наконец не пришел в ту самую деревню Систейл, где уже объявил себя царем Монтесумой, призванным начать новый цикл истории. Надо отметить, что ему довольно быстро удалось убедить жителей Систейла признать в нем верховную власть: вскоре религиозные лидеры деревни коронуют Хасинто Канека как царя Монтесуму. Новость о пришествии царя из древнего пророчества быстро дошла до соседних селений, и тысячи индейцев приходят в Систейл для того, чтобы увидеть его своими глазами. Осознав серьезную поддержку со стороны местных жителей, Хасинто Канек для окончательного утверждения своей власти приказывает убить одного из испанцев, гостивших в это время в Систейле – с этого собственно и начинаются военные столкновения между испанскими военными и индейцами, известные как восстание Хасинто Канека.

Надо сказать, что, несмотря на серьезное влияние на соседние индейские деревни, где местные жители начали саботировать испанский колониальный уклад и массово покидать свои селения, Хасинто Канек не сумел собрать армию приверженцев, готовых умирать в бою (порядка 500 индейцев пали от испанского оружия и в дальнейшем 258 человек были приговорены к различного рода наказаниям¹³). 26 ноября 1761 года 500 испанских солдат под руководством капитана Кальдерона захватывают Систейл и казнят восставших.

Самым драматичным моментом всей этой истории, ставшим своего рода страшным символом, является казнь самого Хасинто Канека. 11 декабря был издан указ о казни Хасинто Канека: его тело должно быть растерзано, сожжено и прах развеян по ветру. Вероятно, эта жестокая, средневековая казнь, а не сам масштаб восстания, сделали Хасинто Канека символической фигурой юкатанской истории и «местом памяти» для многих поколений.

Действительно, фигура этого индейского борца за справедливость является одной из самых репродуцируемых в юкатанской культурной жизни: литературе, живописи и скульптуре.

Применительно к литературе, утверждение образа Хасинто Канека связано с появившимся в XX в. в Латинской Америке новым литературным течением – так называемой «индихенистской литературой». Одним из представителей этого течения был мексиканский писатель и драматург Эмилио Абреу Гомес (1894–1971), который в 1940 году издал свою поэму в прозе под названием «Канек»¹⁴ (последнее издание «Канека» вышло в 2016 году¹⁵). По словам самого писателя, вдохновение для своего произведения он черпал из полумистических, полуправдивых рассказов слуг из своего дома, которые, разумеется, были индейского происхождения. Вышло произведение, в котором главный герой Канек предстает перед нами в образе мудреца-отшельника, и этот образ имеет многие черты Заратустры Фридриха Ницше, даже та фраза, которую использует Эрмило Абреу для начала каждого монолога своего персонажа – «и Канек сказал...», очень похожа на финальную фразу Ницше «так говорил Заратустра».

Фигура Канека, таким образом, вбирает в себя все черты культурного героя, борющегося за справедливость и освобождение своего народа. «И сейчас самое время понять, как и когда мы должны освободиться от этого зла (испанцев. – Т. М.)»¹⁶, – призывает Хасинто Канек со страниц книги Эрмило Абреу.

Другое воплощение фигура Хасинто Канека получила в живописи. Одна из картин в жанре реализма из знаменитой серии Фернандо Кастро Пачеко, представленных во Дворце губернатора в Мериде, изображает казнь Хасинто Канека (*Истязание Хасинто Канека, 1973*). Сам герой помещен в центр картины: сильное, могущественное тело приковано к деревянному помосту железными оковами, вокруг семеро палачей, наносящих раны мечами и копьями. Что примечательно, Хасинто Канек принял позу Христа; мечи и копья также отсылают нас к знаменитому библейскому сюжету.

Вобщем, изображение Хасинто Канека в качестве мессии и пророка, своеобразного «индейского Христа»¹⁷, является весьма популярным приемом в живописной и литературной традиции. Сам же Канек во время допроса после ареста называл себя «майордом Иисуса из Назарета»¹⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что коммеморативное сознание на Юкатане имеет сильную связь, с одной стороны, с доколумбовым прошлым, а с другой стороны, с попыткой восстановить и сохранить различные формы культурной, общественной, политической и религиозной жизни индейского населения Юкатана.

В то же время нельзя забывать, что хотя память, вопреки истории, и является живой, естественной и эмоциональной категорией, зачастую используется политиками для создания так называемого национального самосознания в угоду той или иной политической идеологии.

¹ Ретина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 7.

² Савельева И.М. Перекрестки памяти // История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 407.

³ Там же. С. 408.

⁴ Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 116.

⁵ Цит. по: Зенкин С. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 20.

⁶ URL: <http://www.lanacion.com.ar/788817-no-hay-que-confundir-memoria-con-historia-dijo-pierre-nora> (дата обращения 25.09.2017).

⁷ Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. СПб., 1999. С. 25.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ *Bartolomé M.A.* La insurrección de Canek. Un movimiento mesiánico en el Yucatán colonial. México, 1978; *Reifler Bricker V.* The Indian Christ, the Indian King: The Historical Substrate of Maya Myth and Ritual. Austin, 1981.

¹⁰ Репартименто (исп. repartimiento) – распределение между колонистами земли, коренного населения (рабов), товаров.

¹¹ *Patch W.R.* La rebelión de Jacinto Canek en Yucatan: una nueva interpretación // *Desacatos*. 2003. № 13. P. 50.

¹² *Ibid.* P. 50.

¹³ *Ibid.* P. 55.

¹⁴ *Abreu Gomez E.* Canek: historia y leyenda de un héroe maya. Eds. Canek, 1940. 144 p.

¹⁵ *Abreu Gomez E.* Canek. México, 2016. 95 p.

¹⁶ *Ibid.* P. 51.

¹⁷ *Reifler-Bricker V.* El Cristo Indígena. El Rey Nativo. México, 1989. 528 p.

¹⁸ *Patch W.R.* Op. cit. P. 50.

Секция 3. Междисциплинарные исследования
в истории науки

**ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ ПСИХОЛОГИИ
В «МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ»
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

Марина Федоровна Румянцева

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва

***Аннотация:** рассматривается использование А.С. Лаппо-Данилевским идей и концепций психологии при разработке оригинальной концепции методологии истории, базирующейся на понимании исторического источника как объективации психики. Анализируются способы обращения А.С. Лаппо-Данилевского к трудам по психологии, сделан вывод о превалировании иллюстративного использования материала над рецепцией идей. Работа выполнена в предметном поле источниковедения историографии.*

***Ключевые слова:** методология истории, исторический источник, психология, признание чужой одушевленности, А.С. Лаппо-Данилевский, критика исторического источника, свидетельство.*

Центральное место в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) занимает методология источниковедения, основополагающее значение в структуре которой имеет понимание природы объекта исторического познания – исторического источника. Определив исторический источник как «реализованный продукт человеческой психики [выделено мной. – М. Ф.], пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹, Лаппо-Данилевский не мог не обратиться к достижениям психологии, которая как раз в этот время переживала период становления как науки, автономной от философии.

На мой взгляд, при изучении идей и концепций психологии, инкорпорированных в методологию истории Лаппо-Данилевского,

необходимо сочетать два подхода – истории идей и генетического. Эти характеристики подходов я использую весьма условно: генетический подход здесь не ассоциирован с генетической критикой, а означает лишь возможность более-менее однозначного понимания происхождения/рецепции той или иной идеи в творчестве данного автора, а изучение истории психологических идей, в частности принципа «признания чужой одушевленности», нетождественно классическому подходу истории идей А. Лавджоя, поскольку речь идет не о «бродячих» идеях – «кирпичиках» концепций, а об идеях, порожденных в конкретной социокультурной ситуации разными авторами независимо (предположительно) друг от друга (классический пример здесь – «изобретение» эмпириокритицизма австрийским физиком Э. Махом и швейцарским философом Р. Авенариусом). Вероятно, более точно, но тоже не стопроцентно корректно исследовательскую ситуацию можно описать при помощи понятий, разработанных современником Лаппо-Данилевского Н.И. Кареевым (1850–1931), предлагавшим разграничивать *сравнительно-историческое* и *сравнительно-социологическое* исследование². Конечно, не во всем можно согласиться с Кареевым: историка, – в частности, изучающего интеллектуальную историю, – интересует не только генетическая зависимость, но и автономное генерирование идей и выяснение факторов их сходства. Кроме того, не всегда удастся разграничить эти два интеллектуальных процесса, да и не всегда такое разграничение необходимо. Но в данной работе предпринимается попытка такого различения – анализ прямых отсылок Лаппо-Данилевского к трудам его предшественников и современников из области психологии. За пределами рассмотрения остается проблема оригинальной разработки Лаппо-Данилевским принципа «признания чужой одушевленности» в качестве системообразующего основания при определении специфики явлений, изучаемых исторической наукой³. Исследование во многом носит вспомогательный характер, являясь необходимым шагом на пути, во-первых, решения одной из основных задач источниковедения историографии – выяснения интеллектуальных источников оригинальной эпистемологической концепции русского методолога, и, во-вторых, осмысления места концепции Лаппо-Данилевского в теоретико-познавательном и – шире – социокультурном пространстве рубежа XIX–XX вв. в предметном поле интеллектуальной истории.

Как уже было отмечено (да и хорошо известно), А.С. Лаппо-Данилевский определял исторический источник как «реализованный продукт человеческой психики...» и предлагал изучать его с точки зрения принципа «признания чужой одушевленности», поэтому в контексте рассматриваемой проблемы логично, на мой взгляд, обратиться, в первую очередь, к тем частям труда Лаппо-Данилевского, где он выясняет природу исторического источника и рассматривает процедуры «общения» историка с источником – опосредованно с его автором, т.е. процедуры интерпретации и критики исторического источника.

Вопреки возможным ожиданиям, А.С. Лаппо-Данилевский не обращается к трудам по психологии⁴, вырабатывая (по его собственному выражению, «добывая») определение понятия «исторический источник». Наверное, это не должно удивлять, тем более если учесть, что, определяя объект исторического познания на основе принципа «признания чужой одушевленности», Лаппо-Данилевский отмечает слабую разработанность этого принципа в литературе, апеллируя лишь к недавней статье австрийского философа и психолога Густава Кафки (1883–1953) «Опыт критического представления нового воззрения на проблему Я» (*Versuch einer kritischen Darstellung der neueren Anschauungen über das Ichproblem*, 1910) и отсылая читателя (точнее – слушателя, поскольку «Методология истории» – это пособие к лекционному курсу, что немаловажно отметить с точки зрения источниковедения историографии) к обзору проблемы «чужого Я», опубликованному И.И. Лапшиным (1870–1952) в 1909–1910 гг.⁵, и практически не ссылается ни на А.И. Введенского, ни на В. Дильтея, уделивших в 90-е годы XIX в. этой проблеме существенное внимание. Лаппо-Данилевский при оригинальной разработке проблемы предпочитает опираться на собственно философские труды от классиков: Р. Декарта, Д. Юма и И. Канта, – до современников: Р. Авенариуса (1843–1896), Г. Зиммеля (1858–1918), представителей имманентной философии Вильгельма Шуппе (1836–1913) и Рихарда Шуберга-Зольдерна (1852–1935), марбургского неокантианца Г. Когена (1842–1918).

Эпизодически Лаппо-Данилевский апеллирует к трудам по психологии и при разработке целостной концепции интерпретации исторического источника⁶. Любопытно и то, что автор вообще не обращается к трудам по психологии в существенном разделе своего труда, посвященном психологическому методу

интерпретации. Малочисленные отсылки имеют ярко выраженный иллюстративный характер: автор не рецепирует идеи своих коллег, а использует ссылки на их труды для подтверждения собственных размышлений. Например, определяя интерпретацию как «общезначимое научное понимание исторического источника» [с. 65], Лаппо-Данилевский перечисляет целый ряд авторов, среди которых известные историки-методологи А. Бёк и Э. Бернгейм, философ-герменевтик Ф. Шлейермахер и другие философы, и отдельно называет работу Теодора Эльзенганса «Задача психологии толкования» (*Die Aufgabe einer Psychologie der Deutung*, 1904). Адресная апелляция к труду Т. Эльзенганса может быть гипотетически объяснена его новаторским характером и специализированной направленностью именно на герменевтику. Кстати, в том же 1913 г., когда была опубликована вторая часть «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, в русском переводе издан концептуальный труд Т. Эльзенганса «Психология и логика как введение в философию» (1890)⁷, что, вероятно, может расцениваться как проявление интереса российской науки к этому автору.

Анализируя процедуры интерпретации исторического источника, Лаппо-Данилевский привлекает специализированные труды по психологии для иллюстрации отдельных своих тезисов. Дважды он обращается к «Психологии народов» В. Вундта: при описании особенностей интерпретации произведений коллективного (народного) творчества и утверждая необходимость истолкования исторического источника «с точки зрения тех людей, среди которых он возник, и того времени, когда он появился». Вероятно, творчество В. Вундта, причем и его фундаментальный труд «Логика» (1880–1883), и «Психология народов», оказали более существенное воздействие на Лаппо-Данилевского, чем об этом можно судить по непосредственным ссылкам на труды немецкого философа. Об этом свидетельствуют неоднократные упоминания «Психологии народов» и особенно «Логики» В. Вундта в первой части труда А.С. Лаппо-Данилевского – обзоре «главнейших направлений в теории исторического знания». Но экспликация такого воздействия относится скорее к предметной области истории идей и не входит в задачи настоящего исследования.

Специализированные работы из области психологии привлекает Лаппо-Данилевский при анализе «технического» метода интерпретации исторических источников. Автор обращает внимание на связь почерка с состоянием психики, ссылаясь на

труды немецкого биолога, физиолога В.Т. Прейера (1841–1897) «Психология письма» (*Zur Psychologie des Schreibens*. Hamburg; Lpz., 1895) и французского врача, одного из основоположников экспериментальной психологии А. Бине (1857–1911) по исследованию почерка. Заметим (оставив пока без комментария), что и Прейер, и Бине были специалистами, преимущественно, по психологии медицинской и экспериментальной, специализировались в области детской психологии. Кроме того, Лаппо-Данилевский привел название труда Прейера не полностью, опустив подзаголовок: «*Mitbesonderer Rücksicht auf individuelle Verschiedenheit der Handschriften*» (своеобразие индивидуальных различий почерка). Сославшись на работы психологов, Лаппо-Данилевский тут же замечает, что почерк зависит от многих условий и причин, тем самым отводя психологическому фактору не столь уж значительную роль.

Наиболее часто Лаппо-Данилевский апеллирует к трудам психологов в главе «Историческая критика источников». Стоит обратить внимание на то, что, придавая базовое значение процедуре интерпретации исторического источника, автор отвел критике исторического источника в «Методологии истории», по листажу, гораздо больше места – 210 страниц против 93 (по изданию 2010 года). Гипотетически можно было бы это объяснить сложившейся традицией уделять в методологии истории существенное внимание именно критике исторического источника⁸, но проведенный анализ показал, что именно этот раздел максимально наполнен иллюстративным материалом из самых разных областей научного знания, включая психологию: современная Лаппо-Данилевскому наука, как психология личности, так и прикладная психология, тесно связанная с медициной и криминалистикой, предоставляла автору такую возможность. В той части методологии источниковедения, где Лаппо-Данилевский исследует генезис свидетельских показаний, его интересы практически совпадают с проблематикой зарождавшейся юридической психологии.

Любопытно, что, приступая к анализу генезиса свидетельских показаний, Лаппо-Данилевский при постановке проблемы ссылается одновременно на философский труд «Опыты реальности» (*Wirklichkeitsversuche*, 1905–1906) В. Штерна, работу из области психологии – «Внушаемость» (*La suggestibilité*, 1900) А. Бине⁹ и на юридический трактат о причинах судебных ошибок (*M. Laillet, H. Vonoven. Les erreurs judiciaires et leurs causes*,

1897). На последнюю работу Лаппо-Данилевский ссылается, как минимум, еще семь раз, одновременно со ссылками на работы по психологии свидетельств. Сочетание подходов философии, медицинской и юридической психологии отчетливо прослеживается и дальше – на протяжении всего анализа критериев и методов установления достоверности/недостоверности показаний исторического источника.

Лаппо-Данилевский, в соответствии со своими неокантианскими воззрениями, заявляет: «Ввиду того что без субъекта не может быть перцепции объекта, что последняя есть акт индивидуального его сознания и, значит, подчинена его пределам и в известной мере отражает в себе его индивидуальные особенности, колебания и т.п., можно сказать, что свидетель, при совершении такого акта, не застрахован от ошибок...», – и ставит проблему различения «ошибок восприятия» от «ошибок памяти» [с. 301–302]. Методолог привлекает труд английского философа, одного из основоположников детской психологии Джеймса Селли¹⁰ «Заблуждения чувств и сознания».

Лаппо-Данилевского интересует психология личности, психопатология, экспериментальная психология. Анализируя генезис свидетельств, как без давления внешних условий, так и под давлением, в том числе и у душевнобольных, и под влиянием душевного волнения, методолог обращается к уже упомянутому труду Селли, а также к «Принципам психологии» (1890) американского философа прагматического направления, одного из основоположников психологии как науки У. Джеймса (1842–1910). На труд У. Джеймса Лаппо-Данилевский ссылается еще один раз: при анализе достоверности показаний о стигматах. Неоднократно упоминаются статьи А. Бине «Описание объекта» и «Теория свидетельских показаний», а также фундаментальный труд французско-швейцарского врача, психолога и социолога Г.-Л. Дюпра (1872–1956) с броским названием «Ложь».

Из области медицинской психологии Лаппо-Данилевский апеллирует к работам по особенностям и патологиям памяти З. Фрейда «Психопатология обыденной жизни», оппонировавшего Фрейду австро-венгерского психолога Пауля Раншбурга (1870–1945) «Болезни запоминания» и французского психолога Т. Рибо (1839–1916) о патологиях памяти и воли.

Проанализировав генезис показаний, Лаппо-Данилевский гораздо меньше внимания уделяет трансформации известий при

их передаче. Позволю себе предположить, что это связано с меньшим числом наработок по этой проблематике в современной автору литературе. Затрагивая эту проблему, методолог ссылается на «Психологию толп».

Чаще всего А.С. Лаппо-Данилевский ссылается на труды Вильяма Штерна (1871–1938) – немецкого философа и психолога, одного из основоположников психологии личности. Обращение Лаппо-Данилевского к работам В. Штерна стало темой специального исследования М.П. Вальц, которой удалось прийти к весьма нетривиальным выводам¹¹. Исследовательница выяснила, что Лаппо-Данилевский апеллирует к трудам В. Штерна как по психологии показаний/свидетельств в связи с вопросами судебного следствия. В центре внимания В. Штерна достоверность свидетельских показаний, что, конечно же, чрезвычайно важно для оценки достоверности информации исторического источника. Однако М.П. Вальц показала, что Лаппо-Данилевский не всегда корректен, привлекая материал и выводы В. Штерна для подтверждения источниковедческих наблюдений. В частности, русский методолог фактически «умалчивает», что часть выводов получена В. Штерном (одним из основоположников детской психологии) применительно к детям младшего возраста, вплоть до того, что некорректно приводит название труда Штерна – «Erinnerung, Aussage und Lüge» вместо «Erinnerung, Aussage und Lügeinderersten Kindheit», то есть опускает последние слова названия – «в раннем детстве»¹². Мы видели, что авторы, к которым обращается Лаппо-Данилевский, по преимуществу занимались изучением именно детской психологии. Например, Дж. Селли, на которого Лаппо-Данилевский неоднократно ссылается, специально (экспериментально) изучал природу детской лжи. Так что выводы, сделанные М.П. Вальц при сопоставлении отсылок Лаппо-Данилевского и трудов Штерна, стоит проверить и для других авторов, на которых ссылается методолог.

При рассмотрении психологии свидетельских показаний Лаппо-Данилевский обращается к трудам по криминалистике: например, рассматривая разные варианты искажения информации очевидцами, ссылается на статью А.Ф. Кони (1844–1927) «Свидетели на суде» (1909). Один раз Лаппо-Данилевский заимствует из статьи А.Ф. Кони, частично цитируя, пример искажения восприятия под влиянием сильных чувств в рассказах очевидцев об убийстве в Москве в 1812 г., в день вступления французов

в столицу, купеческого сына Верещагина: «последующий ужас притупил их внимание к предшествующему»; Дмитриев, Обрезков, Бестужев-Рюмин и другие различно рассказывают о том, как Ростопчин приказал “рубить” Верещагина, хотя согласно повествуют о последовавшей за тем сценой расправы толпы с указанным ей “изменником”. Статья А.Ф. Кони опубликована в тематическом выпуске сборника «Проблемы психологии», посвященном достоверности свидетельских показаний¹³, на этот сборник, не указывая авторов, Лаппо-Данилевский ссылается еще восемь раз и отдельно упоминает лишь статью А. Крамера «Влияние душевных болезней и смежных с ними состояний на качество свидетельских показаний».

Лаппо-Данилевский обращается и к другим работам по юридической психологии как психологов, так и криминалистов: статье швейцарского врача-невролога, специалиста по детской психологии Э. Клапареда (1873–1940) «Юридическая психология», статье с аналогичным названием «Юридическая психология. Свидетельство», работе немецкого врача-психотерапевта Альберта фон Шренка-Нотцинга (1862–1929), посвященной анализу показаний на одном из судебных процессов.

Таким образом, анализ отсылок в «Методологии истории» к трудам по психологии подтверждает ранее полученные выводы (и мной при изучении соотношения концепции Лаппо-Данилевского и А.И. Введенского и В. Дильтея, и моей аспиранткой М.П. Вальц) о преимущественно иллюстративном использовании Лаппо-Данилевским ряда трудов предшественников, из которых он часто черпал не идеи, а материал для иллюстрации своих оригинальных размышлений.

Но нельзя забывать, что «Методология истории», с точки зрения источниковедения историографии¹⁴, – это пособие к лекционному курсу, читанному А.С. Лаппо-Данилевским в 1909/1910 и 1910/1911 уч. годах в Санкт-Петербургском университете. Можно предположить, что иллюстративный характер обращения автора к трудам по психологии (и не только) во многом обусловлен именно логикой курса, который, в отличие, например, от научного трактата, предполагал не экспликацию интеллектуальных оснований концепции А.С. Лаппо-Данилевского, а максимально строгое и логичное ее изложение, проиллюстрированное – для наглядности и расширения кругозора слушателей – наиболее яркими примерами из разных областей знания.

¹ Лапто-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 38.

² Кареев Н.И. Теория исторического знания. Изд. 2-е. М., 2010. С. 187–203.

³ С точки зрения истории идей эта тема рассмотрена в статье: Румянцева М.Ф. Философские основания методологии истории русской версии неокантианства: А.И. Введенский и В. Дильтей // Диалог со временем [в печати].

⁴ Ввиду того что на рубеже XIX–XX вв. психология только начинает отделяться от философии, в настоящей статье отдается предпочтение формулировке «труды по психологии» перед более краткой «труды психологов»: проблемы психологии рассматривали в теоретическом плане философы, в прикладном – по преимуществу врачи-психиатры и криминалисты.

⁵ Лапто-Данилевский А.С. Методология истории... Т. 1. С. 336.

⁶ Там же. Т. 2. С. 64–155. – Далее ссылки на страницы т. 2 этого издания даны в тексте, в квадратных скобках.

⁷ Эльзенганс Т. Психология и логика как введение в философию. Рига, 1913. 164 с.

⁸ Парадигмальную характеристику понятия «критика исторического источника» см.: Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 242; Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 588.

⁹ Эта работа упоминается еще раз в связи с анализом показаний, данных под внушением [с. 350].

¹⁰ Такая транслитерация фамилии является общепринятой.

¹¹ Вальц М.П. Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лапто-Данилевского «Методология истории»: дисс. канд. ист. наук. М., 2015. С. 191–213.

¹² Там же. С. 192–193.

¹³ Проблемы психологии: [сб.] / под ред. О.Б. Гольдовского [и др.]. Вып. 1. Ложь и свидетельские показания. М., 1905. 264 с.

¹⁴ См.: Теория и методология... С. 209; Источниковедение... С. 505–559.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (1897–1923)¹

Елена Федоровна Синельникова

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург

Владимир Семенович Соболев

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** Междисциплинарность являлась одним из основных принципов организации деятельности Санкт-Петербургского философского общества, которое с момента своего создания широко открывало свои двери для ученых различных специальностей. Об этом со всей убедительностью свидетельствуют результаты анализа состава общества, тематики докладов, сделанных на его собраниях, а также целый ряд публикаций трудов членов общества. В актив общества входили яркие представители гуманитарных, естественных и точных наук. Философское общество оставалось верным принципу междисциплинарности на протяжении всего периода своего существования (1897–1923 гг.).*

***Ключевые слова:** наука в России, университетская наука, история философии, научные общества, вклад в развитие культуры и науки, деятельность ученых.*

Санкт-Петербургское философское общество было создано в 1897 г. Его учредителями были не только известные представители философской мысли (А.И. Введенский, В.С. Соловьев, Э.Л. Радлов, Н.Г. Дебольский, М.И. Каринский, М.В. Безобразова), но и выдающиеся ученые – представители других наук (В.М. Бехтерев, И.П. Бородин, А.С. Фаминцын, С.Ф. Платонов,

А.С. Лаппо-Данилевский, С.А. Жебелев, М.И. Туган-Барановский, Н.И. Кареев, А.Ф. Кони, О.Д. Хвольсон и др.). Таким образом, с самого начала в основу деятельности этого научного общества был заложен принцип междисциплинарности.

Известный ученый-философ Георгий Иванович Челпанов в 1904 г. в статье о втором Международном философском конгрессе в Женеве обосновывал необходимость проведения Всероссийского философского съезда, и в частности указывал, что «в последние годы на всех съездах естествоиспытателей, врачей общие заседания посвящаются вопросам философского характера [...]. Не будет ли лучше, если эти философские вопросы будут обсуждаться вместе с философами. [...] На [Философских] съездах может произойти сближение между философией и частными науками»². Именно данным положением и руководствовалось Философское общество, на собраниях которого неоднократно отмечалось, что оно, «широко открывшее свои двери» для ученых различных специальностей, «приносит много пользы в деле объединения философии и естествознания, философии и других наук»³.

Доклады, которые делались и обсуждались на его заседаниях, были посвящены актуальным научным проблемам, но при этом носили междисциплинарный характер. Это можно проследить по тематике докладов в первые годы деятельности общества. Например, в его стенах в 1898 г. широко отмечалось столетие выдающегося французского философа Огюста Конта, родоначальника позитивизма. Каждый из докладчиков рассматривал его учение с точки зрения своей специализации. Так, юбилейные мероприятия были начаты речью В.С. Соловьева «Об общих идеях О. Конта», в которой Владимир Сергеевич обрисовал «исторические условия мысли» французского мыслителя и указывал на то, что «отрицательное отношение к христианству соединяется у Конта с отрицательным же отношением к революции»⁴. По мнению В.С. Соловьева, «Конт не остановился на понятиях нации и гражданского общества, но указал на человечество, как живое, действительное существо»⁵.

Одним из авторов юбилейных речей стал историк А.С. Лаппо-Данилевский, говоривший «о позитивном методе в социологии Конта». По мнению докладчика «методологические указания Конта имели большое значение в истории социологии»⁶. Александр Сергеевич подчеркивал, что «сопоставляя общество с организмом, Конт понимал организм не только в биологичес-

ком, но и в психологическом смысле, и среди факторов прогресса на первое место ставил идеи»⁷.

Ученые-естественники в своих выступлениях, посвященных О. Конту, рассматривали его воззрения на математику, биологию и физику. Так, математик С.Е. Савич прочел речь о математических трудах Конта. Оратор отметил, что французский философ считал математику наиболее совершенной наукой «с точки зрения координации фактов» и рассматривал ее «как могучее средство для нахождения законов явлений»⁸. Физик О.Д. Хвольсон произнес речь, посвященную отношению позитивной философии Конта к физике. Задавшись вопросом, можно ли признать Конта по отношению к физике объединителем философии и естествознания, он пришел к отрицательному выводу⁹. Ученый-эпидемиолог С.М. Лукьянов выступил с речью «О позитивной биологии Конта», указав основы контовской классификации биологических наук, и подчеркнул, что Конт первое место в приемах биологического исследования отдавал сравнению и что быстрое развитие животной физиологии объясняется влиянием Конта¹⁰.

Существенный интерес также представляет речь выдающегося ботаника, ординарного академика Санкт-Петербургской Академии наук А.С. Фаминцына – «Современное естествознание и его ближайшая задача»¹¹, с которой он выступил на заседании Философского общества 22 октября 1899 г. Оратор отмечал, что естествоиспытателям следует применять экспериментальный метод при исследовании психологических явлений. Далее Андрей Сергеевич пояснял, что необходимо исследовать познавательную способность человека, т. е. способы и средства, которые он использует для познания внешнего мира. Для того чтобы различия, наблюдаемые между живыми существами и природой, обуславливается не столько разницей между ними по существу, сколько разницей предоставленных человеку способов к их познанию, т. е. явления природы доступны лишь с внешней стороны, а себя и другие живые существа человек изучает и со стороны внешней, и со стороны внутренней психологической жизни. Соответственно естествознание должно подвергнуться изменениям, если примет во внимание данные из таких наук, как логика, психология и учение о познании. Таким образом, решение спора между сторонниками механического мировоззрения и виталистами он видел вне сферы естествознания, что обуславливается главным

образом данными из наук, занимающихся исследованием психологической деятельности¹².

Междисциплинарный характер носил и состоявшийся 17 ноября 1899 г. доклад опытного юриста Д.Д. Гримма «К вопросу о психологическом анализе человеческих действий». Давид Давидович считал, что подобный анализ «должен быть произведен с двоякой точки зрения: с точки зрения самого действующего лица (анализ внутренней стороны действия) и с точки зрения третьих лиц (анализ внешней стороны действия)»¹³. По мнению докладчика, все действия человека «можно разбить на две главные группы: действия, направленные на известный физический эффект (например пользование, потребление, распоряжение), и действия, направленные на известный психический эффект в отношении данного объекта (например восприятие или усвоение чего-либо, сообщение чего-либо, взаимный обмен мыслей, чувств, желаний)»¹⁴. В докладе, в частности, говорилось о возможности применения общих начал психологии в области уголовного права.

Доклад вызвал большой интерес у присутствующих, в прениях выступили шесть оппонентов. В их числе известный юрист А.Ф. Кони, являющийся членом Философского общества, которого А.И. Введенский специально пригласил принять участие в обсуждении этого доклада. Анатолий Федорович, начинавший «прения», отметил, что «применение общих начал психологии и ее выводов к уголовной ответственности» вполне желательно, но нельзя в судебной сфере этим ограничиваться¹⁵.

В рамках поставленной перед нами задачи считаем возможным упомянуть о докладе представителя социологической мысли Б.А. Кистяковского «Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений», который был сделан на собрании 16 декабря 1899 г. Богдан Александрович полагал, что «безусловная необходимость по своему содержанию тождественна с всепространственностью и всевременностью. То есть со значением для всякого места и для всякого времени»¹⁶. Докладчик указывал на то, что «над всяким социальным явлением независимо от исследования причинных соотношений, обусловивших его, может быть высказан этический приговор, в зависимости от того, приводит ли оно к справедливым результатам»¹⁷. Надо заметить, что в описываемый нами момент Б.А. Кистяковский являлся еще представителем марксистской философии (от марксизма он ото-

шел позднее, в первые годы XX в.), поэтому в докладе давалась весьма положительная оценка ряду важных марксистских положений. К. Марксу ставилось в особенную заслугу применение новых методов к изучению социальных явлений.

Как и следовало ожидать, обсуждение доклада проходило очень активно. В связи с большим значением, которое к этому времени уже имели идеи К. Маркса для социально-политической ситуации в стране, остановимся подробнее на высказанных в прениях суждениях о его «историко-философской системе экономического материализма». Так, экономист и статистик В.И. Борткевич критически оценивал положения его теории, отмечая ее чисто экономическое содержание, которое не обладало «характером бесспорности»¹⁸. Владиславом Иосифовичем отмечалось также, что приемы, использованные Марксом для доказательства его теории, «не представляют ничего нового, [...], хотя бы по сравнению с методами, применявшимися классической школой экономистов»¹⁹. В том же тоне высказывался и следующий оппонент – автор многочисленных философских статей Л.Е. Оболенский, который подчеркивал, что «теория К. Маркса, видящая всю историю в классовой борьбе и развитии только экономических отношений, является лишь односторонней научной гипотезой», и далее, что «ее ошибка в том, что она в одной цепи причинных зависимостей (в цепи экономической и классовой) видит все и надеется объяснить этим всю историю»²⁰. Своеобразным «предостережением» прозвучало одно из главных положений оппонента: «опасность марксизма в том, что он переносит свою односторонность в мораль, в практическую жизнь»²¹.

Изучение совокупности источников по истории деятельности Философского общества показывает, что принцип междисциплинарности в подборе тем выступлений и докладчиков сохранялся на протяжении всего времени его существования, т. е. до 1923 г.

Так, в 1910–1911 гг., как отмечала действительный член общества К.М. Милорадович, представители не специально философских наук принимают особенно живое участие в заседаниях Философского общества²². В этот период были сделаны несколько докладов русским математиком и общественным деятелем А.В. Васильевым, которые служили «сближению философии с математикой и естествознанием»²³. В 1916 г., например, О.В. Хвольсон выступал с докладом «Роль веры в физике»²⁴.

Можно назвать и состоявшийся в феврале 1917 г. доклад академика В.М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психической деятельности и его роль в обосновании рефлексологии человека»²⁵. Владимир Михайлович отмечал, что внешние или объективные проявления психической деятельности, как у животных, так и у человека, могут быть рассматриваемы как высшие рефлексы, которые приобретаются путем упражнения или воспитания, следовательно, развиваются в течение жизни под влиянием индивидуального опыта²⁶. Рефлексология, как научная дисциплина, ставит своей задачей изучение нервно-психических проявлений, как высших рефлексов. Допуская влияние субъективных факторов на течение психических процессов (воля, внимание), Бехтерев подчеркивал, что сами субъективные факторы являются или последствием стороннего внешнего повода или заключаются в прошлых условиях личности, которая должна быть рассматриваема с объективной точки зрения²⁷. В этом случае расспросы полезны не для того, чтобы останавливаться на субъективных сторонах психической деятельности, а для учитывания объективных данных. В заключение оратор отмечал, что строго объективный метод исследования нервно-психической деятельности уже указал на полную закономерность развития и проявления высших рефлексов²⁸. Точно так же в общественной жизни объективное изучение дало много интересных данных в исследованиях закономерностей действий человека и закономерностей развития ряда важных общественных явлений.

В заключение считаем возможным сделать вывод, что принцип междисциплинарности являлся одним из важных факторов в организации деятельности Философского общества (1897–1923).

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-00003).

² *Челпанов Г.* Второй международный Философский конгресс в Женеве // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74. С. 599.

³ Протоколы общих собраний Философского общества, состоящего при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897 и 1898 гг. // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. 95.

⁴ *Соловьев В.С.* Идея человечества у Августа Конта // Собрание сочинений / под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. В 10 тт. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 9. С. 173.

⁵ Протоколы общих собраний Философского общества... С. 94.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 95.

¹¹ Протоколы общих собраний Санкт-Петербургского философского общества за 1899 г. // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 51. С. 92–93.

¹² Там же. С. 92.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 101.

¹⁵ Там же. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 113–114.

²⁰ Там же. С. 117.

²¹ Там же.

²² *Милорадович К.М.* Петербургское философское общество // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Р. IV. Оп. 1-1922. Д. 875. Л. 10.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Положения доклада В.М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психической деятельности и его роль в обосновании рефлексологии человека», сделанного в заседании Петроградского Философского Общества, 9-го февраля 1917 г. // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1917. Вып. 3–5. С. 79–80.

²⁶ Там же. С. 79.

²⁷ Там же. С. 80.

²⁸ Там же.

«УТКИ» И «КРОЛИКИ» ТОМАСА КУНА: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В НАУКЕ И СОВРЕМЕННЫЙ «КОММУНИКАТОЛОГИЧЕСКИЙ» ДИСКУРС

Дмитрий Викторович Лукьянов

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Фрагментация научного дискурса и относительный статус профессиональных научных сообществ характеризуют современную постнеклассическую модель развития социально-гуманитарного знания, которая формируется в парадоксальной обстановке множества совершаемых «научных революций». Концепция и категориальный аппарат развития науки и научного знания Т. Куна дает возможность проанализировать смысл и содержание полученных результатов «коммуникативного поворота» и «коммуникативной революции» в гуманитарном познании. С позиций формирующегося коммуникатологического дискурса в статье делается попытка современного прочтения и «переключения гештальта» в восприятии знаменитой концепции американского философа.*

***Ключевые слова:** постнеклассическая наука, научная революция, коммуникативная революция, коммуникативистика, коммуникатология, парадигма, научное сообщество.*

Современная коммуникативистика, формирующаяся в диспозитиве коммуникатологического дискурса, представлена сегодня как разнородное и фрагментированное междисциплинарное пространство в социальных и гуманитарных науках, в котором такие понятия, как «коммуникативный подход»¹, «теории коммуникации»², феномен «коммуникативной революции»³, а также постоянно встречающиеся разнородные эпитеты и «добавления» к понятию «коммуникация» – определили собою весьма распространенный интеллектуальный тренд⁴, сравнимый по частоте словоупотребления и упоминания разве что с куновским определением «парадигмы» 1970-х гг.

Большинство научных работ, призывающих и желающих приблизить нас к непосредственному пониманию *логоса* коммуникативной проблематики, отличает странная двойственность: с одной стороны, особняком стоят труды социальных философов, рефлексирующих свой «объект» в широких горизонтах современной социологии, политической теории, соотношения культурных и моральных практик, кибернетических и нейропсихологических подходов, чьи имена в историографии коммуникативистики представляют известный «канон»⁵, что можно проследить по количеству сносок и обилию цитат в любом мало-мальски относящем себя к данной проблематике издании. С другой стороны, коммуникативный подход в социально-гуманитарном познании принимает зачастую вид своеобразного «*ре*-мониторинга» различных *давно* привычных и знакомых областей научного знания, в которых замечается некритическое и некогерентное заимствование и восприятие *инновационных* средств и концептов «классики» современного коммуникатологического дискурса.

Относительно последнего замечания – приведу характерные примеры. В СССР «коммунистическое воспитание молодежи» опиралось, как известно, на нормативно-нравственные принципы «Морального кодекса строителя коммунизма». Возглас «Один – за всех и все – за одного» мушкетеров из советского сериала напрямую заимствован из данного «кодекса», одно из положений которого гласит: «каждый за всех, все за одного»⁶. Между тем формирование «социального образования молодежи» в постсоветской России предполагается сегодня на новых принципиальных основаниях т.н. «*духовной коммуникации*». Нет принципов коммунистической морали, но в основание предлагаемых *новых* принципов т.н. духовной коммуникации вводится элемент инноватики, в частности – категория «аксикреация», и заявляется это как педагогическая стратегия социализации современной молодежи. Причем под данной категорией «аксикреации» понимается, цитирую, «процесс порождения, «выращивания» у человека или группы людей новых или «регенерации» и принятия переосмысленных в своем личностно-индивидуальном значении социальных и других ценностей»⁷. Добавлю к этому, что в поисковой сети Интернет на слово «коммуникация» – следуют в числе прочих многочисленные предложения воспользоваться т. н. «транскоммуникативным общением с загробным миром», которые вызывают у пользователя не только сочувственное любопытство: здесь

в целом можно констатировать, что налицо адаптация профанным сознанием коммуникатологической лексики как проявление надежной и основательной практики номинации в «ускользающем» мире (т. е. как приемлемо адекватный выход из состояния относительной депривации в «текущей современности»).

В этом смысле ситуация отмеченной **рассогласованности** в понимании коммуникативного подхода и его применения в практике социальных и гуманитарных наук можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, это то, что стало уже общим местом не только в современном науковедении (В.С. Степин)⁸, но и апробировано в большинстве наук т.н. социально-гуманитарного профиля: а именно – переход от классической и неклассической к постнеклассической/неоклассической модели научных исследований⁹.

Осмысление произошедших изменений отражено в ряде монографий и проблемных статей, где в качестве важнейшего компонента авторских размышлений обозначена размытость в новом понимании статуса самого академического знания – традиционных представлений об объекте, субъекте и средствах научного поиска. Так, манифестации радикальных конструктивистов, и, в частности, Эрнста фон Глазерсфельда весьма показательны в том плане, что в формулировке общей научно-познавательной стратегии сегодня он достаточно лаконично и категорично заявляет, что – это «знание без знания как объекта познания»¹⁰. В радикализме дегуманистического пафоса, касающегося представлений о субъекте и его роли в объяснении системы «общества общества», неоднократно упрекался Н. Луман, который лишь к концу своей жизни стал замечать «слишком человеческое» в социальном развитии¹¹. Относительно определенного дрейфа в сторону постнеклассической методологии научных исследований в России называется история ММК Георгия Петровича Щедровицкого, когда сфера общенаучной методологии развилась в рамках сформированного им «кружка» в игру чистого разума, что в дальнейшей идейной эволюции бытования его сторонников в постсоветском пространстве приняло откровенно игровые, интеллектуально-менеджеральные, политтехнологические очертания¹².

Это может вызвать возражения, но, как показывают работы современных ученых, считающих эпистемологически ориентированное знание определяющим, их беспокойство вызывает почти институциональное пренебрежение к теоретическому мышлению

в исследовательских практиках, а, к примеру, слова президента Международной Социологической Ассоциации Майкла Борового о том, что социология должна быть прежде всего полезной и приближаться к позиции здравого смысла – просто повергают в интеллектуальное изумление¹³. Добавим к этому названия серии книг по социологии, политологии, политической и русской философии, искусству, ряда статей и книг по методологии социального познания и т. д., во всех них, вышедших под разными названиями и в различных изданиях, мы находим, если воспользоваться языком музыкальной грамматики, общее альтернативное «звучание» – бекар «подозрения» в отношении высокой ценности развития теоретического знания сегодня¹⁴.

Во-вторых, отмечу, что такое **многоголосие** теоретиков и специалистов по коммуникации сегодня вполне объяснимо самой сутью разворачивающейся на наших глазах «коммуникативной революции».

В большинстве социогуманитарных наук и присущих им научных формах познания и исследовательских областях уже совершились (и совершаются на наших глазах) «свои» революции, вследствие чего постепенно утверждаются и соответствующие им институциональные порядки. У понятия «научная революция» сегодня существует достаточно много содержательных «референтов», если не вспоминать «четкости» понимания у нас давно забытой советской НТР¹⁵: это, помимо уже упомянутой «коммуникативной революции», – «сетевая», «глобальная», «технологическая», «цифровая/дигитальная», «историографическая» и т. п.¹⁶

Общее качество в «событийности»¹⁷ у всех вышеперечисленных научных революций – это, на наш взгляд, то, что они порождают различного рода *расколы*¹⁸ и приводят в целом к *дивергенции* социального поля науки.

Последний феномен (дивергенция), наряду с конвергенцией, не содержит в себе негативных коннотаций, если под дивергенцией понимать стратегию поиска единства профессиональных сообществ на базе их принципиальных интеллектуальных различий¹⁹. Имеющиеся и разрабатываемые сейчас подходы к осмыслению феномена междисциплинарных исследований и проектов должны, казалось бы, снять все принципиально существующие противоречия?! Однако ориентированность на меж-, транс-, поли- или же и вовсе бездисциплинарность в научных исследованиях пока не дает нам ощутимого и полноценного реализуемого академичес-

кого результата. Более того, выход из сложившейся парадоксальной ситуации видится и выражается многими учеными в ряде ультрапарадоксальных призывов – к необходимости опять же *новых* «коперниканской» или же «когнитивной» революций²⁰. Впрочем в истории философии и науки они также *уже* происходили.

В этом смысле, третье обстоятельство, которое заставляет обратить на себя внимание – это во-многом связанный с куновским понятием научной революции **полифонизм** представлений о типах, способах и характере бытования научного знания в современных условиях, а также вопрос о научном статусе, на который претендует сегодня сама «коммуникативная парадигма».

Во взглядах на «кумулятивность» и целеполагание истины в современной науке могут быть объединены попытки приблизиться к «мерцанию смысла» получаемых ответов о «пользе и вреде» современного коммуникатологического дискурса и структурно перейти к обоснованию вариантно ему существующей «дисциплинарной матрицы» коммуникативистики.

Известный афоризм из знаменитой книги Т. Куна, 55-летие выхода в свет в США и 45-летие – в СССР которой мы отмечаем в этом году, гласит: «То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывается кроликом»²¹. Касаясь далее в «Дополнении 1969 г.» вопроса о возможностях «эволюционной точки зрения на науку», Т. Кун напрямую делает отсылку к автору «Происхождения видов» и отмечает, в частности, что: «опровержение эволюции... телеологического типа... [которое. – Д. Л.] ...не признавало никакой цели, установленной Богом или природой», для большинства читающей публики «было наиболее значительным и наименее принятым из предложений Дарвина»²². Достаточно смело такие понятия дарвиновской теории, как «естественный отбор», «взаимодействие окружающей среды и организмов», «борьба видов» и т. д., помогают Т. Куну прекрасно адаптировать их к проблемам специфического развития научного знания. В итоге «революционный отбор» в научной деятельности способствует появлению «удивительно приспособленного набора инструментов» научного знания, и так в конечном счете решается проблема кумулятивности²³ накопленных в нем результатов. Кун пишет, что «без помощи какой-либо общей цели, постоянно фиксируемой истины, каждая стадия ... в развитии научного знания дает улучшенный образец», поскольку данный процесс «знаменуется возрастанием конкретности и специализации»²⁴.

Именно последнее замечание и дает Куну возможность обосновать существование и важность рассмотрения изменений в науке как преимущественно деятельности различных профессиональных сообществ²⁵, а также прийти к прояснению специфики их бытования «во множестве парадигм», заменив таким образом критикуемое в первом издании книги категорическое утверждение об их «несоизмеримости» на более многоуровневое понимание того, что они сосуществуют как структурно-функциональные компоненты символических обобщений, нормативных объяснений и ценностей научного знания внутри упорядочивающей парадигмы «дисциплинарной матрицы»²⁶. Здесь важно, что своеобразная и изначальная процессуальность возрастания и прироста научного знания покоится у Куна на вполне «нормальном» в его лексике представлении об *отсутствующей структуре онтологии* обязательного становления на пути к достижению истины. Это я хочу подчеркнуть. Научная истина, по сути – не обязательный атрибут научной деятельности и не единственный нормативный стандарт эволюции науки. Наука теперь атрибутируется исключительно конкурентными преимуществами и существующими нормами конфликтного поведения внутри самих профессиональных сообществ как «самоорганизующихся механизмов»²⁷, т. е. различные изменения и революции теперь основываются, отмечает философ, на «объяснении диахронического изменения структуры сообществ в науке»²⁸.

По сути, Куном здесь обозначается то, что потом будет осмыслено как «аутопозная организация» всего живого, нашедшая свое отражение в идеях Умберто Р. Матураны и Франсиско Х. Варелы, высказанных в книге «Древо познания»²⁹, т. е. представление о процессе самовоспроизводства автономных профессиональных сообществ, которые на уровне социального сопряжения внутри себя приобретают *коммуникативные* характеристики, а в структурном сопряжении внешнего взаимодействия между собой как сообществами – координируются *коммуникационно*³⁰. И если продолжить переинтерпретировать Т. Куна в духе размышлений чилийских нейробиологов далее, то их критика «метафоры коммуникационного канала» окажется ключом к пониманию возникающих у читателей Куна вопросов – «парадигма или много парадигм?», – и тогда станет понятно окончательное решение данного вопроса введением термина «дисциплинарная матрица».

Парадигмальный *взгляд* реализует как раз представление о том (если идти за Матураной и Варелой), что наука как парадигма *неспособна увидеть себя*, и поэтому ей необходима «фигура» *наблюдателя*. В варианте «много парадигм» мы имеем много наблюдателей, для которых другая парадигма никак структурно не детерминирована, она им вовсе неочевидна своей внутренней динамикой и как следствие несет в себе внутреннюю неопределенность. Именно выход в *дисциплинарную матрицу* означает здесь смещение акцента от значимости того, «что *передается*» к важности понимания «что происходит с тем, кто *воспринимает* передаваемое»³¹. И именно поэтому здесь возникает, как бы сказал Н. Луман, необходимость в инстанции «наблюдателя второго порядка» (медиума коммуникации), для которого уже вполне *очевидно* различимы коммуникативно-коммуникационные связи и результаты структурных сопряжений матричного соотношения парадигм как ее внутренних компонентов.

Факты передачи, пишет в этом смысле теоретик современной медиологии Режи Дебрэ, теперь воспринимаются как «*процессы* (ничего мгновенного, необходимо помедлить); эти процессы представляют собою *приключения* (ничто не разыгрывается заранее, никакого автоматизма); а приключения эти представляют собой *метаморфозы* (под конец мы выходим из них другими, нежели были вначале)»³². И это позволяет признать, что коммуникативная революция также, как и, собственно, научная революция Т. Куна, проявляет сходную способность к трансзоологическому обращению «уток» в «кроликов».

Одним же из недооцененных и необычайно актуальных тезисов Т. Куна является проблема «перевода» в процессе «ломки» научной коммуникации³³, в которой важная роль отводится самим коммуникантам, поскольку в результате данного конфликта они сами способны «осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой»³⁴. Это вполне согласуется с тем, о чем в контексте дискуссий о необходимости «прощания» в широком смысле с научным знанием размышляет Ю. Хабермас, когда в одной из своих книг осмысливает различие в статусе «философа как местоблюстителя и интерпретатора»³⁵ (научной истины).

Таким образом складывается устойчивое представление о том, что многие проблемы существования современных научных

профессиональных сообществ достаточно созвучны с тем коммуникатологическим дискурсом, который выстраивался после кризиса социологических и философских институциональностей (или же, по Ж.-Ф. Лиотару, «метанарративов»), после преодоления и критики теорий рационального и социального действия, деконструкции различных «социетальных» порядков в структуре описания современных обществ.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, аутопоэзис У. Матураны и Ф. Варелы и последующая рецепция их идей в работах Н. Лумана, собственно, – развитие теории и философии коммуникации в трудах Мануэля Кастельса, Карла-Отто Аппеля, Джанни Ваттимо и многих других в изучении того, что мы хотели бы назвать коммуникатологией, но останавливаемся на более нейтральном – коммуникативистика, – стали очевидны, «переводимы» и необычайно востребованы, когда изменились привычные контуры классической (институциональной) модели рациональности и произошел переход в поле рациональности коммуникативной (процессуальной) научной постнеклассики. Неудивительно поэтому, что коммуникативная теория претендует сегодня на статус *континуальной «онтологии»* понимания и упорядочивания почти что всех смыслов современности.

В заключение хочется сказать, что перечисление *всех* аспектов произошедшего коммуникативного «взрыва» в научном познании и знании разрушило бы сами основы и структуру данной статьи, поэтому позволительно будет преодолеть разрыв различных интеллектуальных эпох, воссоздав воображаемый диалог идей из Ф. Ницше и Н. Лумана. Первый писал о том, размышляя «о пользе и вреде истории для жизни», что «история продолжает оставаться замаскированной теологией»³⁶. Нечто сходное проделал и Н. Луман в книге «Власть» с эсхатологией, когда писал о ней как царстве исключительно *необходимого* и призывал переориентировать и расширить такую позицию до того, что должно быть осмыслено в современной социальной теории как иная установка – учет интеллектуальных порядков *необходимо контингентного (т.е. одновременного учета сложного сочетания возможности и невозможности действительного)*³⁷.

Можно понадеяться в этом смысле, что требование и необходимость интеллектуальной редукции комплексности контингентного в процессуально выраженном будущем коммуникатологического дискурса сделает его все более невероятным (в смысле

научного «путешествия в неизвестное»), но при этом – и в значительной степени – более понимаемым и институционально зримым для большинства существующих академических сообществ, которые автор «Структуры научных революций» сделал ключевым понятием своей знаменитой концепции.

¹ См.: [М.В. Рядинская] Коммуникативный подход // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014 (Образы истории: изд. с 2004 г. / Отв. ред. серии Л.П. Репина). С. 221–222.

² См.: *Назарчук А.В.* Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.; Кузнецов М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна. М.: ИФ РАН, 2011. – 143 с.

³ См.: *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 73–76.

⁴ См.: *Чернявская В.Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. Гл. V. С. 175–223.

⁵ См.: *Назарчук А.В.* Указ. соч.

⁶ Хрестоматия по марксистско-ленинской философии. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1962. Т. 3. С. 97.

⁷ *Рыбак Е.В.* Духовная коммуникация как аксикреативная составляющая социального образования молодёжи // Вестник Тверского университета. 2011. №16. С. 117–123.

⁸ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. Гл. 6–7. С. 533–702.

⁹ См.: *Лубский А.С.* Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю.В. Волков. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. Гл. 5. С. 256–339; *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 398 с.; *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs. социально ориентированное историописание: монография. Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.

¹⁰ См.: *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания (с переводами оригинальных работ Я. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Фёрстера, У. Матураны, Ф. Варелы и Г. Рота) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vixri.ru/?p=11681> (дата обращения 3.03.2017).

¹¹ См.: *Филитов А.Ф.* [рец.], *Луман Н.* Наблюдение современности. Опладен: Вестдойчер, 1992. 220 с. // Социологический журнал // Sociological Journal. 1994. Вып. 1. С. 185–188.

¹² [Розин В.М.] Переход от методологии науки к методологии деятельности // [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/perehod-ot-metodologii-nauki-k-metodologii-deyatelnosti.html> (дата обращения: 3.03.2017).

¹³ Доклад «Арьберггардные бои теоретической социологии», прочитанный А.Ф. Филипповым в РГГУ 12.10.16 г., в рамках открытия Центра социальной теории и политической антропологии им. Н.Н. Козловой. См. также его статью ранее в: Теория общества. Фундаментальные проблемы. Сб. / Пер. с нем., англ. / Вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. – 416 с. (Серия «LOGICASOCIALIS»); *Савельева И.М.* Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт / Диалог со временем. М.: ИВИ РАН, 2012. Вып. 38. С. 25–53; *Клягин С.В.* Разнообразие как медиа социального // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». № 1 (102). М., 2013. С.11–21; *Калмыков А.А.* Медиалогия Интернета / Предисл. С.В. Клягина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 272 с.

¹⁴ См.: Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях. Мат-лы конф. (Бремен, 25–27 июня 1998 г.). М.: ADMARGINEM, 2002. – 384 с.; Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. М.: Праксис; Ин-т экспериментальной социологии, 2005 – 205 с.; *Гройс Б.* Под подозрением. Феноменология медиа / пер. с нем. А. Фоменко. М.: Изд-во «Художественный журнал», 2006. – 200 с.; *Марков Б.В.* Понятие политического. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 144 с. – (Россия. В поисках себя...); *Рансьер Ж.* На краю политического / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. – 240 с.; *Бойцов М.* Несколько меланхолических тезисов об историке и глобализации // Как мы пишем историю? / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова; [пер. с франц. Е.И. Балаховской, Е.В. Дворниченко, Л.А. Пименовой]. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 393–413; *Тоштендаль Р.* Профессионализм историка и историческое знание: пер с англ. А.Ю. Сергиной. М.: Новый Хронограф, 2014. – 346 с.

¹⁵ См., напр.: *Старостин Б.С.* Параметры развития науки. М.: Мысль, 1980. – 280 с. Сам термин «научно-техническая революция» введен Дж. Берналом в книге «Наука в истории общества», вышедшей на русском в 1956 г.

¹⁶ См., напр.: *Болыч Н.* Азбука медиа. М.: Изд-во «Европа», 2011. – 136 с. – (Серия «Политучеба»); *Дебрэ Р.* Введение в медиологию / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2010. – 368 с. – (Серия «Образ общества»); [А.В. Лубский] *Историографическая революция // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. (Образы истории: изд. с 2004 г. / Отв. ред. серии Л.П. Репина). С. 158–160.*

¹⁷ См.: *Шейпин С.* Научная революция // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 315–515.

¹⁸ Социокультурная категория, подробно разработанная А.С. Ахиезером и вошедшая в широкий историографический контекст как концепт для осмысления российской истории (См.: Россия: расколота цивилизация? «Круглый стол» // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 3–45). У Норберта Больца встречается определение «цифровой раскол» (*Больц Н.* Указ. соч. С. 6).

¹⁹ У Габриэля Марселя это понимание, что «Каждый для самого себя есть “мы”». Цит. по: *Старовойтов В.В.* Современный психоанализ: интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного подходов. М.: ИФ РАН, 2004. С. 60.

²⁰ См.: *Максимов Л.В.* Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 160 с.; *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГУ, 2008. – 358 с.; Когнитивный подход. Науч. монография / Отв. ред. акад. РАН В.А. Лекторский. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 464 с.; *Баксанский О.Е.* Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 224 с.

²¹ *Кун Т.* Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова. М.: Изд-во АСТ, 2015. С. 174.

²² Там же. С. 258.

²³ Там же. С. 153.

²⁴ Там же. С. 259.

²⁵ Там же. С. 269.

²⁶ Там же. С. 273.

²⁷ Там же. С. 271.

²⁸ Там же. С. 269.

²⁹ *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 40.

³⁰ Там же. С. 172.

³¹ Там же. С. 173.

³² *Дебрэ Р.* Указ. соч. С. 193.

³³ *Кун Т.* Указ. соч. С. 302.

³⁴ Там же.

³⁵ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 7–33.

³⁶ *Ницше Ф.* О пользе и вrede истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.1. Литературные памятники / Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. Я. Берман, Г.А. Рачинский, К.А. Свасьян, С.Л. Франк. М.: Мысль, 1990. С. 207.

³⁷ *Луман Н.* Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 155.

Секция 4. Лингвистические методы
в исторических исследованиях

**ПРАКТИКА
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ
В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ СИСТЕМ ПИСЬМА**

Людмила Львовна Федорова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена использованию лингвосемиотических методов в исторических исследованиях древних систем письма. Материалом работы послужили кодексы ацтеков, представляющие собой пример объединения пиктографических, идеографических и собственно письменных приемов графической коммуникации. Рассматриваются лингвистические единицы ацтекского письма: текстограмма и лингвистическая эмблема. Ставится проблема способов обозначения времени, выделяется «виртуальный план» повествования. Анализ графических приемов организации текста показывает возможности лингвосемиотических методов в изучении древних систем письма.*

***Ключевые слова:** древние системы письма, кодексы ацтеков, текстограмма, лингвистическая эмблема, виртуальное время.*

Изучение древних систем письма представляет интерес как для самих историков, поскольку позволяет прочесть тексты древних памятников и тем самым прояснить историческую картину предшествующих эпох, так и для лингвистов, изучающих древние языки и языковые системы.

Сам предмет изучения – древние письменные системы, особенно недешифрованные, – требует междисциплинарного подхода, усилий не только историков, но и лингвистов, и семиологов.

Научное изучение древних систем письма началось с конца XVIII в., когда накопились достаточные материалы для дешифровки текстов. Среди них – прежде всего древнеегипетские иероглифические и разноязычные клинописные памятники.

Дешифровка письма опирается на представления о его устройстве и развитии. В теоретическом изучении письма представления о характере его эволюции и о принципах его классификации со временем меняются.

Самое общее разделение между рисуночным и фонетическим письмом впервые, по-видимому, провел Эдвард Тэйлор, основатель культурной антропологии. Разделение на словесный, слоговой и буквенный типы было предложено Исааком Тэйлором в 1883 г. в его книге «Алфавит»¹. В дальнейшем эта схема была детализирована и уточнена: рисуночное письмо стали квалифицировать как идеографическое и отделять от пиктографической предписьменности, а среди фонетических систем появились более дробные разделения. Но в именовании знаков идеографического письма сохранялись в использовании два термина: пиктограмма и идеограмма. Заметим, что как термины они неудачны с семиотической точки зрения, поскольку первое должно соответствовать значению 'рисуночный знак', а второе – 'знак для идеи', т. е. в первом термине отсылка к означаемому, а во втором к означаемому, и ничто не мешает идеограмме быть рисуночным знаком – пиктограммой, что нормально для древних письменностей. В дальнейшем термин «идеограмма» стали соотносить с переносным употреблением рисуночных знаков, при которых изображение требует метафорического или метонимического переосмысления.

Корректировались и представления о развитии письма как технического изобретения, которое совершенствуется, приспособляясь к языку, к материалу и с использованием новых техник. Пока письменная система удовлетворяет нуждам общества, нет мотивов и движущих сил для ее качественного изменения. Так, известно, что многие древние системы оставались в своей основе неизменными на протяжении тысячелетий, лишь упрощая начертания знаков при введении новых техник записи. Но по внутренней форме, т. е. по соответствию графических знаков единицам языка, они имеют морфо-силлабический (словесно-слоговой) характер. Лишь отказ от идеограмм приводит к значительному упрощению системы, но это происходит, как правило, в случае заимствования системы и приспособления ее к другому языку.

В настоящее время одной из древних письменных систем, привлекающих внимание исследователей, является письменность

ацтеков. Среди мезоамериканских систем письма (ольмеков, сапотек, майя) она является наиболее поздней (XIII–XVI вв.) и наименее развитой.

О характере ацтекских кодексов существуют различные мнения. Традиционная точка зрения, которой придерживался выдающийся историк письма Е. Гельб², заключается в том, что в кодексах представлена не письменность как таковая, а пиктография, т. е. предписьменность: в ней рисуночные изображения передают собственное содержание традиционным и самодостаточным в данной культуре способом. О том, что ацтекам свойственно «визуальное мышление», т. е. способность изображать события рисунками и понимать «рисуночные тексты» в рамках принятых графических условностей, писала американская исследовательница Э. Бун³. Другая точка зрения была высказана еще в XIX в. Ж. Обеном, который находил в рисуночных кодексах читаемые знаковые комплексы и даже предлагал несколько прочтений; эту точку зрения в XX в. разделял также Г. Николсон⁴. Современная позиция по отношению к ацтекскому письму заключается в признании его морфо-силлабического характера (словесно-слогового), но в ограниченном функциональном использовании: для передачи звучания преимущественно собственных имен (личных имен и топонимов)⁵.

Для понимания структуры ацтекских кодексов полезным оказывается подход современного исследователя Г. Витаккера⁶. Характеризуя древние системы графической коммуникации, он выделяет в них три составляющих: иконографическую, нотационную и письменную. Иконографическая обычно представлена рисунками, изображавшими известных персонажей и их действия и атрибуты; иконография связывается с определенными образами и способна передавать традиционное содержание. Нотация предполагает некую символическую форму записи точной информации: чисел, мер, весов, дат; для нотации используются нередко простые линейные знаки, но они могут сочетаться и с рисуночными, уточняющими объект. Собственно письменная графическая коммуникация использует письменные знаки, передающие звучание слов конкретного языка; как правило, изначально это тоже рисуночные знаки, но не обязательно (могут использоваться и схематичные условные формы – так называемые линейные знаки).

В более широком понимании иконография включает скульптурные и рельефные изображения; вместе с традиционными устными текстами они образуют «информационное поле» древней культуры, в котором пиктография и затем письмо становятся последовательными этапами развития, обеспечивающими стабильность и совершенствование антропосистемы, как отмечает Г.Г. Ершова⁷.

В древних письменных системах передача информации с помощью графических знаков представляет собой синкретическое использование разных систем. При этом обычно можно разделить собственно письменный текст, использующий рисуночные знаки, и иконографические изображения, сопровождающие текст: изображения выделены в отдельное поле, отличаются размерами, техникой и характером исполнения. Так, например, устроены кодексы майя, древнеегипетские рукописи. В отношении кодексов ацтеков сложность заключается в том, что письменные знаки внешне никак не отличаются от остальных рисунков, которые передают содержание в целой композиции. Собственно, рисунки в ацтекских кодексах можно лишь условно отнести к иконографическим средствам; скорее, это развитая пиктографическая основа, на которой надстраивается лингвистическая составляющая письма. Главное отличие состоит в том, что содержание письменных знаковых комплексов не допускает буквального понимания: так, дерево с зубами или дерево, растущее на голове орла, вряд ли могут быть удачно интерпретированы как содержательные рисунки. В действительности подобные знаковые комплексы используются в звуковом значении, которое восстанавливается по ребусному принципу.

В силу такого графического синкретизма анализ кодексов ацтеков требует междисциплинарного подхода: не только исторического, исследующего контекст их создания, но и лингвосомиотического, выявляющего основные единицы графического и собственно письменного репертуара и приемы организации рисуночных текстов.

В организации кодексов можно выделить две основные значимые единицы, имеющие лингвистическое содержание. Первая – это целая, композиционно законченная картинка, которая, как правило, соотносилась с известным текстом. Обычно кодексы передавали в рисуночной форме стандартные сюжеты, которым соответствовали известные или трафаретно устроенные устные

тексты (например, исторические хроники, жреческие пророчества или списки податей); они достаточно легко «прочитывались» по содержанию картинок. Таковую картинку можно назвать текстограммой. Вторая лингвистически значимая единица – это знаковый комплекс, которым записывались имена и топонимы; его можно назвать лингвистической эмблемой, поскольку он предполагает определенное познаковое чтение на ацтекском языке. Лингвистическая эмблема – это не эмблема в обычном смысле слова, предполагающая интерпретацию некоего символического содержания, а вполне конкретный, обычно стандартный, комплекс из 2–3 рисуночных знаков, соответствующих простым словам, которые хотя и неполно, но отражают звучание имени (иногда они воссоздают внутреннюю форму имени, а иногда представляют его в виде ребусной записи). Текстогрaмма и лингвистическая эмблема – это лингвистически значимые способы представления языкового содержания. Текстогрaмма передает основные моменты сюжета; лингвистическая эмблема уточняет имена персонажей, названия городов-данников, названия племен.

Поскольку текстогрaмма не представляет собой запись текста как такового с помощью фонетических знаков, ряд важных смысловых категорий получает несобственно лингвистическое выражение. Важной проблемой при передаче сюжета является способ выражения времени действия. Для документов летописного характера или жреческих требников существовала система календарных знаков для обозначения дат. В ней сочетались знаки собственно для чисел (нотация) и пиктограммы-образы, вместе представлявшие конкретное календарное обозначение. Например, в первой части кодекса Мендосы содержатся хроники правления разных вождей; каждому посвящена текстогрaмма, обрамленная календарными знаками, соответствующими годам его правления. Ацтекский календарь, более примитивный, чем календарь майя, отмечал 52-летний цикл с помощью числовых знаков от 1 до 13 в комбинации с пиктограммами для 4-х чередующихся лет («Дом», «Нож», «Кролик» или «Камыш»). Календарные знаки – цепочки квадратиков, окрашенных в голубой цвет. Однако кроме стандартной календарной информации в кодексе Мендосы присутствует и более специфическая. Так, в текстогрaмме, относящейся к правлению Моктесумы Шокойоцина, 19 квадратиков отмечают годы его правления (1502–1520). К пятому по счету («2 Камыш») привязан дополнительный знак: палочка для

разжигания огня и четыре завитка дыма. Этот символ соответствует праздничному ритуалу «разжигания огня», означающему начало нового 52-летнего цикла. Таким образом можно было уточнить даты правления. Последние три календарных квадрата оставлены незакрашенными. Что должны означать эти «пустые» годы? Отсутствие военных походов, которые составляют основное содержание каждого правления? Известно, что Моктесума, последний император ацтеков, одержал больше всех побед, что можно увидеть и в посвященной ему текстогамме. Или писец торопился закончить кодекс и оставил незаконченной хронику Моктесумы? Это вопрос к историкам.

Другой семиотически интересный аспект представления времени в текстогамме связан с различением времени «акта речи» и «факта речи». В коммуникативном акте, который воплощает текстогамма, участвует писец как автор текста или рассказчик (нарратор) и герой повествования, например Моктесума (или же другой вождь). Все текстогаммы этого цикла устроены одинаково: в центральной части слева изображен герой, в центре – символ войны, щит и стрелы (эмблема, прямо соответствующая ацтекскому биному *in mitl in chimalli* «стрелы–щит»⁸), а остальное поле занимают символы покоренных городов – рисунки разрушенного и горящего храма с прикрепленной лингвистической эмблемой имени поселения. Содержание такой текстогаммы читается по общей схеме: «правитель X покорил города А, В, С и т. д.». Однако можно усмотреть здесь иную структуру текста. Герой-правитель обычно изображен с завитком речи: не писец рассказывает о прошедших событиях, а сам правитель как бы свидетельствует о них. Это напоминает перформативные царские формулы других древних культур (ср. Бехистунскую надпись: «Говорит Дарайавауш, царь великий...»). Верно и то, что речь считается прерогативой вождя, его титул – *tlaotani* – как раз и означает ‘говорящий’. Моктесума – единственный правитель, изображенный без завитка речи. Почему? Не он рассказывает здесь о своих победах? Или же не считается праведным правителем? Но просто завиток речи не является знаком, отличающим вождя от других персонажей (сам знак очень распространен и встречается при совершенно разных персонажах, передавая процесс речи или пения). Каждый вождь отмечен эмблемой собственного имени, прикрепленной к голове. Так, имя Иццоатля (букв. «Змей с ножами» или «Змей со стрелами»)

передано эмблемой змея, утыканного наконечниками для стрел (itztli «кремневый нож, наконечник стрелы», coatl ‘змей’). Когда у центрального персонажа имеется знак речи, вся композиция приобретает законченность, передавая и содержание речи.

Можно считать в таком случае, что повествование сочетает два временных плана: актуальное время – собственно прямую речь персонажа, перформативный акт, которому адресат текста оказывается как бы свидетелем, и глубокое «виртуальное время» писца, нарратора, который погружает одномоментный перформативный акт в исторический контекст, сообщает необходимые детали, которые не могут присутствовать в поле зрения в момент речи героя. Тем самым нарратор придает конкретный смысл повествованию. Такая композиция позволяет вести повествование в двух планах: и от имени героя, и от имени хрониста.

Два временных плана присутствуют и в других текстограммах.

Интересный прием обозначения последовательности событий, широко используемый ацтекскими писцами, – это связь эпизодов с помощью следов ног; следы «ведут» читателя от одного эпизода к другому (см., например, эпизод свадьбы ацтеков, кодекс Мендосы, 61 r). Этот прием организации текста также соотносится с виртуальным планом.

Другой характерный пример использования «виртуального времени» представлен в кодексе Ботурини, где рассказывается об истории ацтеков.

Вот один из фрагментов. Ацтеки, отправившись из Ацтлана (мифической прародины) в поисках обетованной земли, попадают в плен к Кошкоштцину (букв.«Почтенный фазан»), правителю царства Кольхуакан, который ведет войну с царством Шочимилько. Кошкоштцин предлагает ацтекам воевать на его стороне. Фрагмент разбит на эпизоды 1–5:

Эпизоды обычно интерпретируются так:

1. Кошкоштцин велел ацтекам принести уши шочимилькан.
2. Они попросили оружие.
3. Кошкоштцин отказал им.
4. Они договорились, что все равно пойдут.
5. И они убили многих шочимилькан и собрали много ушей⁹.

Здесь композиционно различаются два временных плана: на основном плане показаны действующие персонажи, обменивающиеся речами и жестами, и мешок для трофеев, а выше –

содержание их речей, необходимое для понимания происходящего. На верхнем, виртуальном, плане отмечены: в (1) – имя Кошкоштин в виде головы фазана, символ войны «щит и стрелы», символ царства Шочимилько (букв. «Поле цветов», что и передает эмблема); во (2) – «щит и стрелы», но в буквальном смысле ‘оружие’, прикрепленные к завитку речи; в (3) – только имя Кошкоштина; в (4) – содержание речей договаривающихся ацтеков: диадема и уши как военные трофеи шочимилькан; но все это держит в руке (т. е. действует) ацтек с ножом в (5) эпизоде, тоже что-то говорящий и, видимо, убивающий воина Шочимилько. О чем говорит последний ацтек? Рассказывает ли он о последующих подвигах ацтеков, как принято считать? Или же сообщает о будущих намерениях? Связанность эпизодов (4) и (5) скорее заставляет предположить последнее, тем более что отсутствует какое бы то ни было обозначение промежутка времени между договором и событием. Последний эпизод незаконченного кодекса Ботурини показывает двух ацтеков, вооруженных ножами, – как идущих в поход за трофеями, но не как победителей¹⁰.

Рассмотренные примеры выявляют некоторые приемы передачи содержания рисуночными средствами. Интерпретация кодексов ацтеков основывается на лингвистически оправданных чтениях собственных имен, записанных в соответствии с общими принципами словесно-слогового письма, опирается на исторические тексты хроник и на испанские глоссы, оставленные в кодексах колониального периода. Но она также не может не учитывать семиотический анализ собственно идеографического компонента, дешифровку графических приемов.

¹ Daniels P.T. *Grammatology. The study of writing systems // The world's writing systems*. N.Y., 1996. P. 3–17.

² Гельб И.Е. *Опыт изучения письма*. М., 1982.

³ Boone E. *Pictorial documents and visual thinking in postconquest Mexico // Native traditions in the postconquest world*. Washington D.C., 1998. P. 149–106.

⁴ Nicholson H.B. *Phoneticism in the late Pre-Hispanic Central Mexican writing system // Mesoamerican writing systems*. Washington D.C., 1973. P. 1–46.

⁵ См.: *Berdan F.F.* The Place-Name, Personal Name, and Title Glyphs of the Codex Mendoza: Translations and Comments by Frances F. Berdan // *The Essential Codex Mendoza*. Berkeley, Los Angeles, London, 1997. P. 163–239; *Lacadena A.* Regional scribal traditions: Methodological implications for the decipherment of Nahuatl writing // *The PARI Journal*. 2008. № 8 (4). P. 1–23.

⁶ Whittaker G. (2009). *The Principles of Nahuatl Writing* // *Göttinger Beiträge zur Sprachwissenschaft*. 2009. № 16. P. 47–81.

⁷ *Ершова Г.Г.* Цивилизационные процессы: урбогенез в Новом и Старом Свете // *Развитие цивилизации в Новом Свете*. Сб. ст. по материалам Кнорозовских чтений. М., 2000. С. 10.

⁸ Montes de Oca Vega M. *Los difrasismos en el nahuatl del siglo XVI*. Tesis de doctorado en Estudios Mesoamericanos. México, 2000.

⁹ *Young K.* The last pages of Codex Boturini // [Электронный ресурс] URL: <http://www.thing.net/~grist/ld/bot/boturini.htm>

¹⁰ *Федорова Л.Л.* Отражение жестов в древних знаках письма // *Ритуал в языке и коммуникации*. М., 2013. С. 387–408.

РОССИЯ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ОТТО ФОН БИСМАРКА: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Николай Анатольевич Власов

Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** Основная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы определить возможность применения методов политической науки в рамках изучения исторической биографии. Несмотря на широкое распространение междисциплинарных подходов, по сегодняшний день историками в совершенно недостаточной степени используется обширная методология, разработанная для изучения личности и мировоззрения лидеров в рамках политической науки (в том числе теории международных отношений). В рамках настоящей статьи изучается возможность применения данного методологического арсенала для проведения конкретного исследования – изучения представлений Отто фон Бисмарка о России и русских.*

***Ключевые слова:** междисциплинарный подход, методология, политическая наука, теория международных отношений, лидер, мировоззрение, Отто фон Бисмарк, Россия.*

Внимание историков к жизни и деятельности выдающегося германского государственного деятеля Отто фон Бисмарка (1815–1898) не ослабевает по сегодняшний день. За последние полтора века опубликованы тысячи работ, посвященных как его биографии в целом, так и отдельным аспектам его политической деятельности. Фигура Бисмарка вызывает большой интерес и в России; об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные апокрифы, приписываемые «железному канцлеру» и весьма популярные в нашей стране¹.

Естественно, в наибольшей степени отечественных исследователей привлекает тема «Бисмарк и Россия». Об этом свидетельствует, в частности, появление в течение последнего десятилетия

двух монографий, посвященных дипломатической миссии будущего «железного канцлера» в Петербурге². Считается, что два с половиной года на должности прусского посланника в России наделили Бисмарка особым знанием и пониманием страны. Тем не менее по сегодняшний день не существует специализированного исследования, посвященного образу России в мировоззрении «железного канцлера».

Необходимо сразу отметить, что историк, поставивший себе цель провести подобное исследование, сразу же столкнется с большими сложностями. Дело в том, что мировоззрение Отто фон Бисмарка в целом является достаточно сложным объектом для реконструкции. В его письмах, меморандумах и выступлениях можно при желании найти любые, часто противоречащие друг другу мнения по различным вопросам. Будучи, в первую очередь, дипломатом, Бисмарк строил тексты в соответствии с требованиями момента, далеко не всегда высказывая свои действительные мысли и убеждения. Сам он однажды заявил о том, что историки будущего вряд ли смогут понять его цели и планы на основании документов³.

Эта ситуация требует от исследователя применения новых подходов, основанных не на поиске отдельных цитат, а на изучении всего корпуса высказываний Бисмарка о России и русских, включающего в себя сотни, если не тысячи единиц. При этом обычный количественный контент-анализ, достаточно широко применяемый в современной исторической науке⁴, не даст необходимых результатов. Необходимы методы, которые помогут распознать скрытые закономерности и отделить искренние убеждения от высказываний, продиктованных потребностями конкретного момента.

В данном случае на помощь историку может прийти инструментарий, разработанный в рамках политической науки. Стоит отметить, что, несмотря на близость этих двух дисциплин, творческий обмен между их представителями достаточно редок. Типичный политолог часто представляется историку в виде эксперта на телеэкране, который с важным видом дает банальные комментарии на злобу дня. Методологическое богатство современной политической науки при этом упускается из виду. Данная проблема характерна не только для нашей страны, но и для мировой науки в целом, и в начале XXI века появился целый ряд публикаций, привлекающих к ней внимание⁵.

Между тем в рамках политической науки уделяется большое внимание исследованию мировоззрения и взглядов лиц, принимающих решения⁶. При этом политолог находится в ситуации, когда ему еще недоступны ни архивные документы, ни мемуары, и единственным источником являются написанные на злобу дня тексты и публичные выступления. Это, естественно, потребовало разработки методологии, которая позволила бы на основе этой несовершенной источниковой базы раскрыть истинные взгляды и особенности мировоззрения политического лидера – задача, особенно актуальная при решении прикладных задач, но имеющая большое значение и с научной точки зрения.

К числу этих методов принадлежат:

1. Качественный контент-анализ. Он предусматривает не просто подсчет количественных показателей (например, частоты упоминания той или иной смысловой единицы), но и анализ контекста для понимания сути высказываний, их смысловых контекстов и коннотаций. Применительно к изучению мировоззрения Бисмарка примером подобного анализа может служить монография С. Оденвальд-Варга «Понятие “народ” у Отто фон Бисмарка», в которой, как уже очевидно из названия, автор исследует применение Бисмарком термина «народ» и его синонимов⁷. Несмотря на то что автор является филологом, а сама работа выдержана скорее в русле исторической семантики, по своей методологии она близка к качественному контент-анализу.

2. Когнитивное картирование. Суть этого метода заключается в составлении «когнитивной карты» – графической схемы, реконструирующей мировоззрение человека. В рамках данной схемы находят свое отражение ключевые понятия и категории, которыми оперирует лидер, а также их содержание и логические связки между ними⁸. В отечественной историографии существовала одна, не слишком удачная и полностью забытая на сегодняшний день попытка составить «когнитивную карту» Отто фон Бисмарка. Речь идет о статье В.Б. Лукова и В.М. Сергеева «Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866–1876 гг.», опубликованной в 1983 г. в сборнике «Вопросы кибернетики»⁹.

3. Составление операционного кода (в отечественной литературе иногда называется «операциональным кодированием»¹⁰). Данный метод позволяет выявить особенности реагирования конкретного лица, принимающего решения, на различные

импульсы, поступающие из внешнего мира. В основе метода лежит изучение особенностей использования человеком глаголов в различных контекстах (так называемая методика VICS – «глаголы в контексте»). В рамках политической науки этот метод считается наделенным прогностической функцией, поскольку позволяет после составления операционного кода лидера предсказывать его вероятную реакцию на различные события и вызовы. При этом в рамках рассматриваемого метода используются достижения теории игр¹¹.

Каким образом эти методы могут быть применены в контексте исследования, посвященного месту и роли России в мировоззрении Отто фон Бисмарка? Очевидно, что первым шагом в рамках подобной работы является составление базы, включающей в себя все оценочные высказывания «железного канцлера» о России и русских. Под «оценочными» в данном случае понимаются высказывания, в которых содержится некое оценочное суждение. Например, фраза в стиле «Россия предложила компромисс» не является оценочным высказыванием, поскольку содержит в себе лишь констатацию факта. Фраза «Россия, как ей это свойственно, предложила компромисс», напротив, содержит в себе оценочное суждение, касающееся приоритетных (с точки зрения автора цитаты) методов действий государства на международной арене.

Оценочные высказывания, в свою очередь, необходимо разделить на три большие категории.

Первая (мы условно назовем ее «красной») состоит из цитат, относительно точности (а порой и самого факта существования) которых полной уверенности не существует. Сюда относятся все устные высказывания Бисмарка, дошедшие до нас благодаря посредничеству третьих лиц. В качестве примера можно назвать фразы «железного канцлера», известные благодаря мемуарам одного из его ближайших сподвижников, Морица Буша¹². В отличие от откровенных апокрифов мы не имеем права полностью игнорировать эти цитаты, поскольку есть веские основания полагать, что они действительно были произнесены. Однако мы не можем быть уверены, что передача является дословной и не содержит смысловых искажений. Исключением могут быть признаны ситуации, когда высказывание содержится в двух независимых друг от друга источниках. Не слишком приятная для исследователя новость заключается в том, что многие

из наиболее ярких цитат «железного канцлера» относятся именно к этой, «красной» категории.

Вторая («желтая») включает в себя высказывания, бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно (например, цитаты из его писем или парламентских выступлений). Содержание этих высказываний, однако, явно обусловлено текущим политическим моментом, и поэтому не может являться основанием для прямых выводов о взглядах Бисмарка. В качестве примера можно назвать письмо, направленное канцлером 3 мая 1888 г. германскому послу в Вене принцу Рейссу¹³. В этом послании Бисмарк подробно рассуждает о мощи и несокрушимости Российской империи. Основной задачей текста было при посредничестве Рейсса убедить австрийцев отказаться от агрессивных намерений в отношении России, что диктовало как содержание письма, так и выбор использованных риторических приемов.

Третья («зеленая») категория включает в себя высказывания, бесспорно принадлежащие Бисмарку дословно и не продиктованные требованиями момента. Разумеется, вопрос о том, в какой степени содержание того или иного высказывания было обусловлено сопутствующими обстоятельствами, во многих случаях может оказаться спорным. Следует, однако, помнить, что разделение на категории осуществляется не с целью полностью игнорировать какую-либо группу цитат, а лишь для возможной корректировки выводов исследования, основанных на изучении всего корпуса источников. К примеру, если выяснится, что тот или иной вывод подтверждается лишь цитатами из «красной» категории, это станет серьезным поводом в нем усомниться, особенно если он находится в противоречии с другими выводами.

При составлении базы высказываний необходимо включить в нее исчерпывающую информацию о времени, источнике, обстоятельствах появления на свет каждой цитаты. Необходимо также использование программной среды, которая позволит осуществлять быструю обработку получившейся базы в соответствии с задачами следующего этапа исследования.

Целью следующего, основного этапа станет анализ полученной информации, выявление определенных устойчивых словосочетаний, коннотаций, логических связей между различными понятиями, характеризующих представления Бисмарка о России. Именно здесь найдут свое применение перечисленные выше методы политической науки. Их применение позволит обнаружить

в корпусе текстов неочевидные на первый взгляд закономерности, отражающие особенности мировоззрения «железного канцлера». Итогом должна стать комплексная реконструкция представлений Отто фон Бисмарка о России, ее народе, истории и перспективах. С учетом хронологической привязки высказываний станет возможным также ответить на вопрос о том, являлись ли эти представления неизменными или эволюционировали с течением времени.

Результаты данного исследования могут, в свою очередь, послужить в качестве основы для следующего научного проекта, обладающего, в том числе, и большим теоретическим значением. Представления Бисмарка о России имеет смысл сравнить с дискурсом современного ему германского общества в целом. Возможно, в результате выяснится, что существенных отличий между ними не существует, и пребывание в Петербурге не обеспечило «железного канцлера» каким-то особым пониманием России и ее народа, недоступным большинству образованных немцев той эпохи. А это, в свою очередь, позволяет внести существенный вклад в разработку проблемы влияния личного опыта пребывания в зарубежном государстве на мировоззрение человека в целом.

Однако подобные проекты могут рассматриваться лишь в долгосрочной перспективе. На данном этапе задача заключается в том, чтобы обогатить инструментарий историка за счет методологии политической науки там, где это представляется уместным, обоснованным и необходимым. Исследование мировоззрения исторических личностей – одна из тех сфер, где подобный междисциплинарный подход может принести весьма богатые плоды.

¹ Подробнее см.: *Власов Н.А.* «Никогда не воюйте с Россией»? Отто фон Бисмарк и перспектива российско-германской войны: апокрифы и реальность // Клио. 2017. № 2. С. 127–133.

² *Дударев В.С.* Петербургская миссия Отто фон Бисмарка. 1859–1962. Дипломатическая ссылка или политический успех? СПб., 2013; *Иваняков Р.И.* Бисмарк в Петербурге: политическая деятельность О. Бисмарка в период пребывания на посту посланника в Санкт-Петербурге (1859–1862 гг.). Псков, 2008.

³ *Буш М.* Так говорил Бисмарк! М., 2014. С. 635.

⁴ См. напр.: *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л., 1991.

⁵ См. напр.: *Puchala D.* Theory and History in International Relations. L., N.Y., 2003; *Smith T.* History and International Relations. L., N.Y., 1999.

⁶ См.: *Breuning M.* Foreign Policy Analysis: A Comparative Introduction. N.Y., 2007.

⁷ *Odenwald-Varga S.* "Volk" bei Otto von Bismarck. Eine historisch-semantiche Analyse anhand von Bedeutungen, Konzepten und Topoi. Berlin, 2009.

⁸ *Боришполец К.П.* Методы политических исследований. М., 2005. С. 75–85.

⁹ *Луков В.Б., Сергеев В.М.* Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866–1876 гг. // Вопросы кибернетики. Вып. 95. Логика рассуждений и её моделирование. М., 1983. С. 148–161.

¹⁰ *Ланко Д.А.* Влияние регионального подхода на внешнюю политику (на примере России и США в 2000–2008 годах). СПб., 2014. С. 152–172.

¹¹ Подробнее о методе см. *Beliefs and leadership in world politics: methods and applications of operational code analysis.* N.Y., 2006. 288 p.

¹² *Буш М.* Указ. соч.

¹³ *Die Große Politik der europäischen Kabinette. 1871–1914.* Bd. 6. Berlin, 1922. S. 303.

**КРУГЛЫЙ СТОЛ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«МАСТЕРСКАЯ ИСТОРИКА:
КАК СДЕЛАТЬ НАУКУ ИНТЕРЕСНОЙ?»**

ПРОБЛЕМЫ ПОДВОДНОЙ АРХЕОЛОГИИ НА ЮКАТАНЕ

Галина Александровна Борисова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье представлены некоторые результаты подводных исследований, в которых автор принимала участие в феврале-марте 2017 года. На территории полуострова Юкатан проводилась подводная археологическая экспедиция – совместный проект National Geographic и Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова. Осуществлялись погружения в сенотах Актун-Ха (Aktun Ha) и Дос-Охос (Dos Ojos), а также была исследована ритуальная пещера и сенот рядом с городом Танка (Tankah). Рассматриваются различные аспекты проблем, связанных с современными подводными исследованиями на Юкатане.*

***Ключевые слова:** подводная археология, полуостров Юкатан, майя, сенот, пещера, подводные исследования, заселение Американского континента.*

Полуостров Юкатан расположен в Центральной Америке, омывается Мексиканским заливом и Карибским морем. Северную часть полуострова занимают мексиканские штаты Юкатан, Кампече и Кинтана-Роо, юг относится к государствам Гватемала и Белиз. Полуостров Юкатан является одним из историко-культурных регионов области майя (Северные низменности в классификации Ю.А. Гуляева)¹.

На Юкатане можно выделить два основных направления подводной археологии:

1. Морская археология. К данной категории можно отнести подводные раскопки возле островов Косумель (600 – 1650 гг. н. э.), Исла-Мухерес (564 – 1516 гг. н.э.) и Хайна (300 – 1200 гг. н. э.), а также раскопки на затонувших кораблях, в том числе испанских галеонах. Однако большая часть кораблей лежит севернее, у побережья Флориды – большое количество кораблекрушений

в данном регионе обусловлено опасными рифами и сложностью навигации.

2. Погружения в сенотах. В настоящий момент большинство подводных раскопок на Юкатане проводятся именно в сенотах.

Территория полуострова представляет собой карстовое плато с большим количеством сенотов – естественных разломов и провалов в известняковых породах, карстовых пещер, образовавшихся в результате обрушения пластов известняка, который подмыли грунтовые воды. Само название «сенот» произошло из языка майя от слова *ts'otnot* («колодец»). В культуре древних майя сеноты использовались в качестве источников пресной воды (иногда сенот служил единственным источником пресной воды в округе), кроме того, зачастую они имели особое сакральное значение и рассматривались как священные входы в подземный мир. На настоящий момент на территории полуострова Юкатан засвидетельствовано более сотни сенотов, многие из которых, вне всяких сомнений, представляли собой священные (культовые) места для древних майя – из них наиболее известен Священный сенот в Чичен-Ице.

Кроме того, сама проблема изучения заселения Американского континента упирается в то, что большая часть суши, по которой шли волны миграции, в настоящий момент находится под водой. Сеноты предоставляют много новой информации по данному вопросу, так как во время последнего ледникового периода, когда уровень Мирового океана был значительно ниже, большая часть пещер была без воды и их часто посещали как люди, так и животные – внутри туннелей подводными археологами обнаружено множество костей, а также зола от костров. В последние годы благодаря усовершенствованию технологий все большее внимание начинает уделяться подводным исследованиям.

В феврале-марте 2017 года на территории полуострова Юкатан проводилась подводная археологическая экспедиция – совместный проект National Geographic и Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова. Автор осуществляла погружения в сенотах Актун-Ха (*Aktun Ha*) и Дос-Охос (*Dos Ojos*), кроме того, проводились исследования ритуальной пещеры и сенота рядом с городом Танка (*Tankah*), недалеко от Тулума.

Сенот Актун-Ха относится к одноименной пещерной системе (*Sistema Aktun Ha*), по состоянию на 2016 год изучено 2873 м туннелей, максимальная глубина составляет 26,5 м. На глубине

13,1 м нами был исследован небольшой глиняный сосуд круглой формы, поверхность которого украшена тремя фигурками лягушек. Рядом находятся несколько осколков, по-видимому, от аналогичного сосуда: два крупных осколка с идентичными лягушками, один крупный фрагмент доньшка сосуда, четыре мелких осколков и фрагмент кости. Вероятнее всего, они относятся к постклассическому периоду (1000 – 1530 гг. н. э.) и могут иметь связь с Тулумом, который расположен в 8 км южнее. Кроме того, следует отметить, что одна из подводных пещер системы Актун-Ха носит название «Пещера Предков», ее размеры составляют 70 м в длину, 30 м в ширину и 10 м в высоту. В некоторых зонах пещеры археологами были обнаружены скопления угля от костров, возраст которых согласно радиоуглеродному анализу составляет 9100–9500 лет³.

Сенот Дос-Охос относится к одноименной системе (*Sistema Dos Ojos*), изучение пещерной системы Дос-Охос началось в 1987 году и продолжается до сих пор. В данной системе находится самая глубокая подводная пещера Юкатана, ее глубина составляет 120 метров. Однако основная сеть пещер расположена на глубине примерно 5–10 м, и сохранилось множество свидетельств того, что во время последнего ледникового периода она находилась над уровнем грунтовых вод. На данный момент исследовано около 82 километров туннелей системы Дос-Охос и обнаружено 28 входов – сенотов. Пещерная сеть имеет выход в Карибское море, что стало известно благодаря анализу воды, однако эти проходы до сих пор не выявлены. Несколько лет назад был обнаружен проход в систему Сак-Актун (*SacAktun*), и общая протяженность пещер составила 317,5 км (из них 311,7 км находятся под водой) – это вторая по протяженности пещерная сеть в мире⁴.

Система Сак-Актун также интересна тем, что в 2008 году три члена команды подводных исследователей Proyecto Espeleológico de Tulum и Global Underwater Explorers на глубине 57 метров нашли останки мастодона, на глубине 43 метра – человеческий череп и кости, которые являются одними из самых старых фрагментов человеческого скелета на Американском континенте, кроме того, они находятся в хорошей сохранности. Это скелет девочки-подростка, которую назвали Найя (*Naiia*), возраст останков оценивается в 12–13 тысяч лет⁵.

Еще один объект, в котором нами проводились исследования, – ритуальная пещера (закрытый сенот) рядом с городом

Танка. В пещере находится большое количество петроглифов и так называемая «стела». Вероятнее всего, их можно датировать постклассическим периодом. Петроглифы и стела находятся на небольшой платформе, которая спускается в воду, и дальше уходит сеть подводных пещер и туннелей, также относящихся к системе Сак-Актун. Исследование выявило большое количество осколков керамики и костей на дне, а также морских раковин, которые, видимо, были намеренно принесены с побережья. Стоит отметить, что рядом, примерно в 300 метрах, находится другой закрытый сенот, по виду практически такой же, но надписей или керамики там не обнаружено, за исключением двух очень маленьких осколков керамики, которые могли попасть туда случайно. Рядом проходит сакбе (*sacbé*) – мощеная дорога майя; подобные дороги являлись важной частью наземной инфраструктуры и соединяли между собой важнейшие части государства майя – города, храмы, крупные сельскохозяйственные участки и др.

Можно выделить несколько основных проблем современных подводных исследований на Юкатане.

1. Отсутствие археологического контекста и культурных слоев для находок. Как следствие – невозможность точной датировки найденных предметов. Радиоуглеродный анализ также может быть затруднен из-за того, что объекты долгое время находились под водой.

2. Продолжается дискуссия о том, стоит ли извлекать найденные предметы: с одной стороны, в пещерах круглый год сохраняется стабильная температура около +25°C и стабильная среда с полным отсутствием солнечного света. С другой стороны, объекты могут быть повреждены или перемещены дайверами-любителями, поскольку доступ в сеноты в большинстве случаев свободный. National Geographic и Национальный институт антропологии и истории (Instituto Nacional de Antropología e Historia, INAH) придерживаются противоположных точек зрения на эту проблему. Подводные археологи из National Geographic не перемещают найденные предметы, они осуществляют 3D-сканирование пещер целиком и отдельных объектов в высоком разрешении, после этого на 3D-принтере можно распечатать точные копии находок. Также планируется создание виртуального музея, в котором каждый предмет можно будет брать в руки и рассматривать со всех сторон. Подводные археологи из INAH, наоборот, извлекают практически все найденные предметы, но при этом особое

значение приобретает проблема консервации – находки могут начать моментально разрушаться под воздействием воздуха и перепадов температур.

Другие проблемы подводной археологии на Юкатане:

1. Длительное обучение и тренировки. Первый этап – получение начального сертификата PADI (Professional Association of Diving Instructors) – Open Water Diver (OWD), или его аналога в системе CMAS (Confederation Mondiale des Activites Subaquatiques). Это международный сертификат, дающий право погружаться на глубины до 18 метров. Начальный курс предполагает освоение базовых навыков подводного плавания, необходимых для того, чтобы совершать погружения в открытых водоемах. Этот дайвинг-курс состоит из теоретических занятий, тренировок в бассейне и четырех погружений в открытой воде. Для сертификации необходимо успешно отработать определенную программу упражнений, сдать теоретический экзамен, совершить учебные погружения в море или открытом водоеме и сдать экзамен в открытой воде. Курс Open Water Diver, как любой начальный курс, является основой для дальнейшего обучения. В частности, этот сертификат дает возможность записаться на курс Advanced Open Water Diver (AOWD), а также пройти обучение по ряду специальных курсов. Для погружений в пещерах необходимо совершить как минимум 50 погружений в открытой воде, а также пройти специальный курс Cave Diver, в который входит освоение работы со специальным снаряжением, изучение принципов двойной безопасности, отработка аварийных ситуаций и др.

2. Техническая сложность погружений – погружения в пещерах считаются наиболее опасными, так как в случае чрезвычайной ситуации нет возможности подняться на поверхность. Могут проводиться исследования в удаленных зонах, откуда до выхода плыть 40 минут.

3. Существует множество различных ограничений по здоровью. Их можно разделить на заболевания, полностью исключающие погружения, и временные проблемы со здоровьем. К первым относятся: болезни сердечно-сосудистой системы, заболевания дыхательной системы, такие как астма, болезни ЛОР-органов, хронические заболевания центральной нервной системы – список довольно обширный. Временными противопоказаниями можно считать практически все острые болезни и хронические заболевания в стадии обострения. Самые распространенные –

это различные «простудные» заболевания: ринит, ОРЗ, грипп, бронхиты и т. п. При погружениях изменяется давление: каждые 10 метров глубины равны давлению в одну атмосферу. Соответственно на поверхности давление равняется 1 атм, на глубине 10 м – 2 атм, на глубине 20 м – 3 атм и т. д. При погружениях необходимо выравнять давление на барабанные перепонки, чтобы внутреннее давление в среднем ухе совпадало с внешним давлением. Самый простой способ сделать это – выдохнуть в зажатый нос. Однако даже при небольшом насморке это может быть затруднительно и может привести к серьезным травмам вплоть до разрыва барабанной перепонки.

4. Множество сенотов находятся на частных территориях и фактически в частных владениях, и доступ к ним – на усмотрение владельца. Мексиканские законы никак не регулируют вопрос доступа к сенотам, имеющим научную и историческую ценность.

5. Загрязнение сенотов. Общее ухудшение экологической обстановки на Юкатане негативно влияет на грунтовые воды. Местные жители могут использовать сеноты в качестве канализации или свалки. А загрязнение воды ведет как к разрушению самих сенотов, так и находящихся в них объектов. Один из ярких примеров – сенот Антун-Ха, который имеет второе название – *Carwash* (в переводе с английского «автомойка»), из-за того, что в 80-е годы XX века таксисты регулярно приезжали мыть в нем машины. В плохом состоянии находится и сенот на территории культового места *Santuario de la Cruz Parlante* – он сильно загрязнен и покрыт тиной.

6. Не менее важный аспект – это проблема сохранности находок. Сенотов на Юкатане более сотни, во многие из них легко попасть, но археологами они не обследовались. Можно только догадываться, какое количество материала уже навсегда утеряно и будет утеряно в ближайшем будущем. Нередки случаи, когда подводные археологи возвращаются на определенное место, и обнаруживают, что оно разграблено. Наиболее яркий пример – ситуация с человеческим скелетом ледникового периода, который был обнаружен в сеноте Чан-Хол (*Chan Hol*) в окрестностях Тулума в 2012 году. Он был найден дайверами-любителями, которые распространили фотографии находки в социальных сетях. К моменту визита археологов череп и крупные кости были украдены, остались лишь небольшие осколки костей и фрагмент тазовой кости,

который врос в один из сталагмитов. Согласно последним исследованиям, возраст скелета составляет 13 тысяч лет ⁶.

Тем не менее стоит отметить, что подводная археология на Юкатане – это крайне перспективное направление исследований, так как она предоставляет обширный и уникальный материал, который до недавнего времени находился полностью вне зоны обычной археологии. И этот материал охватывает очень широкий пласт мезоамериканской истории – от заселения континента до цивилизации майя и колониального периода. Даже один сенот может предоставить исследователям данные, относящиеся к различным историческим периодам, как было отмечено на примере сенота Актун-Ха. Кроме того, благодаря уникальной стабильной водной среде внутри сенотов, в них сохраняются материалы, которые на поверхности во влажном тропическом климате Юкатана разрушаются крайне быстро. Большинство хорошо сохранившихся костных останков, а также деревянных предметов и тканей на Юкатане найдено именно в сенотах.

¹ *Гуляев В.И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 5–6.

² *Gerrard S.P.* The Cenotes of the Riviera Maya 2016. Page Publishing Inc., 2015.

³ The Arrival of Humans on the Yucatan Peninsula: Evidence from Submerged Caves in the State of Quintana Roo, Mexico. [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.latinamericanstudies.org/maya/Maya_caves.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

⁴ Quintana Roo Speleological Survey. Reported Underwater and Dry Cave Connections [Электронный ресурс]. URL: <http://caves.org/project/qrss/QRSS%20QRoo%20Sumps.pdf> (дата обращения: 14.09.2017).

⁵ *Braun D.M.* Skull in Underwater Cave May Be Earliest Trace of First Americans // National Geographic Society [Электронный ресурс]. 2011. URL: https://voices.nationalgeographic.org/2011/02/18/skull_in_mexico_cave_may_be_oldest_american_found/ (дата обращения: 14.09.2017).

⁶ *Callaway E.* Skeleton plundered from Mexican cave was one of the Americas' oldest // Nature. International weekly journal of science [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.nature.com/news/skeleton-plundered-from-mexican-cave-was-one-of-the-americas-oldest-1.22521> (дата обращения: 14.09.2017).

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А.Р. ЛУРИИ В 1931–1932 гг.

Наталья Павловна Железова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматриваются экспедиции под руководством психолога А.Р. Лурии в Среднюю Азию в 1931 и 1932 гг. Автор исследует опыт подготовки экспедиций (уделяя особое внимание международному участию в них), характеризует эксперимент с оптическими иллюзиями, рассматривает специфику отражения результатов экспедиции в научной периодике того времени. Делается вывод о фактической неизученности уникального этнопсихологического эксперимента и его насущной актуальности.*

***Ключевые слова:** наука в СССР, А.Р. Лурия, К. Левин, культурно-историческая концепция, Узбекистан, оптические иллюзии, экспериментальная психология, международные контакты.*

В 1920–1930-е гг. в СССР остро стояла проблема неравномерного развития центра и национальных, в частности, среднеазиатских окраин¹. Хотя эта особенность была унаследована от предшествующего времени, именно в указанный период были предприняты попытки ее осмысления на качественно новом, научном, уровне. Среди интересных проектов, направленных на изучение данной проблемы, были две психологические экспедиции, организованные известным психологом Александром Романовичем Лурией в Восточный Узбекистан в 1931–1932 гг.

В основу уникального опыта, проведенного в Восточном Узбекистане, был положен актуальный в то время вопрос о применении знаний о культуре в нейропсихологии². Попытка совместить знания данных областей была предпринята А.Р. Лурией и его старшим коллегой Л.С. Выготским в рамках т.н. культурно-исторической концепции, сформулированной ими еще в 1926–1927 гг.

Суть теории заключалась в том, что происхождение высших сознательных форм психики следует искать в общественных отношениях личности с окружающим миром³.

На примере жителей отдаленных районов Узбекистана А.Р. Лурия намеревался проследить изменение мышления людей в социуме, который «совершает переход в другую историческую формацию»⁴. Эта идея, в том числе, предусматривала изучение мыслительных операций у людей, не имеющих развитого письма, т. е. в большинстве своем неграмотных. Полем для верификации исследовательской гипотезы был избран Узбекистан: наравне с другими регионами СССР он переживал социальные, экономические, культурные, политические перемены 1920-х годов, своего рода «скачок» в другую историческую формацию.

Подготовка к экспедиции началась уже в 1929 г. Она изначально планировалась как масштабный международный исследовательский проект при возможном участии в нем известных европейских и американских ученых. Доказательством этого служат доклады и сообщения-анонсы в научной периодике, опубликованные по итогам IX Международного психологического конгресса (1–7 сентября 1929 г., США)⁵. В книге Елены Лурии «Мой отец А.Р. Лурия» приводится отрывок из письма к известному немецко-американскому психологу Курту Левину, в нем ученый приглашал своего американского коллегу принять участие в проекте⁶.

Однако К. Левин не смог принять участия в экспедиции летом 1931 г. из-за приглашения провести первый семестр 1931/32 учебного года в Калифорнии, в Стэнфордском университете (Stanford University)⁷. А.Р. Лурия также планировал выслать приглашения европейским антропологам Эриху Хорнбостелю, Рихарду Турнвальду, а также Отто Клайнбергу, ученику Франца Боаса⁸. В настоящее время нам неизвестно о том, получили ли они эти приглашения.

Таким образом, первая экспедиция А.Р. Лурии 1931 г. не получила международного научного представительства. Она была организована Московским институтом экспериментальной психологии и Узбекским научно-исследовательским институтом Самарканда, участие в ней приняли ученые Москвы и Узбекистана – сотрудники Московского института П. Левенгуев, Ю. Арбузов, В. Захарова, Ф. Шемякин и коллеги Самаркандского института Х. Ашрафи, Л. Газарянц, Х. Хакимов и др.⁹

Руководителем экспедиции была поставлена задача изучения различий в мышлении и других психологических процессах людей, живших в крайне примитивной экономической и социальной действительности¹⁰. Перед началом полевых работ А.Р. Лурия провел научный семинар в Самарканде в мае-июне 1931 г., в ходе которого были определены специальные темы, изучены методы и подготовлены предварительные проекты¹¹.

Основными группами испытуемых стали неграмотные крестьяне, не вовлеченные в общественный труд, и, с другой стороны, социально активные слои населения – воспитатели детских садов, малограмотные бригадиры, активисты колхозного движения в Средней Азии, студентки учительского техникума¹².

Отчеты об успехах первой экспедиции 1931 г. и сообщения о предстоящей второй психологической экспедиции в Среднюю Азию были опубликованы за рубежом в виде серии статей на двух языках, английском и немецком, в таких ведущих журналах, как «Science», «Zeitschrift für angewandte Psychologie», «Journal of Genetic Psychology» и «Character and Personality»¹³. Данные о результатах экспедиции также содержит письмо Александра Романовича к немецкому психологу Вольфгангу Кёлеру от 13 декабря 1931 г.¹⁴ Лурия планировал привлечь своего коллегу к участию во второй экспедиции, поэтому подробно описывал ход экспедиции, проведенные опыты с оптическими иллюзиями, характеризовал ее первые достигнутые результаты и обрисовывал приблизительные планы на будущее.

Из письма видно, что в ходе экспедиции были задействованы 10 различных оптических иллюзий, которые представляли собой сравнение геометрических фигур. В основу опытов было положено испытание на классификации: типа «четвертый лишний», когда надо было отбросить один из предметов как не соответствующий трем остальным. Неграмотные группы всегда классифицировали только по ситуационному признаку – например, они никогда не рассматривали топор, пилу и лопату как инструменты, а полено – как вещь, к ним не относящуюся. Вместо этого в качестве основного способа группировки избиралось конкретное сходство в повседневной жизни. Так, различные фигуры, похожие на незавершенные треугольники, крестьяне считали подобными и определяли как «оконные рамы». Такой принцип определения они давали и в отношении других фигур¹⁵. В своей автобиографии «Этапы пройденного пути» (1974) А.Р. Лурия приводил несколько

видов иллюзий¹⁶, которые обозначал в виде маленьких нумерованных рисунков. Т. о. в ряде опытов с оптическими иллюзиями была показана зависимость познавательных процессов от социального и культурного опыта испытуемых. А.Р. Лурия пришел к выводу, что у необразованных испытуемых – в отличие от социально активных испытуемых – оптические иллюзии не наблюдались, что должно было подтверждать положение о социальной обусловленности процессов не только мышления, но и восприятия.

Целью второй экспедиции, по словам А.Р. Лурии, была проверка данных, полученных в ходе первой экспедиции. Одновременно она должна была стать подготовительной к следующей, наиболее масштабной третьей экспедиции, запланированной на лето 1933 г.¹⁷ При подготовке второй экспедиции в 1932 г. А.Р. Лурия снова попытался привлечь к участию иностранных ученых. Его усилиями к научной группе присоединился известный немецко-американский психолог Курт Коффка. Он был ответственным за проведение экспериментов с оптическими иллюзиями и скорректировал некоторые выводы А.Р. Лурии, сделанные им в ходе первой экспедиции¹⁸. Его наблюдения привели рабочую группу к выводу, что в ходе эксперимента у испытуемых все же наблюдались оптические иллюзии, что опровергалось изначально, в ходе первой экспедиции. Кроме того, в ходе исследований второй экспедиции проверялся тезис о способности делать выводы из силлогизмов (двух предложений, одно из которых дает общее утверждение, а второе представляет собой специфическое утверждение, которое образованный человек воспринимает как предпосылки к некой логической связи, ведущей к выводу). А.Р. Лурия пришел к заключению, что недостаточный уровень образования или его полное отсутствие не позволяет делать выводы из силлогизмов¹⁹.

По итогам второй экспедиции Лурия опубликовал короткую заметку в «Science»²⁰ и гораздо более обширный обзор в «Journal of Genetic Psychology»²¹. Несмотря на статус журналов, свидетельствовавших об интересе международного научного сообщества к экспедиции, в советской периодике откликов о ее работе не появилось. И лишь в середине 1970-х гг. результаты экспедиции были частично опубликованы в книге А.Р. Лурии «Об историческом развитии познавательных процессов»²², при этом публикация носила ярко выраженный идеологический характер. Возможной причиной отказа публиковать результаты экспедиции стала критика, которой исследования подверглись в СССР: после второй

экспедиции в 1932 г. Московская контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции обвинила Александра Романовича в корректировке научных результатов в пользу культурно-исторической теории и «протаскивании идеи, вредной для дела национально-культурного строительства Узбекистана...»²³.

В какой-то степени обрывочность сведений о среднеазиатских экспедициях А.Р. Лурии и отсутствие опубликованных на их материалах исследований объясняет недостаточную изученность темы в историографии. Некоторое количество публикаций о ней появилось лишь в конце XX – начале XXI в. При этом работы советских и постсоветских исследователей (А. Ясницкий, V. Nell, Э. Ламдан, В. Овчаренко) были сконцентрированы на итогах экспедиции 1931 г., в то время как проект 1932 г., во многом корректирующий промежуточные результаты, практически не затронут в исследованиях.

Таким образом, уникальный эксперимент А.Р. Лурии, заложивший основы современной кросскультурной нейропсихологии, остается по факту неизученным. Однако именно в ходе этих экспедиций, по мнению А.Р. Лурии и Л.С. Выготского, были получены результаты, подтверждающие их гипотезу о социальном происхождении психологических процессов и их зависимости от культуры и человеческой общественно полезной деятельности.

¹ *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия // СССР. 1860–1940. М., 2010. С. 180–196.

² *Puente A., Agranovich A.* The Cultural in cross-cultural neuropsychology // Comprehensive Handbook of Psychological Assessment: Intellectual and Neuropsychological Assessment. Hoboken, 2003. Vol. 1. P. 320–323.

³ *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. М., 1982. С. 44–46.

⁴ *Nell V.* Luria in Uzbekistan: The Vicissitudes of Cross-Cultural Neuropsychology // Neuropsychology Review. 1999. № 1. С. 45–46.

⁵ *Ясницкий А.* К истории культурно-исторической гештальтпсихологии // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 75.

⁶ *Лурия Е.А.* Мой отец Лурия. М., 1994. С. 62–65.

⁷ *Ясницкий А.К.* Указ. соч. С. 75.

⁸ Там же.

⁹ Psychological expedition to Central Asia. 1931. № 1920. P. 383–384.

¹⁰ *Лурия А.Р.* Указ. соч. М., 1974. С. 49.

¹¹ Psychological expedition to Central Asia. 1931. № 1920. P. 383–384; Journal of Genetic Psychology. 1931. № 1925. P. 125–127

¹² Лурия А.Р. Указ. соч. М., 1974. С. 50–51.

¹³ Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 75.

¹⁴ Лурия Е.А. Указ. соч. М., 1994. С. 63–64.

¹⁵ Лурия А.Р. Указ. соч. 1974. С. 60–61.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Лурия А.Р. Указ.соч. М., 1974. С. 50–51.

¹⁸ Ламдан Э. У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. С. 53–65.

¹⁹ Лурия А.Р. Указ. соч. М., 1974. С. 66–67.

²⁰ The second psychological expedition to Central Asia // Science. 1933. № 2018. P. 191–192.

²¹ The second psychological expedition to Central Asia // Journal of Genetic Psychology. 1934. № 2006. P. 215–221.

²² Ясницкий А. Курт Коффка: у узбеков ЕСТЬ иллюзии // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 19.

²³ Лурия Е.А. Указ. соч. М., 1994. С. 66–67.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ ПО ЗАЩИТЕ ДЕТСТВА

Дарья Андреевна Хивинова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена изучению международных проектов по защите детства в условиях современного исторического пространства, современной трансформации понятия детства, необходимости разработки междисциплинарных подходов в данной теме. Рассматриваются направления деформации процесса социализации современной личности – ребенка. Проводится обзор международных документов, обеспечивающих соблюдение и защиту прав детей, а также обзор международных проектов по защите детства в Гватемале.*

***Ключевые слова:** исторический процесс, ранний онтогенез, деформация процесса социализации личности, международные проекты, ЮНИСЕФ, Гватемала.*

Проблема сирот в странах с неустойчивой экономикой является в первую очередь исторической, однако требует широкого междисциплинарного подхода. Подобный подход обеспечивает антропосистемный анализ, предложенный Г.Г. Ершовой¹.

Личность является основой социума. Поэтому процесс её формирования находит обязательное отражение в историческом развитии любого общества. Возникновение образовательных учреждений – важный фактор в определении уровня развития государства. Общество всегда уделяет особое внимание полноценному биологическому социальному воспроизводству и социализации новых поколений, закладывая некую модель развития, так как основные характеристики личности закладываются в раннем онтогенезе. Теория самоорганизации антропосистемы выделяет воспроизводство социоинтеллектуального фенотипа в качестве основного элемента развития общества. В норме базовое воспро-

изводство нового поколения – обучение элементарным навыкам самообслуживания, норм поведения, социализации – осуществляет социорепродуктивная пара или семья. Образовательная программа в современных государствах является прерогативой образовательных учреждений, поскольку семья или община не способна обеспечить ребенку уровень знаний, соответствующий современному состоянию науки и знаний о мире.

В условиях современного развития общества зачастую возникает проблема с тем, что социорепродуктивная пара ориентируется практически на одну из своих многочисленных функций – биологическое воспроизводство – делегируя социализацию государственным институтам. В результате разрушается гармония развития общества. Исчезновение традиционного типа семьи, вплоть до разрушения, социорепродуктивной пары ведет к распаду общества, а затем и к постепенной деградации антропосистемы. С этой точки зрения, появление сирот – показатель неустойчивости общества. Проблема появления беспризорников и сирот в результате войн имеет свое логичное объяснение. Однако чем объясняется сиротство в обществе, формально живущем без войн? И как решается эта проблема? Традиционные сельские пространства предполагают интеграцию сирот в общины – большие семейные, родовые, клановые. Городское социальное раздробленное пространство, как и разрушенная сельская община, требуют иных решений.

Таким образом, проблема детей, лишенных семьи, концентрирует в себе следующие глобальные проблемы:

- Степень устойчивости социального пространства,
- Уровень развития страны,
- Реальная политическая воля и заинтересованность в развитии страны,
- Этнокультурные традиции,
- Заинтересованность в «неучтенных» детях в рамках криминогенной деятельности разных уровней населения и власти.

Проблема столь сложна и многогранна, что требует привлечения нескольких дисциплин. Поскольку исследования выполняются в рамках антропосистемного анализа, то рассмотрение поставленной проблемы проводится с использованием междисциплинарных подходов. Для более детального понимания каждого из обозначенных аспектов проблемы и их совокупности необходимо применить междисциплинарный подход.

В данной статье проблема детей, лишенных семьи, рассматривается на примере одной из стран Латинской Америки – Гватемалы.

Для оценки уровня развития страны использованы данные ежегодного доклада Организации Объединенных Наций (ООН) начиная с 1990 года. Рейтинг составляется на основе показателей продолжительности жизни, уровня жизни, здравоохранения, образования, уровня преступности, состояния экологии, соблюдения прав человека, уровня социальной защищенности, а также размера валового национального дохода (ВНД) на душу населения. Данный рейтинг подразделяется на 4 основные группы. К первой относятся страны с очень высоким уровнем развития, ко второй группе – страны с высоким уровнем развития, к третьей – средним и к четвертой – с низким уровнем развития.

Таким образом, исследование сталкивается с проблемой, решение которой завязано на нескольких дисциплинах:

- Социология,
- Исторический анализ,
- Политология,
- Психология,
- Педагогика.

Особое место отводится изучению международных правовых документов по защите прав детей, которые не всегда учитываются и соблюдаются в разных странах.

Актуальность исследования заключается в том, что современное понятие «детство», способы его изучения, этапы развития, методы и формы организации защиты детства в современном обществе настолько отличаются от общепринятых понятий и методик, что применение антропосистемного анализа позволяет вскрыть аспекты проблемы, которые обычно оказываются вне внимания при применении общепринятых статистических методик. И самым главным подходом в изучении данной темы является междисциплинарный подход, а именно комплексное изучение проблемы реализации международных проектов по защите детства.

Проблема трансформации детства в современном мире и его роль исследуется во многих науках односторонне, так как не выходит за собственные методологические рамки. В результате отсутствует анализ общих процессов трансформации важного периода раннего онтогенеза – то есть период закладывания основ социализации.

Понятие детства и его роль в современном обществе

Согласно данным образовательного портала «Я Класс», в развитых странах доля детей во всем населении в среднем составляет 23%, а в развивающихся странах 43%². Стало общепринятым утверждение, что дети – будущее страны, которое закладывается в настоящем. Логично, что форма воспитания новых поколений определит образ будущего общества. Дети – это постоянная, в процессе времени сменяемая, часть общества. Ранний онтогенез – это начальный этап жизненного цикла человека. Именно в этот период закладываются основные функции человеческой жизни, развитие организма и социализация личности. В раннем онтогенезе происходит усвоение общепринятых норм, ценностей, определенных знаний, которые помогают человеку полноценно социализироваться.

В «Конвенции о правах ребенка» ч. 1, ст. 1 говорится, что ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применяемому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее³. Согласно носителю обыденного и доступного знания – сайту Википедия – на Фарерских островах совершеннолетие наступает с 14 лет, на Кубе с 16 лет, в КНДР с 17 лет. В Канаде, Южной Корее, Алабаме и Небраске (США) – с 19 лет. В Тунисе, Японии и Тайване – с 20 лет. А в Монако, Гондурасе, Гвинее и ряде других стран совершеннолетие наступает в 21 год⁴. В большинстве же стран совершеннолетие наступает в возрасте 18 лет. С наступлением совершеннолетия человек приобретает политические права и свободы – право избирать и быть избранным; может вступать в брак, тем самым выполняя репродуктивную функцию общества, а также человек начинает нести социальную ответственность за выполнение основных функций социорепродуктивной пары, которыми являются воспитание детей и их социализация.

Первым биологическое и историческое развитие человека и общества выявил немецкий биолог Эрнст Геккель, благодаря которому возникло понимание принципов формирования социального пространства⁵. Согласно биогенетическому закону Геккеля – Мюллера, индивидуальный организм во время развития повторяет формы основных этапов эволюции. Наблюдая за развитием эмбриона, можно проследить, как происходило природное формирование вида.

Труды Геккеля определили направление исследований В.М. Бехтерева, впервые предположившего, что закон рекапитуляции можно использовать не только для характеристики биологических систем, но и социально-исторических⁶.

Одним из основателей современной детской психологии считается Л.С. Выготский, чьи работы не теряют актуальности во всем мире, определивший возрастное развитие человека как сложный процесс, на каждом из этапов которого трансформируется личность человека. Развитие, по Л.С. Выготскому, – это, прежде всего, появление нового, в период преодоления кризиса развития. Таким образом, стадии развития характеризуются определенными возрастными новообразованиями, то есть такими свойствами или качествами, которых ранее не было. Однако, как писал Л.С. Выготский, новое «не падает с неба». Оно возникает закономерно. Весь ход предыдущего развития подготавливает его⁷.

Важный вклад в изучение периода детства принадлежит Д.Б. Эльконину. На основании выводов Л.С. Выготского о детском развитии Д.Б. Эльконин выдвинул концепцию, согласно которой рассматривает ребенка как личность, которая поэтапно познает окружающий мир – мир предметов и человеческих отношений. Согласно его теории, каждый возраст характеризуется своей социальной ситуацией развития; ведущей деятельностью, в которой преимущественно развивается интеллектуальная сфера личности; возрастными новообразованиями, формирующимися в конце периода, среди которых выделяется центральное, наиболее значимое для последующего развития. Границами возрастов служат кризисы – переломные моменты в развитии ребенка⁸.

Итак, ранний онтогенез – это период человеческого развития, когда человек под руководством окружающих взрослых учится понимать окружающий мир, тренирует необходимые навыки, усваивает культуру своего общества. При этом следует понимать, что детство – не просто фаза человеческого развития, а понятие, имеющее в разные эпохи и у разных народов сходное социальное и культурное содержание, хотя и имеющее некоторые локальные различия в определении. Развитие и социализация ребенка протекают в определенной культурно-социальной среде, связанной с жизнью конкретного общества. Понимание детства меняется с течением истории у разных культур⁹.

Важно отметить, что процесс социализации невозможен без взрослых, которые представляют знания о среде, стимулируют

изучение и запоминание основных правил и навыков жизнедеятельности. В первые периоды жизни эта функция закреплена за социорепродуктивной парой, которая в парной семье представлена юридическими родителями.

Следует отметить, что в настоящее время в современном обществе отмечаются новые тенденции в процессе социализации личности.

Первой тенденцией следует отметить такую серьезную и актуальную проблему, как трансформация типа семьи. Если раньше нормой считалась традиционная, тысячелетиями апробированная и развившаяся естественным образом семья, то в последние годы стало возможным появление даже однополых семей, что, безусловно, преломляет детскую психику, нарушает процесс функционального дуализма в воспитании и социализации, искажает восприятие окружающего мира, дифференциации представления ребенка о своей будущей семье.

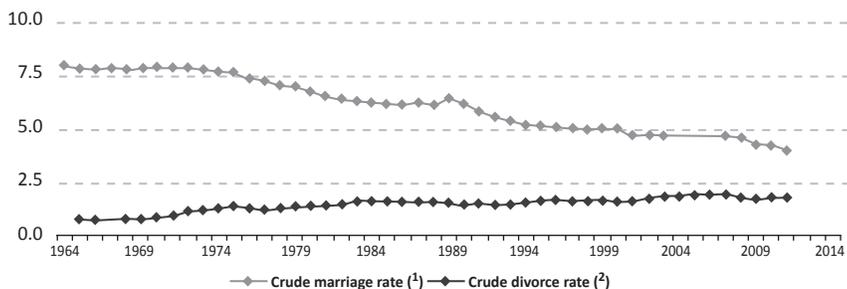
Второй причиной деформации процесса социализации ребенка является неправильное воспитание в семье. Зачастую ребенок в ситуации занятости родителей, по разным причинам чувствует себя одиноким и брошенным. Ребенок, подсознательно требующий внимания для своего развития, начинает манипулировать родителями и другими родственниками для обеспечения внимания, но в искаженной форме, как, например, удовлетворение своих потребительских капризов. Ошибкой родителей становится политика компенсаторного подкупания внимания ребенка, предоставляя ему практически все, что только возможно.

Третьей причиной является сокращение числа браков и увеличение числа разводов в мире. Ежегодный сбор демографических данных Евростата обеспечивает информацию по отношению к бракам. Статистика показывает, что в 2011 году насчитывалось 2,1 млн. браков, в то время как соответствующий показатель еще в 1964 году был 3,4 млн. В отношении к общей численности населения, курс брачности упал с 7,9 до 4,2 на 1 000 жителей в период с 1964 по 2011 г. В 2011 году зарегистрирован 1 млн. разводов: общий коэффициент разводов составил 2,0 на 1000 жителей, что означает увеличение статистики на 150% в сравнении с 1965 г.¹⁰ Таблица 1 «Показатели браков и разводов, ЕС-28, 1964–2014 гг.» наглядно иллюстрирует статистические данные.

Таблица 1

Показатели браков и разводов, ЕС-28, 1964–2014 гг.¹¹

Figure 6: Crude marriage and divorce rates, EU-28, 1964–2014 (per 1000 inhabitants)

(¹) Breaks in series: 1998 and 2003. 2004–06: linear estimation for missing values.

(²) Breaks in series: 1998. 1967: linear estimation for missing value.

Source: Eurostat (online data codes: demo_nind and demo_ndivind)

Безусловно, все более частый распад семьи оказывает негативное влияние на ребенка – деформирует его сознание и психику, но и зачастую разрушает модель воспитания, подталкивая к эмоциональному раздвоению, стремясь выстроить отношения с каждым из родителей, многие из которых усугубляют ситуацию манипуляциями. Самостоятельным фактором становится влияние родственников второй очереди, требования которых к воспитанию и социализации зачастую занижены.

В-четвертых, все большая роль, начиная с определенного возраста, отводится Интернету. И это ситуация последнего десятилетия. В рамках данной сети становится доступной разносторонняя и далеко не всегда полезная и достоверная информация, оценить которую детский мозг зачастую неспособен. Или же получает информацию, наносящую вред его психике или развитию.

С помощью Интернета обычно игнорируемая информация СМИ также становится легкодоступной ребенку, причем привлекают его далеко не «вести с полей и заводов». В настоящее время большую популярность набирают группы, пропагандирующие девиантное поведение, например «группы самоубийц», которые влияют на сознание обладающих повышенной гипнабельностью подростков. Особое место следует отвести социальным сетям, которые формально не являются прямой структурой СМИ, однако в той или иной форме находятся в постоянном взаимодействии.

Социальные сети – это главная ниша в Интернете, где оказываются подростки, в обход всех ограничений. Именно в этом сегменте Интернета представляются наиболее скандальные, фейковые новости, пропаганда алкоголя, наркотиков, самоубийств. В этом пространстве речь не идет ни о вреде принятия препаратов, ни о скором формировании зависимости от их употребления, ни о летальных исходах и иных опасностях. В силу отсутствия социального опыта и возрастной гипнабельности, подростки покупаются на яркие обложки, упаковки и легкость их употребления. Вред, приносимый Интернетом новым поколениям, обсуждается все чаще.

Перечисленные и некоторые другие факторы характерны в целом для ситуации воспитания ребенка в современной семье. Однако в разных странах ситуация складывается в соответствии со специфическими особенностями состояния общества. В таких странах, где в качестве исходных условий фигурирует высокий уровень бедности, низкий уровень образования, гражданской ответственности, экономического развития, ситуация намного сложнее. И одной из таких стран является Гватемала.

Международные проекты по защите детства

Начиная с XX в., с 1924 г., Лига Наций предпринимала попытки в координации усилий отдельно взятых государств в защите интересов детей на международной арене. Результатом этих попыток стала «Женевская декларация прав ребенка». В конвенции содержались основные принципы против использования детей в рабском труде, проституции, также содержались принципы и против торговли детьми¹².

Следующим этапом в развитии международной культуры по защите детства стало создание Организации Объединенных Наций в 1945 году, которая первым своим актом образовала Детский фонд ООН – ЮНИСЕФ, являющийся самым главным органом в международной защите детских прав и помощи детям.

В декабре 1948 года была принята «Всеобщая Декларация прав человека», в которой, помимо прав человека, озвучивалась и особая роль детства и его защиты¹³. 20 ноября 1959 года была принята также «Декларация прав ребенка». В ней были прописаны 10 основных принципов по социальной защите детей

как на международном уровне, так и на национальном. Особым принципом в ней является необходимость специальной защиты детей, предоставления им возможности и условий для нормального, здорового развития в условиях свободы и достоинства¹⁴.

Права детей также декларированы в «Международном пакте о гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г, а именно в ст. 23 и 24¹⁵. И в «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах», в частности в ст. 10¹⁶.

В декабре 1974 г. была принята «Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов», согласно которой закрепляются основные права уязвимого населения в период вооруженных конфликтов¹⁷.

29 ноября 1985 года были приняты «Пекинские правила», предусматривающие собой меры наказания несовершеннолетних детей при совершении ими правонарушений¹⁸.

Важным документом в защите прав детей является «Декларация о социальных правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях», в которой прописываются условия проживания детей, права и обязанности родителей при воспитании, условия усыновления детей¹⁹.

Следующим и весьма поздним шагом после принятия «Декларации по защите прав ребенка» стало принятие «Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей», которую приняли 30 сентября 2000 г.²⁰ В данной Декларации констатируется факт того, что ежедневно дети во всем мире подвергаются опасностям, которые в свою очередь препятствуют их нормальному росту и развитию; войны, насилия, расовая дискриминация, нищета, жестокость, халатность, голод, неграмотность, эпидемии. Дети подвергаются неисчислимым страданиям, будучи жертвами войны и насилия, расовой дискриминации, апартеида, агрессии, иностранной оккупации и аннексии; будучи беженцами и перемещенными детьми; будучи жертвами халатности, жестокости и эксплуатации. И приводится ряд рекомендательных мер для всех государств мира, которые необходимо принимать и соблюдать во всех сферах жизни общества.

И основным универсальным юридическим документом в соблюдении прав детей и их защиты явилась «Конвенция ООН о правах ребенка», которую приняли 20 ноября 1989 года²¹.

Отличием данного документа от всех предыдущих является то, что с момента подписания каждое конкретное государство берет на себя ответственность и обязательства соблюдать эти правила по социальной защите детства, а в случае неисполнения или несоблюдения данных правил государство несет ответственность перед всем мировым сообществом.

Конвенция – является документом, который высоко и социально-нравственно признает детей частью всего человечества, которая имеет свои права и интересы, дискриминация которых недопустима. Данный документ провозглашает детей полноценными и полноправными личностями, признает их самостоятельными субъектами права, а следовательно, устанавливает международные правовые нормы ответственности государства за их судьбы, создавая при этом международный механизм контроля над соблюдением всего вышеперечисленного со стороны отдельных государств.

Имеется также значительное количество более частных международных и региональных соглашений по конкретным аспектам социальной защиты детства.

Несмотря на все принципы, декларированные в международных документах, не все права в защиту детства учтены. Так, например, многие дети продолжают свое пребывание в семьях не по своей воле. Интернатные учреждения зачастую переполнены детьми-сиротами.

Несмотря на то что примерно 197 стран присоединились к подписанию Конвенции и ратифицировали ее, во многих странах права детей фактически не соблюдаются, нарушаясь, раз за разом. Одной из таких стран является Гватемала, которая успешно ратифицировала данный документ еще 6 июня 1990 года.

Проблема детства в Гватемале

Как уже отмечалось выше, для оценки уровня развития той или иной страны применяется рейтинг, подразделяющийся на четыре основные группы (очень высокий, высокий, средний и низкий уровень развития).

Гватемала, согласно данному рейтингу, находится на 125-м месте из 188. Уровень человеческого развития составляет 0,640. Согласно статистическим данным ООН, на 10% богатого насе-

ления приходится более 40% от общего потребления населения. Более 50% гватемальцев находятся за чертой бедности, а 15% населения живут в крайней нищете. Коренное население Гватемалы составляет 38%. 76% коренного населения живут за чертой бедности, а 28% в крайней бедности. 43% детей в возрасте до 5-ти лет хронически недоедают. Это один из самых высоких показателей недоедания в мире. Страна относится к третьей группе – среднего уровня развития, как и большинство стран Латинской Америки, что предопределено особенностями исторического развития региона.

История Гватемалы – многолетнее противостояние коренного населения и пришлого, начиная с периода колонизации в XVI в. Обретение независимости в XIX в. лишь усугубило эти противоречия. Драматические события второй половины XX в., затяжная гражданская война, закончившаяся в 1996 г. заключением «мирного договора», привели общество в состояние неустойчивости, вследствие чего нарушилось традиционное существование общин, появление «ладинос» и обильного количества детей-сирот.

Известно, что с 1940-х годов во всех политических и общественных восстаниях, гражданских и партизанских войнах прямое или косвенное непосредственное участие принимают США, продолжающие реализовывать «доктрину Монро». Аналогичная ситуация в большей или меньшей степени наблюдается не только в Гватемале, но и во всей Латинской Америке. Это дестабилизирующее влияние проявляется в частности тем, что за последние 60 лет в Гватемале произошло множество военных переворотов, смены режимов власти. Только в период самого затянувшегося конфликта в Гватемале 1960–1996 гг., который также не прошел без участия США, в стране погибло 200 тыс. человек, 1,5 млн. мирного населения стали беженцами. Причем около 80% жертв были коренное население и индейцы майя.

Одним из наиболее трагических следствий данных конфликтов стало проявляться появление большого количества сирот, как показали собственные полевые исследования, проведенные при поддержке Школы политической науки Университета Сан-Карлос (ЕСПУСАС) в Гватемале в июле – августе 2017 г. Совершенно очевидно, что речь идет о том, что проблема детей, лишенных семьи, стала проблемой нескольких поколений. Во время гражданских войн большинство жителей сельских общин,

мужчин и женщин, так или иначе, оказывались втянутыми в военные действия (по одним источникам, с 1954–1996, по другим, 1944–1996). Многие мигрировали из страны по разным причинам, оставляя своих детей с родственниками, часто со старшими братьями и сестрами. Немало случаев, когда родители были убиты, а дети оставались в одиночестве. Сложился феномен, когда дети, лишившиеся своих семей, образовывали общины, в которых более старшие – подростки становились фактически кормильцами для младших. Правительство Гватемалы, реагируя на подобную проблему, пыталось предпринять некие шаги по ее устранению посредством введения реформ в социальной сфере и сфере образования. Однако, к сожалению, в силу коррумпированности власти, постоянной ее сменяемости и отсутствия преемственности, никаких глобальных результатов это не дало. Таким образом, сформировалось уже не одно поколение людей в семьях с разрушенными традициями и нарушенной моделью воспитания и социализации.

Выход из подобной системной проблемы возможен лишь при наличии политической воли. Однако политические группировки погрязли в борьбе за власть, развитии иностранных инвестиций и капитала. Принятие новых реформ в образовании, здравоохранении и социальной сфере сводится к запретам и отмене старых реформ, а «инновации» вводятся под ощутимым давлением западных заинтересованных сил. Необходимо признать, что государство полностью выпустило из-под контроля ситуацию, а впоследствии так и не обратилось к проблеме утраченного поколения, потенциала и будущего страны – детей.

Права детей нарушаются в Гватемале постоянно. В целях улучшения ситуации с несовершеннолетними, которые остались без родителей или попали в трудную жизненную ситуацию в условиях повальной бедности и не получают доступа к образованию, в стране с 1998 по 2003 г. стали развиваться программы международного усыновления детей Гватемалы²³. Эти программы предусматривают соблюдение основных положений «Конвенции о правах ребенка» на достойную жизнь в равных условиях.

Следует отметить отсутствие достоверной информации или же ее недостаточность, которая проявляется в ограниченности и искажении данных заинтересованными международными организациями.

В мировой практике международное усыновление возникло после окончания Второй мировой войны. В период с 1948 по 1969 г. в США стала распространяться практика усыновления детей из других стран²⁴. Жители из обеспеченных стран, не затронутых войной, из добрых побуждений воли, пытались создать детям-сиротам из разоренных стран лучшее будущее, достойную жизнь²⁵. В результате возникла «Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в вопросах усыновления», принятая 29 мая 1993 года²⁶. Дети, в основном из неразвитых стран, усыновлялись семьями из благополучных стран.

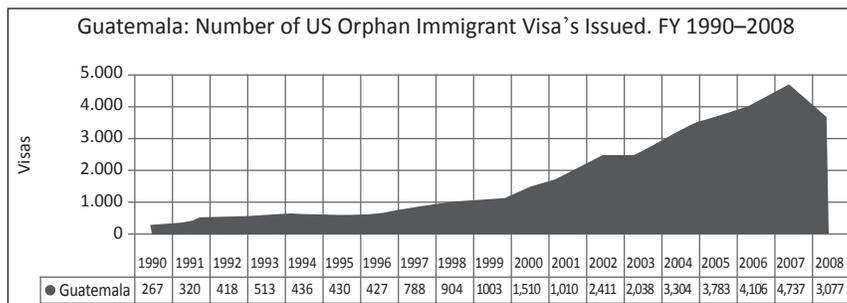
Однако, согласно данным института журналистских расследований Шустера, в 2008–2009 году в Гватемале внезапно резко ухудшается состояние международного усыновления из-за большого количества нарушений со стороны ответственных за это институтов.

В 2006 и 2007 годах Гватемала отправила в США для усыновления почти столько же детей, что и Китай, несмотря на стократную разницу в количестве населения: в 2007 году Китай направил 5,453 из его населения в 1,3 миллиарда человек, а Гватемала отправила 4,728 из 13 миллионов. За прошедшие годы каждый из 110 детей, рожденных в Гватемале, был усыновлен США. Статистические данные приведены в таблице 2 «Гватемала: Количество американских сиротских миграционных виз 1990–2008 гг.»²⁷

При этом таблица не отражает данных по степени легальности усыновлений.

Согласно данным ЦРУ, в Гватемале 56% населения живет за чертой бедности, ВВП на душу населения составляет менее чем \$500 в год, когда, например, в США данная цифра составляет \$4700 в год, что формирует благодатную почву для нелегального бизнеса²⁸. Многие адвокаты сразу после ратификации «Гагской Конвенции о международном усыновлении» нашли пути обхода и лазейки в законодательстве и активно начали специфический бизнес по продаже детей в иностранные государства. Около 98% международных усыновлений из Гватемалы прошли через частных «адвокатов». Один адвокат мог засвидетельствовать отказ от ребенка и на законных основаниях мог назначить ребенку родителей-иностранцев, за значительную плату – все без какого-либо контроля, вмешательства, комментариев или вопросов от судьбы или учреждения социального обслуживания. Данная сумма составляла \$ 35 000 за одного ребенка²⁹.

Таблица 2

Гватемала: Количество американских сиротских иммиграционных виз 1990–2008 гг.³⁰

Source: US Department of State

Также были известны случаи покупки детей путем обмана, похищения детей и принуждения семей отдать ребенка.

В 2007 году «Гагская миссия по установлению фактов нарушения законодательства» сообщила, что, несмотря на неодобрение мирового сообщества, в некоторых семьях сельских районов Гватемалы открыто говорили о «продаже младенцев за 300 долларов» для поддержки своих семей. Представитель ЮНИСЕФ в Гватемале Мануэль Манрике сообщил, что 30% детей отправили за границу, а женщины Гватемалы стали наемными рабочими – неофициальными суррогатными матерями, которые подобным способом зарабатывали себе на жизнь³¹.

Согласно исследованиям, проведенным Институтом журналистских расследований Шустера, университета Брандейса в США, стали известны истории о похищении детей. Так, например, зарегистрирован случай, когда в 2006 году гватемалку-индеанку Ракель Пар усыпили в автобусе и похитили ее ребенка. Когда она очнулась, то дочери уже не было. Через год в 2007 году она узнала, что ее дочь была усыновлена американской парой³².

В июле 2007 года сын Тэльмы Кристины Соль был похищен, в то время как она работала, продавая лепешки. Когда женщина обнаружила его, поддельные документы на усыновление ребенка уже были изготовлены³³.

Пожалуй, самыми известными из жертв подобного бизнеса стали Анна Эскобар и Ольга Лопес, которые инициировали агитационную кампанию для привлечения внимания к проблеме

матерей, чьи дети были похищены для нелегального усыновления. Новорожденная дочь Анны Эскобар была похищена из рук бабушки. В поисках похищенной девочки, женщины регулярно посещали приюты, детские сады, государственные учреждения, местные муниципалитеты. Более того, Анна Эскобар и Ольга Лопес объявили пятидневную голодовку, чтобы привлечь внимание к проблеме похищения детей. В результате Анна Эскобар нашла свою дочь Эстер, которой уже дали другое имя, за несколько недель до отправки ее семейной паре в штат Индиана, США³⁴.

Для прекращения подобных незаконных историй с 1 января 2008 г. правительство Гватемалы закрыло программы международного усыновления детей, в том числе для США. Население стало с недоверием относиться к жителям других стран, опасаясь похищения детей. В индейских общинах были известны случаи совершения самосуда над иностранными туристами, близко приближавшихся к детям общины³⁵.

Другая проблема в том, что государственным приютам Гватемалы не уделялось достаточно внимания, остро ощущалась ограниченность финансового обеспечения. До государственных «надежных приютов» не доходили средства, направляемые правительством на их обеспечение и развитие. Государственные приюты не обеспечивали должных условий для детей, и дети неизбежно становились объектом внимания со стороны криминальных группировок.

После закрытия программ международного усыновления в Гватемале, частных приютов для детей-сирот, государственные приюты стали еще более переполненными.

За последние три года в Гватемале прошла мощная кампания по закрытию частных приютов³⁶. И детей из частных приютов стали направлять в государственные «надежные приюты», и без того переполненные и находящиеся в плохом состоянии. Кульминацией абсурдности этой ситуации стала гибель 39 девочек в государственном приюте в марте 2017 года. Дети сгорели заживо, так как полиция не выпустила их за пределы приюта. В настоящее время никакого расследования не ведется.

При столь сомнительной политике представителей правительства Гватемалы остается масса вопросов, связанных с вовлечением детей в наркоторговлю, криминальный бизнес, проституцию, исчезновением детей, и наличием определенных организаций, обладающих правом, несмотря на все запреты, международного усыновления.

Проведенный анализ ситуации с детьми большинства бедного населения Гватемалы позволяет сделать вывод о том, что в странах с периферией современной мировой системы происходит разрушение социума, осуществляемое с полного негласного вмешательства стран, определяющих мировую политику в области детства. Таким образом, физически разрушается поколение, которое должно составить основу социума на следующем этапе исторического развития.

¹ *Ершова Г.Г.* Асимметрия зеркального мира. М., 2003. С. 145.

² Население мира. Состав и структура населения. [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Я Класс». 2017. URL: <http://www.yaklass.ru/materiali?mode=lsntheme&themeid=191> (дата обращения: 11.08.2017).

³ Конвенция о правах ребенка // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 16.07.2017).

⁴ Совершеннолетие. [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. 2017. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 11.08.2017).

⁵ «Стены и мосты» — II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, Российский государственный гуманитарный университет, М., 2014. С. 10–29.

⁶ Там же.

⁷ *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М., 2004. С. 5–179.

⁸ *Кураев Г.А., Пожарская Е.Н.* Возрастная психология. Курс лекций, Ростов-на-Дону, 2000.

⁹ *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988. С. 134.

¹⁰ Eurostat Statistical books. People in the EU: who we are and how we live? (p. 56) // Евростат. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7089681/KS-04-15-567-ENN.pdf/8b2459fe-0e4e-4bb7-bca7-7522999c3bfd> (дата обращения: 13.08.2017).

¹¹ Там же.

¹² Декларация прав ребенка // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. М., 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec (дата обращения: 16.07.2017).

¹³ Всеобщая декларация прав человека // Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.un.org/>

ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁴ Всеобщая декларация прав человека // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁶ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁷ Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁸ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

¹⁹ Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

²⁰ Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 16.07.2017).

²¹ Конвенция о правах ребенка // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon (дата обращения: 16.07.2017).

²² Statistical commission, forty-seventh session, 8–11 March 2016. Transformative agenda for official statistics. Report of the Secretary-General // Организация объединенных наций. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/47th-session/documents/2016-4-Transformative-agenda-for-official-statistics-E.pdf> (дата обращения: 16.07.2017).

²³ DECRETO NÚMERO 77-2007 Ley de adopciones. El congreso de la republica de Guatemala // UNISEF Guatemala. [Электронный ресурс]. 2017.

URL: https://www.unicef.org/guatemala/spanish/Ley_de_Adopciones.pdf (дата обращения: 16.07.2017).

²⁴ International adoptions in decline as number of orphans grows, by Kevin Voigt and Sophie Brown, CNN, September 17, 2013 // Cable News Network. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://edition.cnn.com/2013/09/16/world/international-adoption-us-children-adopted-abroad/index.html> (дата обращения: 16.07.2017).

²⁵ Там же.

²⁶ Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://base.garant.ru/2556181/> (дата обращения: 17.07.2017).

²⁷ Capsule overview of adoption issues in Guatemala // Brandeis University. The Schuster Institute for Investigative Journalism. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.brandeis.edu/investigate/adoption/guatemala.html> (дата обращения: 15.07.2017).

²⁸ Capsule overview of adoption issues in Guatemala // Brandeis University. The Schuster Institute for Investigative Journalism [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.brandeis.edu/investigate/adoption/guatemala.html> (дата обращения: 15.07.2017).

²⁹ Ibid.

³⁰ The world Factbook, Central America and Caribbean: Guatemala // Central Intelligence Agency. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/gt.html#Econ> (дата обращения: 14.07.2017).

³¹ Capsule overview of adoption issues in Guatemala // Brandeis University. The Schuster Institute for Investigative Journalism [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://www.brandeis.edu/investigate/adoption/guatemala.html> (дата обращения: 15.07.2017).

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Buscan frenar el desalojo del Jugar Rafael Ayau por la vía legal// Chapines Unidos por Guate. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://chapinesunidosporguate.com/buscan-frenar-el-desalojo-del-hogar-rafael-ayau-por-la-via-legal>. (дата обращения: 07.07.2017).

³⁷ Incendio en un orfanato de Guatemala provoca la muerte de al menos 31 niños // Russia today [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://actualidad.rt.com/actualidad/232794-incendio-orfanato-guatemala-provoca-muerte-19-ni%C3%B1os#.WMA5kLn6YH0.facebook> (Дата обращения: 07.07.2017).

Сведения об авторах

БОРИСОВА Галина Александровна – соискатель Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: mutemuia@gmail.com

ВЛАСОВ Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: ovb1@yandex.ru

ДОЛГОВА Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: dolgova-evg@rambler.ru

ЕРМАКОВ Вадим Андреевич – кандидат исторических наук, доцент Московского финансово-юридического университета.
E-mail: fact-476@yandex.ru

ЕРШОВА Галина Гавриловна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: mesoamerica@fipp.ru

ЖЕЛЕЗОВА Наталия Павловна – магистрант Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: tasheko@mail.ru

ЖЕНИН Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: ilya-zhenin@yandex.ru

ЛУКЪЯНОВ Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: lukadmiv@mail.ru

ЛЯРСКИЙ Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.
E-mail: lam732007@yandex.ru

МАЗУР Людмила Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.
E-mail: lmaz@mail.ru

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.
E-mail: bmironov@mail.wplus.net

МОЛОДЧИКОВА Татьяна Сергеевна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета
E-mail: tatiana20emr@gmail.com

МУХИН Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета.
E-mail: himan1@rambler.ru

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН.
E-mail: romanival@yandex.ru

РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
E-mail: m_roumiantseva@hse.ru

СИНЕЛЬНИКОВА Елена Федоровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

СЛИСКОВА Валерия Викторовна – магистрант Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: valeriya.sliskova@mail.ru

СМИРНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева.
E-mail: smirnov195503@yandex.ru

СОБОЛЕВ Владимир Семенович – доктор исторических наук, заведующий Сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
E-mail: vlad_history@mail.ru

СТРЕЛЬЧЕНКО Андрей Борисович – доктор медицинских наук, ст. науч. сотр., психотерапевт, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги.
E-mail: strelchenkoab@gmail.com

СУКИНА Людмила Борисовна – доктор исторических наук, кандидат культурологии, доцент, Институт программных систем РАН; заведующая кафедрой гуманитарных наук, Московский педагогический государственный университет (Сергиево-Посадский филиал), профессор.
E-mail: lbsukina@gmail.com

УСОЛЬЦЕВА Инесса Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания РАО.
E-mail: iv-usoltseva@yandex.ru

ФЕДОРОВА Людмила Львовна – кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: lfvoux@yandex.ru

ХИВИНОВА Дарья Андреевна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: hivinova.daria@ya.ru

MALDONADO REPETTO Adrian – Dr. in Philosophy, deputy director of Centro de epigrafía maya “Yuri Knorosov”, Mérida, México.
E-mail: adrianmaldonadorepetto@hotmail.com

CONTENTS

<i>Introduction</i>	7
The discussion platform “How do revolutions happen?”. Towards the 100th anniversary of the revolution in Russia	11
<i>Ershova G.G.</i> The Cultural Revolution as an object of interdisciplinary research	12
<i>Mironov B.N.</i> The Revolution of 1917 as a self-fulfilling prophecy	35
<i>Romanovsky N.V.</i> Evolution of the 1917 historiography. The reflection and search	57
<i>Ermakov V.A.</i> The Great Russian Revolution of 1917 in the context of Theda Skocpol structural theory and comparative analysis	67
<i>Maldonado Repetto A.</i> Talleyrand and The French Revolution	76
Round table: “Psychological aspects of civilizational processes”	81
<i>Strelchenko A.B.</i> “Walls” and “bridges” of our psyche How does this “threaten” humanity?	82
<i>Section 1. History and Social Sciences</i>	90
<i>Liarsky A.B.</i> Sociology and history. On the reconstruction of social networks	90
<i>Sukina L.B.</i> Development and transformation of Russian Culture in 18 th century. Social aspects	108
<i>Mukhin O.N.</i> “...They waited for the leader, the leader appeared”. An issue of relations between the leader and masses (on the material of the Peter the Great era)	118
<i>Smirnov Yu.N.</i> The use of “oral history” techniques in regional studies of the middle of the 19 th century recording of Samara citizens stories about the past	128
<i>Usoltseva I.V.</i> The family crisis judging by P.F. Kapterev. Whether that is Peter 1 st fault?	137

<i>Section 2. Historical memory and the construction of social reality</i>	144
<i>Mazur L.N.</i>	
Theories of social design as an instrument of historical research.	
Conceptual apparatus adaptation issues	144
<i>Zhenin I.A.</i>	
The concept of “psychology of peoples”	
and image design of Russia at the turn of the 19–20 centuries	160
<i>Dolgova E.A., Sliskova V.V.</i>	
Scientific fiction and scientific practice. In search	
of “revolutionary science”	169
<i>Molodchikova T.S.</i>	
“Places of Memory” in the history of Yucatán (Mexico)	180
<i>Section 3. Interdisciplinary research in the history of science</i>	188
<i>Rumyantseva M.F.</i>	
The ideas and concepts of psychology	
in A.C. Lappo-Danilevsky “methodology of history”	188
<i>Sinelnikova E.F., Sobolev V.S.</i>	
Interdisciplinarity in the activities of the St. Petersburg	
philosophical society (1897–1923)	197
<i>Lukyanov D.V.</i>	
Thomas Kuhn “Ducks” and “rabbits”. Revolutionary changes	
in science and the modern “communicative” discourse	204
<i>Section 4. Linguistic methodologies in historical research</i>	215
<i>Fedorova L.L.</i>	
The practice of interdisciplinary approaches to the study	
of ancient writing systems	215
<i>Vlasov N.A.</i>	
Russia in the world view of Otto von Bismarck.	
Methodology of research	224
Round table of young scientists “Workshop of the historian.	
How to make the science interesting?”	231
<i>Borisova G.A.</i>	
Issues of underwater archeology in Yucatan	232
<i>Zhelezova N.P.</i>	
Central Asian ethnopsychological studies of A.R. Luria	
in 1931–1932	239
<i>Khivinova D.A.</i>	
Interdisciplinary approach to the study of international projects	
on the childhood protection	245
<i>General data about the authors</i>	263

“Walls and bridges – 6”. The practice of interdisciplinary research in history. G.G. Ershova (ed.), E.A. Dolgova (comp.)

The 6th volume of the continuing publication “Walls and bridges: interdisciplinary approaches in historical research” is devoted to the practice of interdisciplinary research. The idea of the project is the detecting and realizing heuristic potential of methods and of interdisciplinary research approaches to the traditional historical issues.

С79 **«Стены и мосты – VI»:** практика междисциплинарных исследований в истории / Г.Г. Ершова (отв. ред.), Е.А. Долгова (сост.); Центр междисциплинарных гуманитарных исследований; Российский государственный гуманитарный университет. М.: РГГУ, 2018. 266 с.

ISBN 978-5-7281-2047-6

VI том продолжающегося издания «Стены и мосты: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях» посвящен практике междисциплинарных исследований. Замысел проекта состоит в обнаружении и реализации эвристического потенциала методов и подходов междисциплинарных исследований к традиционно исторической проблематике.

УДК 930
ББК 63

Научное издание

«Стены и мосты – VI»:
практика междисциплинарных
исследований в истории

Редактор *И.А. Белоконь*
Корректор *О.К. Юрьев*
Технический редактор *И.Н. Косиченко*
Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 18.05.2018.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 16,7. Уч.-изд. л. 17,5.

Тираж 500 экз. Заказ № 133

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06